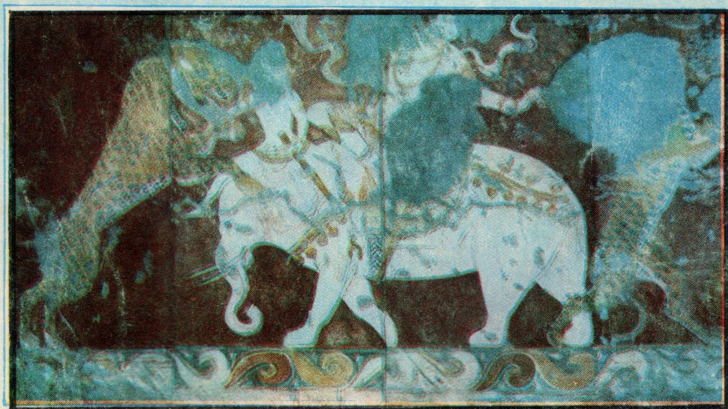

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БУХАРЫ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ УЗБЕКСКОЙ ССР
БУХАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БУХАРЫ

Контрольный экземпляр

ТАШКЕНТ
«УЗБЕКИСТАН»
1990

Настоящая работа представляет собой сборник статей научных сотрудников Бухарского государственного архитектурно-художественного музея-заповедника, а также специалистов различных научных учреждений Узбекистана. В нем собраны интересные материалы об истории, древней культуре, прикладном искусстве Бухары. Рассчитана на историков, археологов, архитекторов и всех интересующихся историей Бухарского оазиса.

Ответственный редактор
доктор исторических наук

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

Ответственный секретарь

Г. КУРБАНОВ

Редактор *В. Колегова*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сборник «Из истории культурного наследия Бухары», подготовленный научными сотрудниками Бухарского государственного архитектурно-художественного музея-заповедника и ряда научных учреждений Узбекистана, посвящен Бухарской области.

Современный ее центр — Бухара — в древности и средневековье являлся одним из наиболее значительных городов Средней Азии, местом сродоточия культурных ценностей средневекового Мавераннахра, столицей бухархудатского владения (вторая половина VII—VIII вв.), государства Саманидов (последняя четверть IX—X вв.), Шейбанидов (XVI в.), Аштарханидов (XVII— первая половина XVIII вв.), Мангытов (вторая половина XVIII — начало XX в.).

История Бухарского оазиса, Бухарского, или Западного Согда, как его часто именуют, достаточно не плохо известная для эпохи средневековья благодаря обилию письменных источников, мало изучена в отношении раннесредневекового и особенно древнего ее периодов, из-за почти полного отсутствия письменных сведений.

Археологические исследования, развернувшиеся в последние пять десятилетий на территории оазиса, показали непрерывный ход историко-культурного процесса в нем, начиная с эпохи камня, зафиксировали разнообразные памятники различных исторических эпох, выявили блестящий комплекс памятников художественной культуры Варахши.

Новые археологические данные вкупе с нумизматическими материалами и сведениями письменных источников («История Бухары» Наршахи, китайские хроники, раннеарабские авторы) позволяют сейчас уже более верно, чем прежде, представить историю домусульманской Бухары.

В письменных источниках термин Бухо впервые отмечен Сюань-Цзянем (около 630 г.н.э.). Это же название, но в согдийской передаче зафиксировано на местных подражаниях драхам сасанида Варахрана V (421—439 гг.), чеканившихся в бухарском владении с конца V в. и на т. н. «копчиковском» блюде, датируемом, по палеографическим данным, не позднее

конца VI — начала VII в. По мнению ряда ученых, опирающихся на сведения Джувейни (XIII в.), оно восходит к санскритскому вихара — «монастырь», что однако недостаточно обоснованно.

Другое название Бухары — Нюми (кит.), известное с V в., и Нумиджкет (мус.), зафиксированное в письменных источниках, восходит, вероятно, к согдийскому Намич — знаменитый, славный (пам (фарси) — имя).

Сведения письменных источников по истории домусульманской Бухары ограничиваются ранним средневековьем. Для более ранних периодов контуры ее могут быть охарактеризованы только археологическими и нумизматическими данными.

В первых веках до н.э. — первых веках н.э. Бухара являлась самостоятельным владением, входившим в состав Кангуйского государства. На протяжении всего этого периода здесь обращаются серебряные подражания тетрадрахмам Евтидема, вначале с кангуйской тамгой и искаженной греческой легендой, затем — с искаженной греческой и согдийской легендой и только с согдийской легендой. Завершающий этап (II—III вв. н.э.) — появление самостоятельного чекана, на котором «портрет» Евтидема заменяется изображением бухарского правителя в тигре в сопровождении согдийской легенды.

Правители Бухары этого времени носили арамейский титул мрай (государь), их имена, имеющиеся в легендах на монетах, еще не достаточно ясны.

В конце III в. н.э. и вплоть до середины или конца IV в. в Бухарском владении выпускаются серебряные монеты с изображением правителя вправо на лицевой стороне и алтаря огня (позднее с головой Ормузда в пламени — только на медных монетах) на оборотной стороне и согдийской легендой, где хорошо читается титул и имя правителя: государь Мовач/к. Затем их сменяют медные монеты, на аверсе которых имеется изображение головы правителя вправо в диадеме, а на реверсе — алтарь огня и надпись письмом арамейского происхождения «государь Асбар». Имя правителя, по мнению В. А. Лившица, иранское — «всадник», также как и титул.

По данным Бей-шу (VII в.), бухарское владение носило название Ань, Неуми, а его правители, насчитывающие 22 поколения, имели общее с правителями Согда происхождение от юечжийского дома Чжа-оу. Китайские источники во второй четверти VII в. называют правителем Бухары некоего Алинга.

В мусульманских источниках, обобщенных Г. Гоибовым, упоминаются следующие правители Бухары: Бидун (умер до 673 г.), Хутак Хатун (673 — 692), Тугшада I (692 — 724),

Варданхудат-узурпатор (706—709), Тугшада II (724—738), Кутайба I (738—753), Неизвестный бухархудат — Тугшада III (753—768), Сукан (768—775), Буньят (775—782).

Правители Бухары в период раннего средневековья, по нумизматическим данным, носили два основных титула — «государь» и «царь», которые на монетах бухархудатов переданы вместе — «государь царь Бухары».

Время возникновения города в письменных источниках не имеет точного определения. Согласно версии Нишанпури, первоначальное поселение на месте Бухары, основанное в болотистой пойме дельтовых протоков Зеравшана, состояло из юрт и палаток, а впоследствии и стационарных построек. Основание самого города тот же автор связывает с тюркским правителем Шири-Кишваром, прибывшим сюда в ответ на просьбу бухарских дехкан, бежавших из Бухары в Туркестан и Тараз во время правления Аброя. Этот период современными исследователями этого вопроса датируется 60—80 гг. VI в.

Новые археологические данные позволяют более точно определить этапы возникновения и развития Бухары. Наиболее ранние по времени археологические слои середины I тысячелетия до н.э. (по одному мнению) или IV—II вв. до н.э. (по другому мнению) обнаружены в нескольких местах на территории средневекового шахристана, IV—III в. до н.э. датируются первоначальные крепостные стены арка.

В первых веках до н.э. — первых веках н.э. Бухара состояла из укрепленной крепостными пахсовыми стенами (толщина до 7—8 м) цитадели-арка (площадь — не более 2 га), основанной на лессовом холме, и расположенного к востоку от нее, за широким рвом, поселения рассредоточенной планировки, состоящего из нескольких, возможно, также укрепленных жилых массивов.

В раннее средневековье (VI — VIII вв. н.э.) территория арка увеличивается за счет наращивания стен с внешней стороны и превращения ранних стен в платформу толщиной 16—18 м, в середине которой возводится новая стена из сырцового кирпича, а по краю барьерная стенка — протейхизма. Возведение этих стен, вероятно, можно сопоставить с деятельностью бухархудата Бидуна, а также восстановление стен арка Бухары, которые долгое время лежали в развалинах, но затем были восстановлены по его приказу.

Большие изменения происходят в раннее средневековье и на территории шахристана. В V—VI вв. он состоял из двух самостоятельных, укрепленных крепостными стенами частей (северной и южной, площадью 8—11 га и 7—8 га соответствен-

но), разделенных руслом древнего протока Зарафшана, выполнявшего также функции оборонительного рва. Возможно, что первая из них являлась собственно шахристаном, а вторая — рабадом. К началу VIII в. обе части постепенно сливаются друг с другом, исчезает и ров, на месте которого возникает магистральная улица.

Бухара времени арабского завоевания состояла из отдельно стоящего арка — кухендиза (площадь около 1 га), имеющего двое ворот: восточные — Гуриан и западные — Регистан, соединенных улицей. Перед западными воротами находилась обширная площадь. Среди наиболее значительных построек в арке упоминается дворец Бидуна, построенный «по плану наподобие созвездия Большой медведицы, на семи каменных столбах», и храм идолов. К востоку от арка располагался прямоугольный в плане шахристан (площадь около 30—35 га) с двумя центральными магистральями, пересекающими его на четыре части. В крепостной стене шахристана имелось семь ворот: Хакрох (Хуфра), Нау (Нур), Аттарон (Базар), Бану Са'д, Бану Асад (Мухре), Кухендиз (Гебров), Аханни. Внутри городской территории располагался храм огнепоклонников, базар Мох, где продавали идолов, жилища знати. Еще один дворец Бухархулата находился на Регистане. По договору с Кутейбой, жители Бухары вынуждены были передать арабам половину своих жилищ в шахристане. К северо-востоку от него в местности Кунки-муган богатые купцы кешкушаны возвели 700 замков с жилищами для слуг, здесь же находились храмы огня, а в начале IX в. появился базар Харкан. За пределами шахристана формируется обширный рабад, ставший важной составной частью города. В 840—850 гг. рабад Бухары был обнесен оборонительной стеной с 11 воротами: моста Хасана, Железные, Ма'била, Самаркандские, улицы Магов, Дарвазаче, Фарлжек, моста Сувейк, замка Кивани, Рухне, безымянные у мечети Мох.

Последующие в средневековые перестройки стен и перепланировки внутренней структуры значительно изменили облик города.

В исследовании Бухары велика заслуга русских — В. В. Бартольда, Н. Ф. Ситняковского, Л. А. Зимина, П. И. Лерха, Н. В. Ханькова, и советских ученых — Я. Г. Гулямова, М. Е. Массона, О. В. Обельченко, Г. А. Пугаченковой, Л. И. Ремпель, А. Ю. Якубовского, В. А. Шипкина; зарубежных исследователей — А. Вамбери, Э. Шефера, В. Хеннига, Р. Фрая.

В продолжение историко-востоковедческих традиций, заложенных рядом поколений ученых, в данном сборнике публикуются статьи, отражающие новые или малоизвестные матери-

алы, характеризующие различные проблемы истории и культуры Бухарского оазиса.

Четыре из них посвящены археологии. В статье Ш. Адылова рассматривается динамика развития и формирования одного из выдающихся археологических памятников этого оазиса — городища Варахша. Новые данные к истории сложения крепостных стен арка Бухары вводит в научный обиход весьма ценная статья Е. Г. Некрасовой. Совместная статья Д. К. Мирзаахмедова, Ш. Т. Адылова, А. Р. Мухамеджанова посвящена анализу комплекса средневековых стеклянных изделий из раскопок на городище Пайкенд. В статье Д. К. Мирзаахмедова анализируется керамика эмирской Бухары.

Три статьи сборника востоковедческого характера. Весьма интересная статья Б. Казакова, посвященная подробной и тщательной характеристике хранящихся в Бухарском музее всех видов рукописных источников. Статья содержит много интересных, прежде всего неизвестных доселе данных и по праву может быть отмечена как наиболее значимая в этом сборнике. В статье Г. Курбанова, анализирующей малоизученную область сфрагистики, и в статье Х. Тураева, посвященной архиву купечества, на основе новых данных рассматриваются различные вопросы истории позднесредневековой Бухары.

Многих читателей, вероятно, заинтересует любопытная статья М. И. Ниязовой, характеризующая полузабытую технологию производства знаменитых в прошлом бухарских сладостей.

В статье А. Мусакаевой предпринята попытка классификации одной из групп монет позднеантичной Бухары.

Две статьи сборника — Р. Альмеева и А. Нуриллаева — посвящены вопросам музееведения. В первой из них показана история создания и этапы развития Бухарского музея, дана характеристика фондов и экспозиции музея, а во второй излагается опыт создания и деятельности первого в Узбекистане Музея истории колхозов. Интересна статья М. Пулатовой, в которой содержатся новые данные по истории Бухарской Народной Советской Республики и деятельности первого ее юрисконсульта К. И. Лаврова.

По существу, это первый научный сборник, подготовленный областным музеем Узбекистана. Столь ценное начинание, безусловно, должно получить всяческую поддержку.

Э. В. Ртвсладзе

ИЗ ИСТОРИИ БУХАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В 1922 году в Бухаре по решению Назирата просвещения БНСР в торжественной обстановке был открыт Бухарский государственный музей с пятью экспозиционными залами. На его открытии присутствовали полпред Советской России в БНСР — Фонштейн, заместитель Совета Народных Назиров Ата-Ходжаев, народный назир просвещения БНСР Кари Юлдаш Пулатов и другие члены Бухарского революционного правительства.

О значении создания музея в Бухарской республике сказал в своем выступлении заместитель назира просвещения БНСР Мазхар Махзум: «Музей — это поучительный урок. Поколение, обозрев его (экспозицию), узнает больше об истории народа. Нет более ценной книги для изучения истории страны, чем (экспозиция) музей».

Музей был учрежден для собирания и сбережения предметов материальной и духовной культуры, что было отмечено в выступлении Кари Юлдаша Пулатова: «Мы собрали большое количество экспонатов, которые выставили. Думаю, что наши последователи будут их увеличивать».

Первым директором музея был назначен А. Пулатов — активный участник народной революции 1920 г.

Экспозиция музея была представлена предметами старины (рукописи, медночеканные и золотошвейные изделия), собранными назиратом просвещения.

В 1924 г. работниками музея была создана выставка для работников села, которая демонстрировала достижения республики в сельском хозяйстве. Однако по ряду причин музей был временно закрыт. Постановлением ЦИК и Совета Народных Комиссаров Узбекской ССР от 4 мая 1925 г. жизнь музея была возрождена. Предусматривалось выделение фонда для поддержания и сохранности памятников, имеющих историческое значение и на содержание музеев в Бухаре.

Был решен также вопрос о передаче музея в ведение Бухарской комиссии по охране памятников старины и искусства (Бухкомстарис). С этого времени начинается активная деятельность сотрудников Бухкомстариса, направленная на возрождение музея.

Второй период существования музея ознаменовался созданием и расширением тематических экспозиций. До нас дошли документы, свидетельствующие об этом, в частности отношение Бухкомстариса начальнику Бухарского ГПУ о предоставлении экспонатов по военному быту бухарцев. Велись также переговоры с заведующим Самаркандским музеем В. Л. Вяткиным об обмене некоторыми материалами между музеями.

Ввиду расширения музейной экспозиции встал вопрос о необходимости перехода в новое здание. Подборкой здания занимался архитектор А. Логинов. Для музея было подготовлено здание медресе Кукелдаш, где 22 июня 1927 г. состоялось его открытие, при котором присутствовали заведующий Самаркандским музеем В. Л. Вяткин, В. А. Шишкин и другие представители Главнауки Узбекской ССР.

В 1930 г. была подготовлена выставка, посвященная 13-летию Октябрьской революции и 10-летию Бухарской народной революции. Постепенно фонды музея пополнялись материалами археологического, биологического, нумизматического и этнографического характера. Коллекции укомплектовывались по определенной тематике: «Великая Октябрьская социалистическая революция и революционизирование народов Бухары», «Успехи социалистического строительства Бухарской области».

Сотрудники музея выезжают в Керки для сбора материала, на основе которого создается отдел истории Бухарской революции. Создателем тематико-экспозиционного плана и ответственным за построение экспозиции был сотрудник музея П. Е. Корнилов, участвовали также сотрудники Среднеазиатского музея истории и истории революции (САМИИР), а также музея Революции СССР, Института марксизма-ленинизма.

В экспозиции были представлены материалы, характеризующие эпоху эмирата, джадидское движение, историю БНСР, годы строительства социализма. Экспозиция начиналась с темы «В. И. Ленин и народы Средней Азии». Центром ее являлся бюст В. И. Ленина — подарок рабочих Красной Пресни трудящимся Бухары. Для этой экспозиции художником П. И. Беньковым создаются картины: «Штурм Арка», «Крытый рынок», «Таджик» и другие, вошедшие в сокровищницу советской культуры. Сотрудники музея, помимо собирательской и экспозиционной работы, вели научные исследования. Так, в журнале «Советский музей» выходят статьи П. Е. Корнилова, рассказывающие о деятельности Бухарского государственного музея.

В 1931 г. бывший дворец эмира Ситораи Мохи Хоса был передан в ведение Бухарского музея. Здесь была создана историко-бытовая экспозиция, выставлены медночеканные, золотошвей-

ные и другие предметы прикладного искусства. Устанавливаются связи с другими музеями страны: Эрмитажем, Третьяковской галереей, Музеем революции СССР, Ленинградским атеистическим музеем.

В целях атеистической пропаганды были созданы выставки. На них были представлены документы, характеризующие наличие доисламских культов на территории Бухарского оазиса. Для жителей районов области проводились сельскохозяйственные выставки, свидетельствующие об огромных изменениях в экономике, культуре и жизни населения Бухары за годы Советской власти.

В 1937—1939 гг. под руководством В. А. Шипкина на городище Варахша, расположенном в 35—40 км к северо-западу от Бухары, осуществлялись археологические исследования. Во время раскопок была обнаружена настенная живопись и фрагменты плутового декора. Настенные росписи Варахши ныне украшают экспозиционные комплексы Эрмитажа, Музея истории народов Узбекистана, Бухарского краеведческого музея.

В последующие годы музей окончательно приобретает историко-краеведческий профиль. В 1945 г. он перемещается в Арк (древнюю городскую крепость, служившую в течение многих веков резиденцией бухарских правителей). Здесь располагаются следующие отделы: природы, где представлена флора и фауна Бухарской области, истории дореволюционного периода, документы, отображающие социально-экономическое положение эмирата, предметы этнографии; истории советского периода, документы, свидетельствующие о развитии промышленности и сельского хозяйства области за годы Советской власти.

На территории области, в особенности на городище Варахша, продолжают археологические раскопки, проводятся этнографические исследования АН Узбекской ССР, в которых принимают участие сотрудники музея. Собранный материал обогатил фонды Бухарского музея. На его основе создается отдел археологии, в котором раскрывается история Бухары — одного из древнейших городов Средней Азии.

В 1955 г. создается экспозиция в Зиндане (бывшая эмирская тюрьма, основанная в конце XVIII в.). Создание экспозиции — это творческий труд, успех которого зависит от уровня профессиональной и идейно-политической подготовки музейных работников, учета требований посетителей.

В мемориальном музее Абу Али ибн Сины, который был открыт в кишлаке Афшана в 1980 г. — в год 1000-летия со дня рождения великого ученого Востока, собраны поливная керамика эпохи Саманидов, архитектурный декор, муляжи медицинс-

ких инструментов, книги советских и зарубежных ученых, посвященных исследованию творчества Ибн Сины.

В 1982 г. был открыт музей изобразительного искусства, где демонстрируются живопись, графика, скульптура, показано развитие советской многонациональной культуры и искусства края.

Истории развития народного хозяйства Бухарской области отведено большое место в экспозициях отдела Советского периода, а также в общественных музеях, посвященных той или иной промышленной отрасли или сельскохозяйственным проблемам.

В последние годы создана новая экспозиция «Бухарская область в период развивающегося социализма, 1961—1985 гг.», позволявшая активизировать пропаганду экономических и социально-культурных достижений области, ее место и роли в народнохозяйственном комплексе республики. В экспозиции широко показан вклад трудящихся в выполнение планов развития народного хозяйства, экспозиция знакомит с лучшими людьми области.

В нашей стране всегда придавалось огромное значение охране, изучению и показу памятников истории и культуры, их использованию в деле коммунистического воспитания трудящихся. Начало этому было положено первыми декретами Советского государства 1918—1924 гг. о национализации памятников, достопримечательных мест и музейных ценностей.

В феврале 1985 г. был создан Бухарский государственный архитектурно-художественный музей-заповедник, в сеть которого входит краеведческий музей с филиалами, отдел охраны памятников истории и культуры.

В настоящее время на учет и государственную охрану в области взято свыше 900 памятников археологии, архитектуры, истории и монументального искусства; поселения и городища разных эпох, мавзолеев Саманидов IX—X вв., Арк — IV—III вв. до н.э. — XIX вв., минарет Калян — XII в., мечеть Магоки Аттори — XII в., мазар Чашма-Аюб, некрополь Чор Бахр, памятники XV—XVIII вв. — торговые купола: Таки Саррафон, Тельпак Фурушон, Заргарон, медресе Улугбека, Абдулазизхана, медресе и хонако Нодира Диван-Беги, Чор-Минор и др.

Основой основ музейной работы являются фондовые коллекции подлинных исторических реликвий, уникальных музейных предметов. Именно они создают базу для научно-исследовательской, экспозиционной и пропагандистской деятельности музеев.

За последние пять лет фонды музея увеличились почти в полтора раза и достигли 45 тысяч единиц хранения. Ежегодно

комплектуется в среднем две тысячи единиц хранения, примерно половину из них составляют материалы послереволюционного периода. Комплектование фондов ведется на основе научного плана, в котором определены темы и объекты собирательской работы. Экспедиции по сбору материалов намечают своей целью пополнение коллекций, обновление экспозиций, создание выставок, посвященных знаменательным событиям и датам.

Среди экспонатов греко-бактрийские серебряные монеты III—II вв. до н. э.¹, золотая плакетка с изображением божества, золотая монета Абу-л-Фейз-хана Апшарханида чекана Бухары 1715 г., стеклянные изделия X—XI вв. из Пайкенда, парадная посуда X—XI вв., найденная в Арке, рукописные документы и книги X, XIII — начало XX в. на персидском и арабском языках, изумительно богатой расцветки сюзанае, выполненные в технике ироки, басма, юрма.

В музее имеются ценные документы по истории Советского периода: дважды Героя Социалистического Труда чабана Джабая Баллиманова, документы и золотые часы главного юрисконсульта, полномочного представителя РСФСР в БНСР К. И. Лаврова, работавшего в Бухаре в 1917—1923 гг., орден «Бойцу Красной Армии и Красному партизану 30-х годов» — Мардона Алиева; мандаты и другие документы делегатов I съезда Компартии Узбекистана: Умара Раджабова, Хайдара Джумаева, К. Судакковой, Ф. Юсуповой; документы, награды, личные вещи участника Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза Шарифа Эргашева и участника Парада Победы Нора Кенжаева и т. д.

Для повышения культурного уровня, развития интереса к политическим и научным знаниям трудящихся области большое значение имеют выставки, пропагандирующие советский образ жизни, социалистический патриотизм и интернационализм. В частности, в последнее время были подготовлены выставки: «60 лет Узбекской ССР», «Новые поступления музея», «Охрана природы», «От тьмы к свету», «От съезда к съезду».

Достойное отражение в выставочной работе нашло 40-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне — были подготовлены стационарные выставки «Художники Бухары к 40-летию Победы», «Никто не забыт — никто не забыто!», выставки, посвященные XXVII съезду КПСС.

¹ В 1983 г. на территории колхоза «Правда» Бухарского района, на дне строящегося Свердловского канала, краеведами С. И. Ткачевым и А. В. Миллером был обнаружен новый клад греко-бактрийских монет, находившихся в глиняном сосуде, переданный затем в Бухарский краеведческий музей (см. Э. Ртвеладзе, М. Ниязова. Клад греко-бактрийских монет. ОНУ, 1984, № 6).

Плодотворна массовая научно-просветительская работа Бухарского музея и его филиалов. Сотрудники музеев стремятся к тому, чтобы проводимые идейно-воспитательные мероприятия были разнообразны по тематике, глубоки по содержанию.

Целенаправленно музейное обслуживание сельских тружеников. Во время сельскохозяйственных работ особенно интенсивно демонстрируются передвижные выставки, организуются лекции и беседы.

Большое внимание работники музея-заповедника уделяют разъяснению проблем современного этапа развития советского общества в свете решений XXVII съезда КПСС, январского и июньского (1987 г.) пленумов ЦК КПСС, конкретных задач, стоящих перед трудовыми и учебными коллективами по перестройке всех сфер производственной и общественной жизни.

В этих целях широко используются музейные экспозиции и прежде всего отдела истории советского периода, стационарные и передвижные выставки, лекции, печать и радио, другие средства пропаганды и агитации.

Только за 1987 г. проведено 43 различных мероприятия героико-патриотического характера, в которых приняли участие коллективы 22 промышленных предприятий, 8 колхозов и совхозов, 4 высших и средних специальных учебных заведений, 27 школ с охватом около 7 тысяч рабочих, колхозников, служащих студентов и школьников.

На них, как правило, выступали с небольшими сообщениями сотрудники музея, ветераны партии, войны и труда, делились своими воспоминаниями о свершениях трудящихся области в социалистическом строительстве, их ратном подвиге в суровые годы Великой Отечественной войны, рассказывали о собственном вкладе в укрепление экономического могущества страны. Подобные встречи неизменно завершаются торжественным приемом в пионеры и члены ВЛКСМ, вручением юношам и девушкам комсомольских билетов.

При музее функционируют кружки для школьников: «Юный краевед», «Юный археолог», «Юный историк».

В связи с проводимой в нашей стране реформой школьного и профессионально-технического образования окрепли контакты музея с общеобразовательными школьными, средними специальными и высшими учебными заведениями.

В Бухарском государственном музее-заповеднике и его филиалах в течение 1988 г. было организовано 48 встреч.

В музейной работе с молодежью большое значение придается патриотическому и интернациональному воспитанию, разоблачению враждебной националистической пропаганды.

В результате планомерной музеефикации памятников культуры Бухары открыты новые экспозиции по темам: «Медно-чеканное производство Бухары XIX—начала XX века», «Резное дерево из собрания Бухарского музея-заповедника», «Одежда горожанина Бухары конца XIX—начала XX века», «Нумизматика (III в. до н.э.—нач. XX в.) и эпиграфика (XVII—нач. XX в.) Бухары», «Керамика Бухары VI в. до н.э. — XX в.», «Городище Варахша», музей-художники: С. Айни, Д. Икрами и т.д.

Научно-просветительная работа музея находится в постоянном развитии, что можно проследить по статистическим данным: в 1960 г. число посетителей составило 122 724 человека, в 1970 — 309 480 человек, в 1980 — 608 721, 1987 г. — 2 млн. 103 тыс. 100 человек, проведено — 24 739 экскурсий с охватом 674 800 человек.

К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ СТЕН АРКА БУХАРЫ (НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ)

Арк — цитадель Бухары, расположенная к западу от шахрис-тана, представляет собой неправильный прямоугольник в плане, ориентированный по сторонам света со срезанным юго-восточным углом и выдвинутой входной западной частью, площадью с оплывами стен около 3 гектаров¹, высотой 15—18 м. Западную часть арка занимает музей, на остальной территории возвышаются руины нескольких построек из жженого кирпича и остатки стен.

В 1976—1978 гг. по заданию Главного управления по охране памятников культуры УзССР в связи с разработкой проекта реставрации сотрудниками УзСНРИМ (ныне УзНИПИ реставрации) нами производилось археологическое изучение стен арка.

В самом узком месте северной крепостной стены, где часть многочисленных облицовок оказалась смытой, а в стене образовалась значительная выемка, был заложен разрез, ориентированный по оси север-юг. Первоначальная его длина 25 м была затем сокращена до 24 м, а ширина — с 6 до 3 м. Разрез опущен на глубину 18 м. За нулевую отметку принято основание стены у дневной поверхности арка.

В истории сложения крепостной стены арка было выявлено четыре крупных строительных периода (рис. 1).

Первый строительный период — наиболее ранняя стена, выявленная в разрезе, отстоит от внешней грани ныне существующей стены на 16—18,5 м. Она сложена из нескольких слоев пахсы и пахсовых блоков (высота блоков — 0,9—1,0 м, толщина — 0,7—0,75 м). С внешней стороны небольшой участок стены подвергался ремонту слоем глины с саманом. Внешняя грань стены круто опускается вниз, а внутренняя образует небольшую площадку (остатки внутристенного коридора XXIII—XXII ярусы). До подошвы стена не прослежена. Наибольшая ширина ее — 7,5 м, наименьшая — 2,75 м. Сохранившаяся высота — 8 м (XXXVI XIX ярусы). С внешней стороны в культурных слоях, приле-

¹ Подсчет современной площади арка произведен кандидатом архитектуры В. М. Филимоновым, согласно масштабной аэрофотосъемке 1930 г., топоъемке.

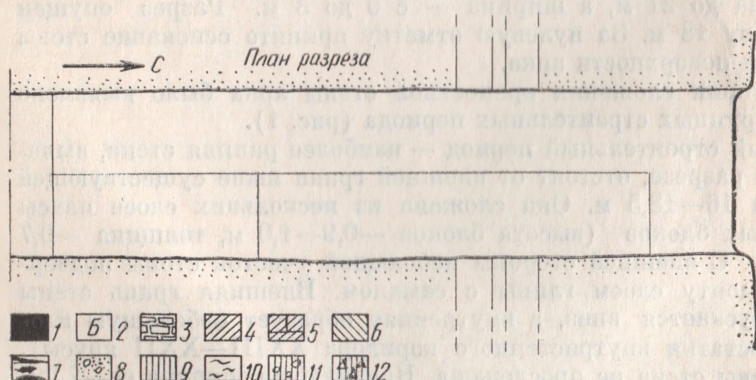
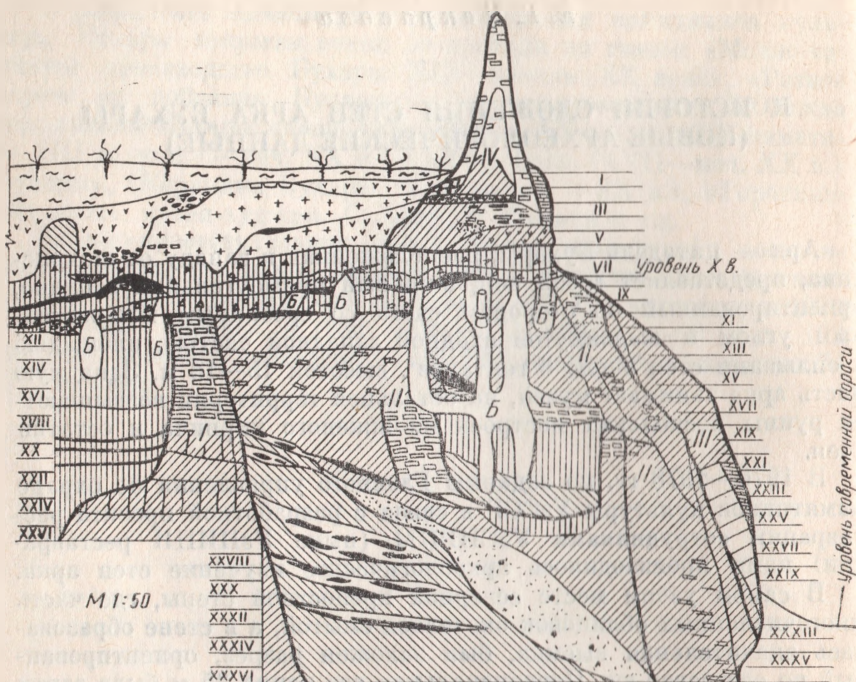

Рис. 1. I — первый строительный период, II — второй строительный период, III — третий строительный период, IV — четвертый строительный период.

1 — зольники, пожары, 2 — бадрабы, 3 — стены из сырцового кирпича, 4 — пахса, 5 — пахсовые блоки, 6 — оплывшие слои, 7 — линзы с включениями зольников, костей животных, керамики, 8 — серый песчаный слой с включениями глины, 9 — забутовка, 10 — рыхлае слои с большим количеством бытового мусора, 11 — плотная забутовка с включениями сырцового кирпича, 12 — пахса с включениями щебня.

гающих к стене, обнаружены три линзы, насыщенные хозяйственными отходами — костями животных, зольниками, бытовой керамикой. Самая нижняя линза находится в XXXIII—XXXII ярусах.

Комплекс керамики представлен станковыми, столовыми и кухонными формами. Бокалы, кубки и вазообразные сосуды — во фрагментах (рис. 2, 1—9). Черепок их плотный, мелкопористый. Цвет черепка желтый и кирпично-красный. Сосуды снаружи покрыты красным ангобом со сплошным либо полосатым лощением. Резервуары бокалов и кубков цилиндрические либо цилиндроконические, ножки имеют небольшие вырезы, незначительно профилированы. Чашы с двумя вариантами венчиков (рис. 2, 10—11). Черепок кувшинов плотный, в изломе от грязно-желтого до кирпично-красного. С внешней стороны они покрыты красным и желтым ангобом (рис. 2, 12—14). Горшки светло-ангобированные, черепок в изломе кирпичного цвета. Венчики оттянуты наружу в виде горизонтальных бортиков (рис. 2, 15—17). Черепок хумчи плотный, красный, покрытый светлым ангобом. Заворота утолщена и слегка отогнута наружу (рис. 2, 15, 18—19).

Следующая линза состоит из множества прослоек лентовидных зольников, гумуса и керамики (начало XXXI—XXIX ярусы). Она отделена от нижней линзы стерильным слоем глины. Керамика, за исключением нескольких фрагментов котлов, изготовлена на гончарном круге. Наиболее выразительны формы бокалов и кубков (рис. 2, 20—26). Черепок сосудов мелкопористый с примесью мелкого песка, красного и кирпичного цвета, иногда неравномерного обжига. С внешней стороны они покрыты ярко-оранжевым и темно-красным ангобом, поверх которого нанесено вертикально-полосчатое, горизонтально-полосчатое, либо сплошное лощение. На некоторых кубках отмечено два вида лощения: вертикальное нанесено на нижнюю часть до перегиба корпуса, горизонтальное — на верхнюю часть сосуда.

Бокалы в зависимости от формы подразделяются на несколько вариантов: изящные колоколовидные на более или менее высоких профилированных ножках; цилиндроконические с более или менее выраженным ребром, подчеркнутым иногда желобком. Поверхность некоторых бокалов серо-черная. Черепок чаш плотный, кирпичного цвета со светлым ангобом (рис. 2, 27—30). Кувшины представлены двумя вариантами форм. Первый — небольшие кувшины в сечении с круглыми либо миндалевидными ручками, прикрепленными верхним концом к краю венчика, нижним — к расширяющемуся резервуару. Некоторые ручки в нижней части имеют выпуклый удлиненный палец (рис. 2, 31—

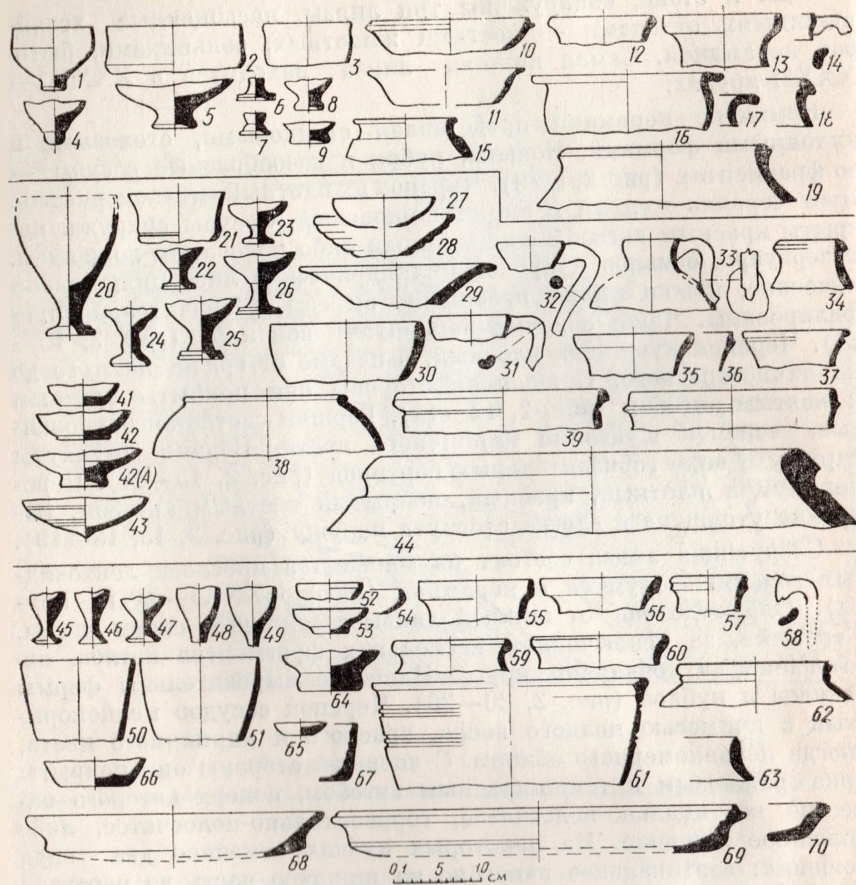

Рис. 2. Керамические комплексы из нижних слоев разреза крепостной стены.

34). Второй вариант — кувшины более крупных размеров, закраины венчиков подчеркнуты небольшим утолщением либо слегка оттянуты наружу. Донья кувшинов плоские и на слегка выделенном поддоне. Черепок их плотный, кирпичный либо непропеченный желто-серый, покрыт снаружи светлым, реже красным ангобом (рис. 2, 35—37). В тесто сосудов хозяйственного назначения добавлялись песок, шамот и дресва. Это фрагменты горшков с выделенными утолщенными закраинами венчиков (рис. 2, 38—44).

Третья линза отделена от нижележащей слоем чистой глины (XXVI—XXVII ярусы). Керамика станковая, за исключением котлов и жаровен, последние, очевидно, подправлялись на гончарном круге (рис. 2, 52—54). Бокалы имеют высокие, иногда ассиметричные ножки, вытянутые узкие резервуары. Черепок плотный, зачастую неравномерно обожжен. Снаружи сосуды покрыты светлым или красным ангобом, поверх него — вертикальное полосчатое лощение. Часть бокалов серо-глиняные с черным лощением (рис. 2, 45—51). Кувшины одноручные (рис. 2, 55—59); встречаются довольно крупные сосуды. Черепок их кирпичный, ангоб светлый. Горшки имеют утолщенный венчик, короткую шейку и расширенный резервуар (рис. 2, 60—67).

Жаровни — крупные плоские сосуды диаметром до полуметра, с невысокими раскидистыми стенками и слегка выпуклым дном (рис. 2, 68—70).

Керамические комплексы, полученные из линз, располагались последовательно один над другим и были отделены стерильными прослойками глины. Они характеризуются аналогичным набором форм и технологических признаков — способом обработки, наличием лощения. Вместе с тем в хронологическом отношении эти комплексы неодновременны, свидетельством чему служат стратиграфия и индивидуальные формы бокалов и кубков из каждой линзы.

Аналогичная керамика известна на городищах и поселениях Бухарского оазиса (1, с. 117, 121, 138, 141), в Китабе (2, с. 158, 160), Афрасиабе (3, с. 72—73). Опираясь на хронологическую шкалу керамики Бухары, керамику из трех линз можно соответственно датировать: Бухара I—III—конец IV в. до н.э.—I в. н.э. (4, с. 82—86, 95). Таким образом, возведение стены цитадели из пахсы и пахсовых блоков можно предварительно отнести к IV в. до н.э. Эта стена надстраивается стеной из сырцового кирпича — второй строительный этап первого периода (XVIII—XI ярусы). Толщина ее у основания — 2,7 м, у гребня 1,6 м, сохранилась она на высоту 3,5 м. Сырцовые кирпичи (30×?×10 см, 40×9×9,5—10 см) уложены вперевязку швов на глиняном растворе. Со стороны цитадели к стене прилегают несколько горизонтальных слоев, очевидно, полов помещений либо внутрискладного коридора. Снаружи, к подножию стены примыкают две небольшие линзы с идентичным керамическим материалом. Это фрагменты бокалов, покрытые светлым ангобом. Кувшины с вертикально стоящим горлом и слабо выделенной закраиной венчика либо низким горлом и отогнутым наружу венчиком. В их тесте отмечена примесь гипса, ангоб светлый. Горшки с слегка отогнутыми закраинами, у одного примечательная де-

таль — волнистые стенки, у другого — пластинчатая ручка. Отметим также наличие донцев фиал, венчиков чаш и мисок.

Фиалы покрыты светлым либо красным, а чаши и миски — лишь светлым ангобом, в тесте большая примесь песка и гипса, диаметр их достигает полуметра. Крупный красноангобированный сосуд (диаметр венчика — 38 см), с отверстием сбоку, по-видимому сливом, имеет в тесте примесь песка и гипса.

В примыкающих с внутренней стороны горизонтальных прослойках полов (XX—XIX ярусы) получен небольшой комплекс керамики. Это фрагменты бокалов, покрытые снаружи светлым, либо красным ангобом. Профилированный венчик светло-ангобированного кувшина имеет желто-зеленый в изломе черепок. Донья и стенки крупных чаш (диаметр венчиков — 33—40 см). Черепок их переобожжен, пористый; ангоб — светлый, в тесте добавки песка, гипса и выгоревших крупных примесей. Фрагменты двух хумов с выделенными утолщенными краями с желобками под венчиками; обжиг их неравномерен, покрыты светлым ангобом.

Датировка двух небольших комплексов керамики затруднена, но очевиден довольно большой хронологический разрыв с материалом из трех линз, которые отнесены нами к IV в. до н. э. — I в. н.э. Отличие выражается в отсутствии лощения, изменения текстуры черепка, видоизменении форм. Некоторые формы (фиалы, крупные чаши с отогнутыми стенками, сосуды с боковым сливом) известны в керамических комплексах IV—V вв. н. э. на территории Средней Азии. Хронологический разрыв фиксируется и стратиграфией. Три нижние линзы примыкают к стене из сырцового кирпича. Комплекс керамики отсюда можно отнести к периоду Бухара VIII—IV вв. н.э. (4, с. 91—93, 95), а стену из сырцового кирпича ориентировочно к II—III вв. н.э.

Второй строительный период знаменуется наращиванием стен с внешней стороны. По горизонтали общая толщина пристроенной части составляет 15—16 м. У подножия стены первого периода накапливаются значительные оплывы. Их перекрывают слоем серого песка с комками болотной глины, превратив в своеобразную платформу шириной 12 м. (XXXVI—XXVII ярусы). На ней, отступая от стены первого периода на 5,5 м, возводится стена из сырцового кирпича с небольшим наклоном в сторону цитадели. Высота стены — 3,0—3,15 м, толщина — 1,8—2,0 м. Сложена она из прямоугольного кирпича (40×?×10 см; 40×31×8 см; 44×34×9—10 см; 42×35×6—7 см; 40×29×6—7 см; 40×22×6—7 см; 40×37×10 см), тщательно сформированного из хорошей глины; на нижних постелях зафиксированы клейма, чаще всего в виде полосы, проведенной по диагонали. Ряды

кирпича укладывались не сплошь, а на подготовленные выровненные слои раствора, толщиной 10—20 см, довольно разреженно, тычком к поверхности стены. Из линз, подстилающих стену, собран небольшой комплекс керамики, аналогичный материалу, отнесенному нами к III—IV вв. н. э. Пространство между стенами первого и второго периодов послойно забутовывается пахсой и пахсой с обломками сырцового кирпича. На расстоянии 5,5—6,0 м от стены из прямоугольного кирпича воздвигается еще одна стена, очевидно протейхизма, идущая по краю платформы. Толщина ее — 80 — 90 см, сложена из пахсы, верхняя часть — из нескольких рядов кирпича прямоугольного формата, аналогичного по размерам и клеймам в основной стене. Гребень протейхизмы доложен 25—30-сантиметровым слоем глины во время одного из многочисленных ремонтов (второй стропительный этап второго периода), забутовывается пространство между стеной и протейхизмой, по периметру вся стена охватывается «рубашкой» трехметровой толщины, причем грунт использовался из культурного слоя. «Рубашка» сложена из глины со значительно разреженной кладкой сырцового кирпича (40×30×8—10 см; 40×33×10 см) с клеймами одного типа в виде круга. От третьего стропительного этапа второго периода остались несколько «рубашек» в верхней части из сырцового кирпича (42×25×10; 38×30×8 см; 40×30×8 см) с клеймами в виде одной либо двух параллельных полос. Стены второго периода по всей ширине пронизаны бадрабами и ташнау, опущенными сверху и содержащими керамику и монеты конца IX—XI вв.

Таким образом, возведение стен арка во втором периоде стратиграфически ограничивается с одной стороны стеной с накопившимися у ее подножия линзами хозяйственных отходов, датированных нами III—IV вв., с другой стороны — бадрабами, впущенными в стены и содержащими материал конца IX—XI вв., и может быть отнесено к IV—VIII вв.

Наиболее близкие параллели прослеживаются на городище Варахша, расположенном в 40 км от Бухары. Цитадель Варахши, здания, лежащие под наслоениями X—XI вв., сложены из прямоугольного сырцового кирпича, аналогичного по размерам кирпичу из стен второго периода цитадели Бухары, относятся авторами к V—VIII вв. (1, с. 42, 71, 107). Очевидны аналогии и в стратиграфии наслоений в пределах городских стен Варахши. Античная башня Варахши со временем оказалась на городской территории, а наслоения и стены раннего средневековья, а затем и средневековья перехлестнули ее, увеличив таким образом территорию города (5, с. 109—153, рис. 23). Большая толщина стен отмечается практически на всех раннесредневековых памят-

никах Средней Азии, подвергавшихся изучению (6, с. 3—6). Наличие протейхизм, идущих параллельно основным стенам города, отмечено на городище Кафыркала в Таджикистане (7, с. 42—43, рис. 16). Клейма на кирпичах, по сообщению В. С. Соловьева, известны на городищах Кала-и Кахкаха и Кала-и Кафирниган.

На территории цитадели уровень дневной поверхности повышается за счет завалов, перемежающихся натечно-надувными прослойками. На грани XII—XI ярусов зафиксирован уровень пола и остатки стены из сырцового кирпича (XI ярус). Стена сохранилась на ширину одного кирпича ($40 \times 30 \times 10$ см). Подобный вариант известен в ремонтных «рубашках» стены второго периода. На грани XI—X ярусов на всей площади разреза был прослежен 20—30-сантиметровый натечно-надувной слой запустения. Выше, в IX—VIII ярусах, обнаружены остатки хозяйственных помещений, насчитывающих несколько строительных горизонтов. Стена самого нижнего горизонта, начинающаяся в конце X яруса, идет в направлении запад — восток, сохранилась на высоту 50—80 см. Она сложена из превосходного сырцового кирпича ($30 \times 20 \times 10$ см), уложенного рядами тычок-ложок.

Следующий строительный горизонт (конец IX — начало VIII яруса) представлен остатками крупного хозяйственного помещения (двора?). Помещение вытянуто в направлении север—юг, стены сохранились на высоту 35—40 см, в некоторых местах уничтожены бадрабами. Западная стена помещения прослежена на расстоянии 11,5 м. Южная стена шириной 1,1 м идет поперек разреза. Стены сложены из сырцового кирпича ($37\text{—}38 \times 22\text{—}24 \times 10\text{—}12$ см). Западная стена сложена из рядов кирпича, тычком к поверхности, в перевязку пшвов. Поперечная стена состоит из рядов кирпича, уложенных чередованием тычок-ложок.

В северной части помещения сохранилась отмостка пола из фрагментов жженого кирпича около разрушенного очага и бадраба. В пределах стен зафиксированы выходы многочисленных бадрабов и ташнау, представляющие собой глубокие цилиндрические колодцы (до 14 м), диаметром 70—90 см с небольшими ступенями в стенках. Устья поглощающих сооружений начинались с уровня пола системой поставленных друг на друга хумов либо горшков с пробитыми днищами, либо кубуров и хумов. В бадрабах найдены поливная и неполивная керамика, стеклянные изделия, конусовидные фигурки из гагата. Особый интерес представляет прямоугольная бирюзовая печать ($1,1 \times 0,75$ см). На пей вырезано в зеркальном изображении имя владельца — «Ахмад, сын Исмаила». (Первое чтение печати Э. В. Ртвеладзе).

По монетным находкам из бадрабов и керамики, остатки

сельскохозяйственных помещений, эксплуатировавшихся на протяжении значительного отрезка времени, могут быть датированы X в.¹

Судя по местонахождению хозяйственных помещений и бадрабов, территория цитадели в X в. расширялась за счет гребней стен более раннего времени, которые становятся «поземной» площадью, платформой. Собственно стен X в., ограждающих цитадель по краю платформы, не существует, по всему северному фасу цитадели зафиксированы остатки капитальной обкладки стены «рубашкой» из паховых блоков $0,9-1,2 \times 1,0-1,1 \times 0,55$ м. Блоки уложены с небольшим уклоном в сторону цитадели на специально подготовленный выровненный слой илееноватой глины либо глины с включением щебня. Зондажи и визуальные наблюдения позволили предположить, что «рубашка» из паховых блоков была выложена под обкладку сырцовым кирпичом ($30-33 \times 20-21 \times 10-11$ см), уложенным на подготовленные глиняные слои чередованием тычок-ложок. Из сырцового кирпича аналогичного формата сложены стены хозяйственного помещения, датированного в пределах X в. На отдельных участках сырцовой кладки зафиксированы остатки кладок мелкоформатным жженным кирпичом $22-23 \times 22-23 \times 3$ см — покрывавшим некогда возможно всю поверхность стены. В середине — конце VII яруса зафиксированы остатки стен хозяйственных помещений, сохранившихся на высоту 10—15 см. Толщина их составляет 30—40 см; сложены они из целого и фрагментированного жженого кирпича. С уровня пола, представленного не совсем ровной утрамбованной поверхностью, опущено несколько неглубоких бадрабов, в одном из них собран комплекс поливной керамики, датировать которую можно в пределах конца X — первой половины XI в.²

В уровне VI яруса найдены остатки стен помещений четвертого строительного горизонта, ориентированные по странам света. Стены, сложенные из жженого кирпича ($24-24,5 \times 24-24,5 \times 3-5$ см), сохранились на высоту до 25 см, грани их разрушены. В пределах стен найдено несколько фрагментов керамики: венчики кувшинов и чаш, покрытые бирюзовой глазурью. В завале над полом найдена линза, содержащая около

¹ Нумизматический материал 1977 г. определен Б. Д. Кочневым, 1978 г. — Э. В. Ртвеладзе.

² Комплекс керамики датирован по аналогии с керамикой из стратиграфического шурфа, заложённого в 1976 г. под торговым куполом Таки Саррафон в Бухаре. Из этого шурфа получены стратиграфически зажатые и датированные обильным нумизматическим материалом керамические комплексы конца X—XII вв.

60 фрагментов люстровой керамики. Черепок их кашиновый, сероватого цвета, сверху нанесен белоснежный ангоб. Кувшинчики расписывались снаружи, чаши — с обеих сторон. Мотивы росписи: растительные, спиралевидные завитки, эпиграфика, антропоморфный орнамент. Сосуды привозные, возможно, из Капана. По аналогиям с материалом из Мерва они могут быть датированы концом XII — первой четвертью XIII в. (8, с. 127, 128; с. 131).

Таким образом, эти данные документально подтверждают интенсивное обживание цитадели Бухары в X в. и в несколько меньших масштабах в XI—начале XIII в.

Монгольское нашествие явилось для Бухары страшным бедствием. Цитадель — последний пункт сопротивления — была уничтожена. На протяжении XIII — первой трети XIV в. Бухара неоднократно подвергалась опустошительным разрушениям (9, с. 3—5). В разрезе на цитадели отсутствует вещественный материал, соответствующий этому периоду. Стены по периметру платформы полностью исчезли, а в верхней ее части образовался значительный скат наружу.

Стены четвертого периода возводятся, отступая от внешней грани платформы на 6,5—7,0 м. Они и поныне возвышаются в некоторых местах над современным уровнем дневной поверхности на 5—6 м и насчитывают несколько этапов возведения.

В основании стены сохранилось ядро из пахсы с включением кирпичного боя (высота — 70 см, толщина у основания — 3,8 м; часть VI—V ярусов).

Эта стена с внутренней стороны укрепляется пахсой, поверху идет почти горизонтальный слой щебня (середина—конец IV ярусов), на котором выложены ряды сырца ($21 \times 16 \times 6$ см). Она у основания достигает толщины 4,5 м, высотой около 1 м.

Сверху стена докладывается небольшими пахсовыми блоками ($20 \times 20 \times ?$ см) и сырцовым кирпичом ($26 \times ? \times 6$ см). Толщина у основания достигает 3 м. В пахсовой части прослеживаются гнезда деревянных балок. Часть стены предшествующего этапа берется в футляр из прямоугольного жженого кирпича «солдатского формата», с внутренней стороны в фундамент укладывается рваный камень. Стена приобретает существующий вид.

Четких уровней обживания в слоях, прилегающих к стене изнутри, не прослеживается, к ней примыкают свалки мусора; на отдельных участках зафиксированы остатки вымосток жженым кирпичом ($26-27 \times 26-27 \times 5-6$ см), разрушенные помещения, зольные линзы.

При сопоставлении результатов наших исследований с данными письменных источников, в частности с «Историей Бухары»

Мухаммада Наршахи — историка середины X в., были обнаружены интересные параллели. Согласно Наршахи, цитадель Бухары была возведена во время Афрасиаба и Сиявуша «...более 3000 лет» назад (10, с. 34). Конечно, хронологическое определение нельзя понимать буквально, это лишь указание на глубокую древность крепости. Эти сведения, вероятно, можно отнести к первому периоду возведения стен, к концу IV в. до н.э. Далее Наршахи пишет, что крепость разрушилась и долго оставалась в развалинах, пока не вступил на престол Бухархудат Бидун. «Он прислал человека, который возобновил крепостную стену и построил бывший дворец» (10). Историк, описывающий события 300-летней давности, упоминает лишь один факт восстановления крепости и стен в раннем средневековье. Этот факт, очевидно, действительно имел место, но как показали наши исследования, ремонты производились гораздо чаще, так как политическая обстановка того времени была очень неустойчива, особенно во второй половине VII в., в период арабского завоевания. Вполне вероятно, что именно при Бухархудате Бидуне (середина VII в.) был произведен особенно крупный ремонт, который был воспринят современниками как возведение заново всех стен. Судя по нашему материалу, возведение и функционирование стен второго периода приходится на IV—VIII вв. Ни Наршахи, ни поздние переписчики не оставили описания стен цитадели в конце IX—X вв., когда Бухара была столицей огромного государства Саманидов. Как раз на этот период приходится время расцвета и обживания цитадели. На наш взгляд, к этому времени следует отнести обкладку платформы цитадели «рубашкой» из пазовых блоков и сырцовым кирпичом с выкладкой башен и фундаментов — жженым. В рассказе о событиях 1164—1165 гг. содержится прямое указание на то, что фундамент и башни крепости были из жженого кирпича; их разобрали, а кирпич использовали для постройки стен вокруг Бухары (10, с. 33). Это третий период возведения стен цитадели. В XII в. и до монгольского нашествия стены цитадели неоднократно разрушались и восстанавливались. Очевидно, в этот период в связи с неустойчивой политической обстановкой частые ремонты стен производились в короткие сроки, и заботились не о внешнем виде, а о неприступности крепости. Платформа по периметру ремонтировалась фрагментарно, проходившие по ее краю стены не сохранились до нашего времени.

Последний, четвертый, период постройки и функционирования стен арка приходится, очевидно на XV—XX вв., хотя вещественных материалов XV—XVI вв. в разрезе не обнаружено. В литературе имеется упоминание о строительстве и укреплении

арка Улугбеком во время его кратковременного пребывания в Бухаре в 1405 г. с царевичем Ибрагим Султаном. Улугбек получил восточную половину арка и территорию, прилегающую к крепости с востока. Ибрагим Султан — западную (11, с. 77, с. 163). В XVII—XIX вв. и до 20-х гг. XX в. в арке находилась постоянная резиденция правителей; к этому периоду относятся все ныне существующие и исчезнувшие постройки, перечисленные в «Тахкикоти арки Бухоро» (12, с. 14—16).

В свете археологических исследований и сведений средневековых авторов история сложения крепостных сооружений арка Бухары представляется следующим образом:

Первый период — античность. Возведение наиболее ранней стены из пахсы и пахсовых блоков относится к IV в. до н.э. (первый этап). Стена надстраивается сырцовым кирпичом во II—III вв. н. э. (второй этап). Площадь цитадели в пределах стен не превышает 2 га.

Второй период — раннее средневековье (рубеж IV—V—VIII вв.). Отмечен мощной строительной деятельностью, с внешней стороны стены по горизонтали нарастают на 15—18 м. Площадь цитадели расширяется, приближаясь по размерам к современной.

Третий период — IX — начало XIII в. Площадь цитадели расширяется за счет раннесредневековых стен, на гребнях которых возводятся хозяйственные помещения с бадрабами, прорезающими их. Площадь достигает максимальных размеров, превышает 3 га.

Четвертый период — XV—XX вв. Площадь арка сокращается, так как стены возводятся, несколько отступая от грани платформы. Площадь в пределах стен не превышает 2,5 га.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. А. Шишкин, Варахша М., 1963.
2. Н. И. Крашенинникова. Два комплекса керамики II—I вв. до н.э. из нижних слоев Китаба. Археология Средней Азии. Сб. научных трудов, № 533, Ташкент, 1977.
3. Г. В. Шишкина. О местонахождении Мараканды. СА, 1969, № 1.
4. Мухамеджанов, Дж. Мирзаахмедов, Ш. Адылов. Керамика нижних слоев Бухары (Опыт предварительной перподизации). ИМКУ, 1982, вып. 17, Ташкент.
5. С. К. Кабанов. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг. ИМКУ, вып. 1, Ташкент.
6. А. И. Исаков. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.
7. В. А. Литвинский, В. С. Соловьев. Средневековая культура Тохаристана, М., 1985.

8. С. Б. Лунина. О культурных связях средневекового Мерва. Сб. Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977; Л. И. Ремпель. Искусство среднего Востока. Избранные труды по истории и теории искусства. М., 1978.
9. Бухарский вакф XIII в. Факс, суд. текста, перевод с арабского и персидского, введение и комментарий А. К. Арендса, А. Б. Хамидова, О. Д. Чехович. М., 1979, с. 3—5.
10. Мухаммад Наршахи. История Бухары (перевел с персидского Н. Лыкошин, под редакцией В. В. Бартольда), Ташкент, 1897.
11. В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964. О. А. Сухарева. К исторической топографии Бухары первой половины XVI в. Известия отделения общественных наук. Сталинабад, 1954.
12. М. С. Андреев, О. Д. Чехович. Арк Бухары. Душанбе, 1972.

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ВАРАХШИ

Городище Варахша имеет неправильную, приближающуюся к треугольнику в плане, форму, площадью около 6,5 га (рис. 1). Шахристан возвышается над окружающей его дневной по-

Рис. 1. Топографический план Варахши.

верхностью на 10—11 м, а кухендиз, расположенный на юге городища, — на 20 м. Западная часть кухендиза — это массивный стилобат, на котором выстроено монументальное здание.

Раскопками установлено, что ядро кухендиза возведено не ранее V в. н. э. (1, с. 95). В то же время было выяснено, что стилобат располагается на площадке, под которой залегает плотный слой земли, в котором были собраны многочисленные мелкие фрагменты керамики первых веков до нашей эры — первых веков нашей эры (1, с. 87). В микрорельефе шахристана выделяется почти круглый в плане центральный бугор диаметром около 50 м, высотой около 12 м от уровня дневной поверхности. Он окружен низиной, где были выявлены огромные завалы мусора и земли со следами сгнивших органических веществ, образовавшиеся в X—XI вв. (1, с. 118). Археологические материалы двух стратиграфических шурфов на этом бугре датированы соответственно II—I в. до н. э. — I в. н. э. (1, с. 117—118) и II—I в. до н. э. (IV с. 122), причем во втором шурфе материковый слой не был достигнут. Наиболее возвышенными являются также обширные участки, примыкающие к оборонительным стенам, особенно по ее западной и восточной линиям, по центру рельеф городища постепенно понижается. Отчетливо выделяется впадина, где располагался водоем (1, с. 44; 2, с. 120—123). В северо-западной части городища, ближе к углу, были раскопаны башня и участок стены, датированные С. К. Кабановым II—I вв. до н. э. — началом нашей эры (3, с. 149—150)¹. Линия этой оборонительной стены явно не имела продолжения в кухендизе и охватывала какой-то ограниченный участок на территории шахристана. Городские оборонительные стены датируются VI—VIII вв. (1, с. III). Суммируя данные раскопок в разных частях городища, В. А. Шишкин пришел к выводу, что существовавшее на территории Варахши древнее селение к концу V или к первой половине VI в. превращается в феодальный город (1, с. 234).

Работы на городище с перерывами велись в 30—50-е годы, а затем были возобновлены в 1977 г. Целью их было завершение стратиграфического раскопа I, заложенного В. А. Шишкиным и С. К. Кабановым в 1938 г., но он не был доведен до материка. Стратиграфический раскоп располагался в центре городища на возвышении к северу от дворцового комплекса и был ориентирован по оси запад—восток длиной немногим более 20 м и шириной 4 м. Шурф в 1977 г. был продолжен в наиболее пониженной центральной части траншеи на площади 3,7×5 м. Отсчет ярусов велся от верхней кромки разреза северной стены. Вскрыты

¹ На поду башни отмечена керамика горизонта Бухара—I, которая датируется в пределах IV—II вв. до н. э. (см. 4, с. 95, табл. I). Следовательно, уточненная датировка башни и всей стены тоже определяется в данных пределах.

слои от XII до XX ярусов (рис. 2). Первый слой отмечен по всему XII ярусу, земля коричневого цвета с зольными линзами и очажными пятнами. Керамический материал обилен, представлен фрагментами стенок и донцами хумов, хумчей и кухонной посудой. Керамика залегает поверх уровня пола, и ее обилие может говорить об интенсивном обживании данной территории. По ряду признаков эта керамика может быть датирована периодом раннего средневековья. Располагающийся под уровнем пола второй слой, отмеченный на XIII—XIV ярусах, представляет собой плотную землю с многочисленными органичес-

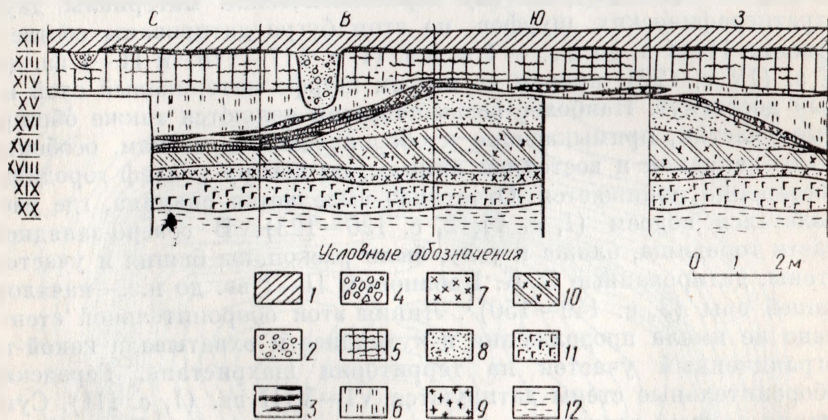

Рис. 2. Разрез шурфа.

1 — грунт коричневого цвета с зольными линзами и очажными пятнами, 2 — зола, 3 — горелые прослойки, 4 — обломки сырца и куски пахсы, 5 — плотный грунт земли с органическими линзами, 6 — плотный грунт земли бурого цвета с гумусными прослойками, 7 — гумус, 8 — песок, 9 — угольки, 10 — уплотненный грунт земли светло-коричневого цвета с перегнившими стеблями растений, 11 — болотисто-речные отложения, 12 — грунт материковой желтоватой глины.

кими линзами зеленоватого цвета. В северной и восточной стенках шурфа в разрезе прослежены ямы диаметрами соответственно 0,7 м и 1 м. Обе ямы, начинающиеся с уровня пола, заполнены рыхлым грунтом земли серого цвета с включением обломков сырцовых кирпичей. В слое также обнаружено несколько железных криц. С уровня XV яруса начинается плотный слой земли бурого цвета с гумусными прослойками—третий. Прослойки, довольно ровные по северной стене, резко повышаются по восточной и западной стенам; перепад высот составляет один метр, в XVI ярусе встречена керамика, характерная для второй половины IV—V вв. Ниже, на восточной, западной и южной стенах шурфа, хорошо просматривается крупная линза мелкого надувно-

го песка—четвертый слой без примесей и включений, лежащий в основе бугра, отмеченного при описании третьего слоя. В XVII ярусе по всей площади шурфа залегает светло-коричневый уплотненный слой с значительными включениями угольков и перегнивших стеблей растений — пятый, слой, постепенно утолщающийся с севера на юг. Подстилающий его в XVIII ярусе плотный до цементации шестой слой лежит по всей площади шурфа без уклона и перепадов. Керамических находок в пятом и шестом слоях не обнаружено. Ниже залегают болотисто-речные отложения буро-зеленого цвета, состоящие из ила и песка — седьмой слой. В них встречались мелкие кости животных, стебли растений, вкрапления гипса и куски мела. В XIX ярусе найдены створки раковин речных моллюсков на разных стадиях разложения. В XX ярусе отмечен слой чистой желтоватой глины, видимо, материк.

Проведенная нивелировка показала, что уровни шестого слоя в шурфе и дневной поверхности, прилегающей к городищу, примерно совпадают. Следовательно, шахристан в отличие от кухендиза располагается не на естественном возвышении или искусственном стилобате, а на ровной степной поверхности.

Отсутствие слоев античного периода в месте заложения нашего шурфа, но зафиксированных в других частях городища, указывает на их неповсеместное распространение на территории шахристана. Таким образом, можно предположить, что слои этого времени здесь не сохранились или вообще отсутствовали. Первое предположение представляется нам маловероятным. Практика показывает, что более древние наслоения часто уничтожаются во время расчисток площадей под фундаментами новых построек или при заборе грунта для строительных нужд на других участках, но при этом они все же сохраняются в какой-то степени. Следовательно, второе предположение более правдоподобно. Видимо, первоначально Варахша состояла из отдельных рассредоточенных массивов. Один из них, возникший в первых веках до нашей эры, располагается на месте нынешнего центрального бугра. Он окружен кольцевой ложбиной, где полностью отсутствуют следы обживания, если не считать поздних мусорных завалов, которые должны были несколько сnivelировать рельеф. Мощность слоев и строительных горизонтов на бугре, охватывающих более чем тысячелетний период, достигает 12—13 м. При относительно небольшой площади (около 0,15 га) бугор не мог достигнуть столь внушительной высоты без своеобразного внешнего каркаса, а таким каркасом, безусловно, являются ранние обводные стены массива, необязательно специализированно-оборонительного назначения. К за-

паду от него на участках, примыкающих к северо-западному углу шахристана располагался еще один жилой массив, обживание которого началось в первых веках до нашей эры. Впоследствии он был укреплен, подтверждением чему является угловая круглая башня и участки оборонительной стены. Между западным и центральным массивами находился водоем. На территории, ныне занятой кухендизом, располагался третий массив — южный. От него сохранились лишь подстилающие искусственный стилобат наслоения, в которых отмечены мелкие фрагменты красноангобированной керамики. Со второй половины IV в. н.э. началось обживание участков, расположенных между центральным и южным массивами, при этом естественный микрорельеф, образованный пролювиальными и эоловыми отложениями, сохранился со всеми неровностями. Весьма характерно, что эоловые отложения имеют значительный уклон к северу. Это означает, что в первых веках нашей эры на южном участке существовал сравнительно невысокий бугор, на северном склоне которого образовались песчаные наносы. Возможно, на возвышенных участках, примыкающих к восточной оборонительной стене, располагался еще один массив — восточный. В раннее средневековье в топографии городища происходят значительные изменения. Во-первых, все массивы оказались охвачены периметром оборонительных стен, а старые укрепления потеряли свое прямое назначение. Во-вторых, на значительную высоту была срыта часть южного массива, на образовавшейся площадке сооружен искусственный стилобат, а на нем, в свою очередь — монументальное здание кухендиза. В-третьих, произошло некоторое выравнивание остальных наиболее пониженных участков. Этот процесс интенсивно продолжался и в период развитого средневековья.

Таким образом, в античный период Варахша, как и множество наиболее крупных памятников низовий Зарафшана, состояла из нескольких, близко расположенных отдельных бугров и вехолмлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. А. Шишкин. Варахша, М., «Наука», 1963.
2. С. К. Кабанов. Раскопки жилого квартала в западной части городища. Труды ИИА АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, «Фан», 1956.
3. С. К. Кабанов. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг. ИМКУ, вып. 1, Ташкент, «Фан», 1959.
4. А. Р. Мухамеджанов, Д. К. Мирзаахмедов, Ш. Т. Адылов. Керамика нижних слоев Бухары. ИМКУ, вып. 17, Ташкент, «Фан», 1982.
5. А. Р. Мухамеджанов, Д. К. Мирзаахмедов, Ш. Т. Адылов. К изучению исторической топографии и фортификации Бухары. ИМКУ, вып. 20, Ташкент, «Фан», 1985.

К ТИПОЛОГИИ МОНЕТ БУХАРЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВЕРБЛЮДА

Для характеристики политической и экономической истории Бухары в период поздней античности и раннего средневековья ввиду почти полного отсутствия сведений письменных источников большое значение приобретают нумизматические данные.

Западный Согд — древнее царство Аньси, позже — Ань, Бугэ, Бухо — уже во II в. до н.э. чеканил собственную монету из серебра. В IV в. н.э. здесь начинается выпуск медной монеты из серии так называемых туранских монет, а несколько позже или одновременно с ними появляются монеты с изображением верблюда на лицевой стороне и ступенчатого жертвенника на оборотной стороне.

Культ верблюда был тесно связан с культом огня, поэтому на оборотной стороне монет изображен основной его атрибут — алтарь огня. Подобные алтари в целом — характерная черта бухарских монет, они оформляют оборотную сторону другой большой серии серебряных и медных монет из группы «туранских».

Чаще всего монеты с изображением верблюда встречаются в Бухарском оазисе, в частности на городище Варахша (1, 6—7). Ранние монеты этой группы с двухступенчатым алтарем на основании его сходства с алтарями огня на монетах Шапура I и Нарсе В. А. Шишкин отнес к III—IV вв., а монеты с трехступенчатым алтарем он датировал временем не позднее V — начала VI в. (7, с. 232).

О. И. Смирнова вслед за В. А. Шишкиным в данной группе выделяет серии монет с двух- и трехступенчатыми алтарями, серию монет, с легендой, расположенной вокруг знака в виде квадрата с оттянутыми углами, и монет с краткой согдийской надписью на оборотной стороне (4, 5, с. 28, 29).

В нашей статье, кроме опубликованных монет, учтены аналогичные монеты, хранящиеся в Институте археологии АН УзССР (пять экземпляров из коллекции В. А. Шишкина, собранных на Варахше)¹, а также монеты, имеющиеся в Бухарском

¹ Приносим благодарность Б.Д.Кочневу, предоставившему возможность работать с материалами, хранящимися в нумизматическом отделе ИА АН УзССР, шифры монет: № 3/51 инвен. 549, №4/196 инвен. 766, №7/329 № 2/40 инвен. 461, № 7/57 инвен. 1130.

музее (один экземпляр)¹ и в Музее истории народов Узбекистана (рис. 1) (один экземпляр), две монеты, по сведениям Э. В. Ртвеладзе, найдены в Чаче, в 1982 г. на Канке — еще одна.

Рис. 1. Монета из коллекции Музея истории народов Узбекистана, конец IV — первая половина V в. (лицевая и оборотная стороны).

Таким образом, сейчас известно около 50 монет этой серии². На основании имеющихся в нашем распоряжении данных можно предложить следующую типологию монет с изображением верблюда (рис. 2):

Первая группа — с двухступенчатым алтарем.

Первый тип. Лицевая сторона — в точечном ободке двугорбый верблюд, шагающий вправо. Передняя левая нога приподнята, хвост задран кверху. Шерсть густая, свисает с мощной шеи. Обратная сторона — в точечном ободке двухступенчатый алтарь.

Второй тип. Лицевая сторона — то же. Слева над горбами — изображение тамги, расположенной рожками по горизонтали. Обратная сторона — как тип первый.

Третий тип. Лицевая сторона — как тип второй и третий. Обратная сторона — двухступенчатый алтарь, слева согдийская легенда «Царь» или «Кана».

Четвертый тип. Лицевая сторона — в точечном ободке двугорбый верблюд, без густой шерсти на шее. Изображение верблюда несколько схематично. Обратная сторона — в центре поля двухступенчатый алтарь с пламенем, переданным вместо штрихов рядом точек. Согдийская легенда — «Государь Бухары».

¹ № 13309/22 акт 1966 г. № 481—486, найдена на Кампиреке в 1945 г. Приносим благодарность сотрудникам Бухарского музея, оказавшим содействие в работе над нумизматическими материалами.

² Монеты городища Пайкенд не учтены.

Рис. 2. Таблица типов монет с изображением верблюда, IV—VIII вв.

Вторая группа — с трехступенчатым алтарем.

Первый тип. Лицевая сторона — в точечном ободке изображение верблюда вправо, переданное несколько схематично. Обратная сторона — в центре поля монеты алтарь с тремя ступенями, сбоку от алтаря легенда согдийским письмом «Царь» или «Кана».

Второй тип. Лицевая сторона — как тип первый второй

группы. Обратная сторона — в центре поля трехступенчатый алтарь, по кругу курсивная согдийская легенда: «Государь Бухар или Пухар».

Третья группа

Первый тип. Лицевая сторона — в линейном ободке изображение верблюда, переданное несколько схематично. Обратная сторона — в центре поля монеты краткая согдийская легенда: «Вьюк или груз».

Четвертая группа

Первый тип. Лицевая сторона — в линейном ободке изображенное схематично изображение верблюда влево. Обратная сторона — в поле квадратная рамка (6×6 мм) с четырьмя оттянутыми углами, между рамкой и краем монетного кружка курсивная согдийская легенда: «Божественная благодать».

Второй вариант. Лицевая сторона — еще более схематичное изображение верблюда влево. Обратная сторона — как вариант первый. Рамка расположена не сбоку, а в центре поля монеты, легенда стилизована.

Исходя из иконографических особенностей и сравнительных аналогий можно предложить датировку выделенных групп и типов монет. Монеты первой группы с двухступенчатым алтарем, вероятно, следует отнести к IV — первой половине V в. Как выяснено В. А. Шишкиным и О. И. Смирновой, двухступенчатые алтари на этих монетах аналогичны алтарям на сасанидских монетах Нарсе (299—302 гг.).

Здесь можно уточнить датировку четвертого типа первой группы описываемой серии монет, где алтарь несколько отличается от предыдущих тем, что пламя на нем передано рядом точек, а не линиями. Подобная передача пламени над алтарем появляется на сасанидских монетах Варахрана IV (388—399 гг.) и Йездигерда I (399—421 гг.) (8, с. 66, 68). На монетах этих царей впервые появляются рельефные точки, символизирующие пламя, число которых в верхней его части уменьшается. Ствол алтаря на монетах Йездигерда I перевязан лентами, которые переданы параллельными косыми штришками. Эти детали-точки, передающие пламя и ленты на стволе, можно отметить и на монете четвертого типа первой группы (Н—138/76 Музей истории народов Узбекистана), можно поэтому датировать ее концом IV — первой половиной V в. Монеты четвертого типа выпускались, вероятно, с конца IV и до второй половины V в., когда двухступенчатый алтарь заменяется трехступенчатым, как на монетах Пероза (459—484 гг.).

Монеты второй группы, судя по данным раскопок В. А. Шишкина, следует датировать второй половиной V — началом VI в.

Несколько позднее, вероятно в VI—VII вв., какое-то время вместе с монетами второй группы стали чеканиться монеты третьей группы, на которых алтарь заменяется согдийской надписью. На более позднюю датировку указывает и линейный ободок, не характерный для монет первой и второй групп.

На это же время и, возможно, начало VIII в. приходится обращение монет четвертой группы. Интересно отметить, что в этот период монеты с изображением верблюда, подобным изображению на бухарских монетах четвертой группы, выпускаются в Чаче (2, с. 187,3). Появление монет с одинаковым изображением в Чаче и Бухарском оазисе можно, вероятно, объяснить тем, что в этот период — вторая половина VI—VII в. — обе области находились под властью тюркского каганата или сходством культовых представлений в обеих областях.

Обращаясь к весовым данным монет, которых все еще недостаточно, отметим, что самый большой вес монет в первой группе дают монеты четвертого типа — 3,88 г. Позднее вес монет падает до 1,3—1,6 г. Наиболее поздние экземпляры весят всего 0,9 и даже 0,3 г.

Символ верблюда был в представлениях древних бухарцев символом огня, силы, власти, образ верблюда оставался со времен «Авесты», в которой это животное было олицетворением бога войны и победы Веретрагны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Е. А. Давидович. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана. Труды ИИА АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1955.
2. Э. В. Ртвеладзе. К денежному обращению средневекового Ташкента. Ташкент, 1982.
3. Э. В. Ртвеладзе. Древние монеты Средней Азии. Ташкент, 1987.
4. О. И. Смирнова. Очерки истории Согда. М., 1970.
5. О. И. Смирнова. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981.
6. В. А. Шишкин. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.). — Труды ИИА АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956.
7. В. А. Шишкин. Варахша, М., 1963.
8. М. В. Цоцелия. Каталог сасанидских монет Грузии. Тбилиси, 1981.

*Д. К. Мирзаахмедов, Ш. Т. Адылов,
А. Р. Мухамеджанов*

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПАЙКЕНДА

В 1982 г. в шахристане 1 на городище Пайкенд в стратиграфическом шурфе была расчищена яма, содержавшая, помимо керамики, большое количество фрагментов стеклянных изделий, в том числе более 40 археологически целых сосудов. Наиболее ранние находки глазурованной керамики со дна ямы датируются первой половиной X в., а наиболее поздние, располагавшиеся ближе к ее устью, — первой половиной XI в. Стратиграфические условия залегания основной массы стеклянных изделий позволили достаточно уверенно датировать данный комплекс в пределах второй половины X в.; лишь химические сосуды, залегавшие на 2—3 м выше, относятся к концу X — первой половине XI в. Функционально сосуды делятся на три группы: столовые, парфюмерно-аптекарские и медицинские. Изредка встречаются фрагменты оконного стекла. Среди столовой посуды преобладают чашечки, подразделяющиеся на два типа: чашечки цилиндрической, банкообразной формы со стенками, чуть загнутыми внутрь (рис. 1, 1—10) и чашечки усеченно-конической формы с расходящимися в стороны стенками (рис. 1, 11—14). Чашечки первого типа делятся на два подтипа: чашечки без ободков (рис. 1, 1—3) и чашечки с манжетовидными ободками (рис. 1, 4—10). Чашечки первого подтипа изготовлены из прозрачного стекла желто-зеленого оттенка, реже из темно-синего, в технике свободного выдувания без формы (1, с. 216—218). Количество пузырьков в тесте изделий незначительно. Диаметры чашечек варьируют: 6—8 см, высота 4—5 см.

Чашечки второго подтипа в большинстве своем также изготовлены в технике свободного выдувания из стекла бутылочно-голубого и желтоватого тонов. Ободки, как правило, отделены от стенок, многие из которых имеют граненую профилировку с незначительным загибом вовнутрь. У некоторых чашечек граненые поверхности совершенно гладкие и блестящие, что, возможно, достигалось путем полировки в горячем состоянии. У остальных граненых чашечек стенки обработаны холодным способом, поэтому слегка шероховатые поверхности не преломляют лучей света, выделяясь на общем блестящем фоне. Особняком выделяется чашечка, изготовленная тиходутым способом в форме,

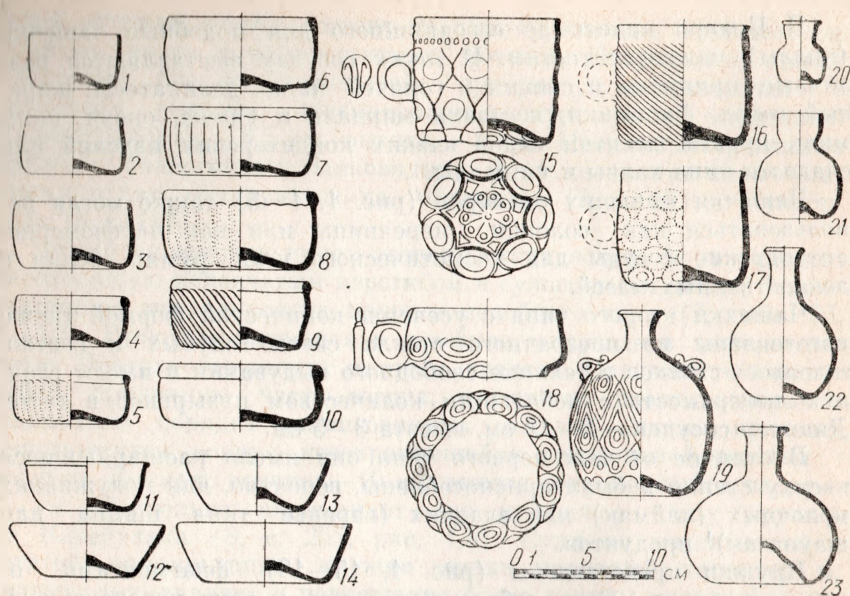

Рис. 1. Образцы стеклянных изделий из стратиграфического шурфа на шахристане I городища Пайкент.

с орнаментом по стенкам из косых рельефных линий. Стекло малопрозрачное, с небольшим количеством пузырьков. Чашечки второго подтипа более приземисты, диаметры 8—10 см, высота 3,5—5,5 см.

Археологические раскопки на территории Средней Азии и Ирана показывают, что стеклянные чашечки цилиндрической или полусферической формы были широко распространены в X—XII вв. (2, рис. 2, 20, 23; 3, рис. 1, 3, 4; 4, табл. 3; 5, табл. 1, 14). Однако термин чаша, принятый для их обозначения некоторыми исследователями, видимо, не совсем точен, так как этим термином обычно называют более крупные сосуды, употреблявшиеся в повседневном быту для жидкой пищи или напитков. Для пайкентских стеклянных чашечек эта формулировка не подходит, так как многие из них обладают малой емкостью и практически неудобны для питья. Учитывая большое количество находок сосудов подобного типа, унифицированность а также парадную и обиходную их форму, можно предположить, что эти изделия могли иметь широкие функции. Несомненно, также, что чашечки крупных и мелких форм по большей части, видимо, изготовлялись для сервировки дастархана.

В Бухаре вплоть до сегодняшнего дня подобные чашечки (пиалы) подаются гостям. В таких сосудах выставляются различные приправы и специи к горячей пище, деликатесы: жареный горох, фисташки, косточки миндаля и урюка, орехи, книсиш, курага, десятки видов вязких кондитерских изделий или сладости типа халвы и ниналды.

Чашечки меньших размеров (рис. 1, 1—5) также могли использоваться как солонки, перечницы или как парфюмерно-аптекарские сосуды для косметического угля, румян, белил и лекарственных мазей.

Чашечки второго типа с усеченно-конической формой также изготовлены из прозрачного стекла светло-голубых и светло-зеленых оттенков в технике свободного выдувания и имеют гладкую поверхность с небольшим количеством пузырьков в тесте. Диаметр сосудов — 8—12 см, высота 3—5 см.

В отличие от чаш первого типа они имели расширяющиеся кверху стенки и были приспособлены, вероятно, для полужидких молочных (каймак) или сладких (варенье типа шипши или жаупазак)¹ продуктов.

Кружки представлены (рис. 1, 15—18) фрагментами от четырех сосудов. Один собран полностью, у двух утрачены ручки, у четвертого — донце. Кружки изготовлены тиходутым способом (1, с. 219—220) и покрыты рельефным орнаментом. Стекло сравнительно прозрачное, бутылочно-голубых и бутылочно-зеленых оттенков с небольшим количеством пузырьков в тесте. Первая кружка имеет почти цилиндрическую форму и петлевидную ребристую ручку. Поверхность блестящая, достаточно высокий орнаментальный рельеф покрывает внешнюю поверхность стенок и донце. Диаметр сосуда — 10 см, высота — 8,5 см. Узоры по стенкам состоят из повторяющихся шестилучевых звезд и бантиков, завершающихся у венчиков бордюром в виде шарообразных мотивов. Орнаментальная композиция донца выделяется девятилепестковой цветочной розеткой, обрамленной семью эллипсами.

У двух других кружек форма также приближается к цилиндрической. Внешняя поверхность одной из них орнаментирована косыми рельефными линиями. Диаметр кружки — 9 см, высота — 8,5 см, поверхность матовая. Орнамент по стенкам следу-

¹ Варенье шипши, жаупазак и мураббоп гули относится к числу очень популярных в Бухаре. Первое изготовлялось из сока тутовника или винограда, второе из специального сорта мелких майских яблочек, третье из лепестков специально выращиваемого сорта роз (бозори гули). Также очень популярно было в Бухаре варенье из моркови, дыни, корочек арбуза, айвы, урюка, инжира и т.д.

ющей кружки также состоит из повторяющихся в шахматном порядке бантов и эллипсовидных мотивов. Поверхность стенок блестящая, без шероховатостей, орнамент, выполненный в невысоком рельефе, просматривается при ярком освещении. Диаметр сосуда — 8,5 см, высота — 8 см. Неорнаментированные кружки аналогичных банковидных форм, но с иными очертаниями ручек, обнаружены на Афрасабе (2, с. 19) и Кулдортепа (6, с. 117).

Четвертая кружка имеет усеченно-копическую форму стенок, переходящую коленчатым перегибом в сужающееся дно, близко напоминающая металлические кружки подобного типа (7, табл. 33, 1—4,9). Ручка петлевидная в профиле, округлая в поперечном срезе. Поверхность сосуда матовая, гладкая. Орнамент, покрывающий придонную часть сосуда, состоит из расположенных в шахматном порядке эллипсовидных мотивов, видимо, концентрировавшихся вокруг несохранившейся центральной розетки поддона. Диаметр венчика — 10 см, высота сохранившейся части — 5 см. Несколько напоминает (по профилю) нашу кружку из Карабулака (8, с. 255, рис. 1,5). Судя по массивности и богатой орнаментации, кружки имели парадный характер и, видимо, выполнялись в подражание более ранним металлическим прототипам или, возможно, начинающим получать в этот период более широкое распространение хрустальным изделиям (9, с. 69; 10, илл. 71, 72; 11, с. 170—172).

Кружки являлись необходимой частью столовых сервизов, в них, видимо, подавались гостям не только различные виды фруктовых соков (9, с. 69), но и мусаллас, кумыс, буза, молочные прохладительные (шабот, айран, чолоб) или сладкие традиционные ритуальные напитки шарбаты или гулоб, подача которых в Бухаре является обязательной и в наши дни¹.

Столовая посуда закрытых форм представлена кувшинами, кувшинообразным графином (?) и горшковидной банкой. Кувшины — три экземпляра (рис. 2, 3—5). Они изготовлены из прозрачного стекла светло-голубого оттенка с небольшим количеством пузырьков. Обычно сосуды таких сложных профилировок изготовлялись тиходутым способом или в технике выдувания в форме с вращением (1, с. 218—219). Совершенно гладкая и блестящая без шероховатостей поверхность кувшинов может быть получена лишь из матриц с тщательно отполированной внутрен-

¹ Любая свадьба в Бухаре обязательно начинается с подачи на подносах в пиналах сладкого напитка с добавлением ароматических веществ — гулоб. Напиток шарбаты (сладкая вода) подавался жениху и невесте после заключения акта бракосочетания.

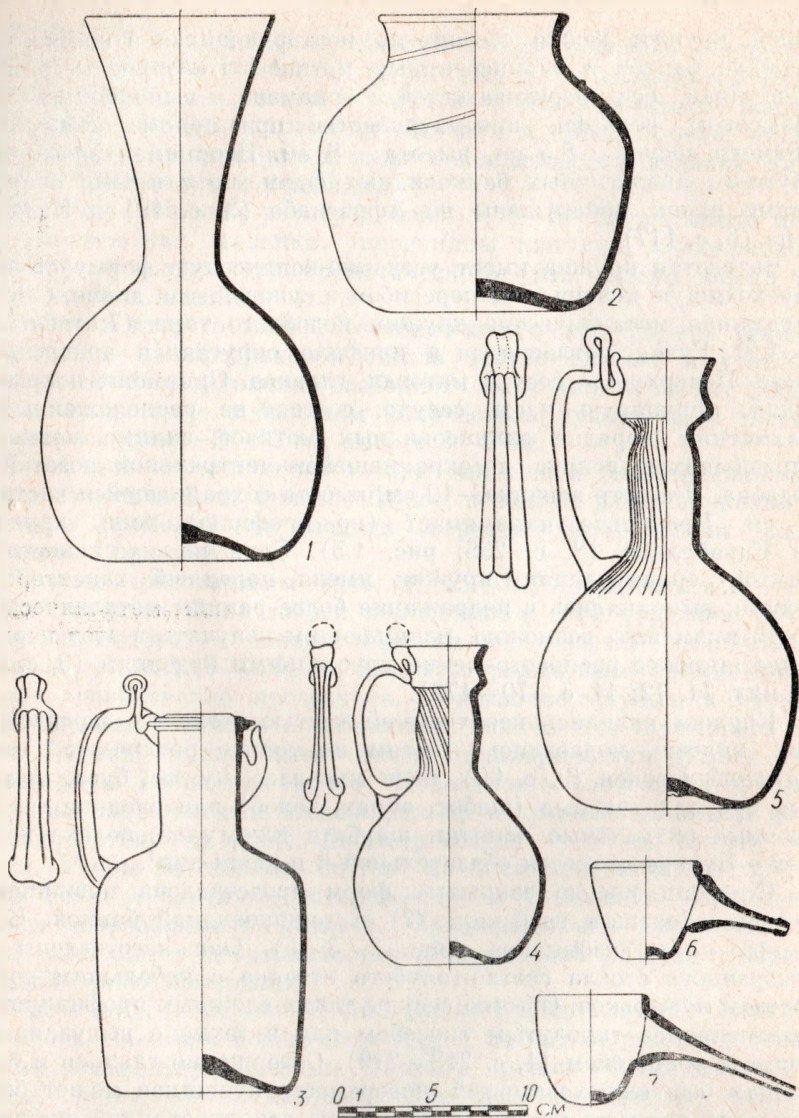

Рис. 2. Стеклопная столовая и медицинская посуда.

ней поверхностью. Поэтому, вероятнее всего, кувшины изготовлены в технике свободного выдувания. Один сосуд, имеющий на горловине рельефный орнамент в виде закручивающихся линий, видимо, выполнен комбинированным способом: тулово было выдута без формы, тогда как горлышко продето через матрицу. Ручки у кувшинов состоят из трех наборных спаянных воедино шпуров-штабиков, у закраины венчиков изгибающихся в характерные вертикальные выступы, к которым на их металлических прототипах прикреплялись крышки сосудов (12, рис. 35, 6). На стеклянных сосудах эти вертикальные выступы, кроме декоративного назначения, играли роль упора для большого пальца при сливании жидкости. По формам кувшины делятся на два типа: кувшины с длинной шейкой и сферическим туловом и кувшины с цилиндрическим туловом. Первый тип — два экземпляра. Их размеры соответственно: высота — 23 и 16,5 см, диаметр венчиков 5 и 4 см, диаметр по тулову — 13,5 и 10 см. Шейки граненные, поверхности очень гладкие и блестящие.

Кувшины второго типа по форме близок к керамическим образцам X в. из Пайкенда и Бухары. Венчик у закраины украшен ободком из накладных стеклянных нитей, закрученных по спирали. На горлышке имеется налец, очевидно, стилизованный под носик. Высота сосуда — 19,5 см, диаметр венчика — 4 см, диаметр тулова — 10,5 см. Несмотря на тонкость стенок тулова и кажущуюся хрупкость, стеклянные кувшины были достаточно прочны, но в повседневном быту они уступали металлическим и керамическим сосудам, и их, по всей видимости, чаще использовали по торжественным случаям — при приеме гостей, по праздникам, а в остальные дни они являлись украшениями интерьеров помещений.

От кувшиновидного сосуда (рис. 2; 1) сохранились лишь незначительные фрагменты донца, горловины и тулова. Стекло прозрачное, с легким голубоватым оттенком, количество пузырьков невелико. Поскольку поверхность стенок очень гладкая и блестящая, он, видимо, изготовлен в технике свободного выдувания. У сосуда сферическое тулово, диаметром 14,3 см, и горловина с раструбом, высота — 28 см, диаметр венчика — 10 см. В научной литературе сосуды сходных очертаний, но меньших размеров именуют графинами с конической горловиной (1, с. 119, рис. 10, 13). Они широко распространены в Средней Азии (2, рис. 1, 13; 5, с. 74, табл. 1, 24; 3, рис. 1, 11). В то же время не исключено, что наш сосуд является кувшином для умывания, близкий по форме образец которого имеется в Музее истории народов Узбекистана в Ташкенте (1, рис. 21).

К группе столовых сосудов относится также горшковидная

банка (рис. 2; 2), изготовленная в технике свободного выдувания. Сосуд украшен накладной стеклянной нитью, образующей ободок у закраины венчика, а затем опоясывающей по спирали горло и плечики банки. Диаметр венчика — 10 см, высота — 15 см. Емкость сосуда достигает 2 л. Стежки банки несколько толще, чем у кувшинов. Аналогичная банка, обнаруженная в Бухаре (3, с. 53—54, рис. 1, 1,2) датируется X—XII вв. Судя по форме, сосуды подобного типа употреблялись, видимо, для хранения сухофруктов, отдельных видов сладостей, приправ и снежий.

Парфюмерно-аптекарская посуда представлена флаконообразными сосудами, изготовленными тиходутым способом — один экземпляр и в технике свободного выдувания. По форме они делятся на крупные сосуды с узкой и относительно длинной шейкой (рис. 1, 19, 22, 23) и мелкие с широким горлом и короткой шейкой (рис. 1, 20, 21). Сосуды первого типа более емкие, закраины их горловин несколько отогнуты для слива; у сосудов второй группы венчики прямые. В первой группе выделяется орнаментированный сосуд, изготовленный из прозрачного стекла голубого цвета с небольшим количеством пузырьков. Блестящая поверхность изделия на отдельных участках переходит в матовую. Невысокий орнаментальный рельеф покрывает борт и придонную часть изделия, просматривается на ярком свете. По плечикам сосуд украшен двумя декоративными ручками из накладных стеклянных полосок. Орнамент состоит из двух рядов повторяющихся и входящих одна в другую фигурок (по тулову), напоминающих каплеобразный лепесток, и располагающихся по низу бордюром двух поясков из полукружков и кружков, окаймленных волнообразной линией. Сосуд эллипсоидной формы. Длина его — 10 см, ширина — 8,5 см, общая высота — 13 см. Сходной формы флакон, но без орнаментации хранится в Самаркандском государственном музее истории культуры и искусства Узбекистана (2, рис. 1,2). Второй и третий сосуды, отличающиеся толщиной стенок, выполнены из голубого и желтоватого прозрачного стекла с небольшим количеством пузырьков. Второй сосуд имеет сферическое (высота — 10,7 см, диаметр тулова — 7,5 см), а третий — эллипсоидное в профиле тулово (высота — 11,3 см, диаметр — 10,5 см). В научной литературе подобные ему сосуды принято именовать колбами, подчеркивая тем самым их химическую принадлежность (1, с. 129). Между тем учитывая их сравнительную хрупкость и малую емкость, на наш взгляд, они более приспособлены для хранения лекарственных или каких-либо ароматических препаратов. Что касается первого сосуда, его парадный вид указывает, несомнен-

но, на косметический характер назначения (к примеру, для хранения ценных ароматических жидкостей типа розовой воды).

Сосуды второй группы по размерам и очертаниям наиболее близки флаконам, являющимся одним из распространенных видов стеклянной посуды (1, с. 127—128). Они изготовлены из прозрачного бутыльно-зеленого стекла с небольшим количеством пузырьков. Диаметр тулова малого флакона — 3,5 см, высота — 4,5 см; большого соответственно — 6 и 7,5 см. Малые их размеры, несомненно, указывают на хранение в них румян, помад, туши или других мазей косметического и лекарственного назначения.

Медицинская посуда представлена алембиками, изготовленными из голубого, относительно прозрачного стекла с небольшим количеством пузырьков в технике свободного выдувания (рис. 2, 6, 7). Поверхность отдельных из них гладкая и блестящая, других чуть матовая. Диаметры венчиков—5,5—6 см, высота—5—6 см. Носики сосудов сохранились на длину 6—9 см. Подобная разновидность алембиков, отличающихся сравнительно небольшими размерами, до последнего времени относилась к одной из наиболее распространенных форм химической посуды (1, с. 131—133). В количестве 12 экземпляров они были также встречены в купольном помещении так называемого пайкендского провизора (13, с. 37—38). Вопрос их назначения остается спорным (1, с. 132; 14, с. 62; 15, с. 214—215; 16, табл. 1, 13, 14, 16; 17, с. 94; 18, с. 116). Кроме стаканообразной разновидности, существовала и вторая, реже встречающаяся, но более крупных размеров. Алембики этой разновидности имели широкую, воронкообразную горловину, заходящую внутрь колбообразного резервуара, создавая таким образом приемник с внутренним желобом, как у черпильницы-несливайки. Носики у этих сосудов отходят прямо или вниз относительно поддона¹. В таком сосуде, видимо, было удобно конденсировать из пара в жидкость не только ртуть, но и другие вещества. Испаряющееся вещество будет скапливаться в резервуаре, оседая в виде капель, которые, стекая вниз через желобок, а затем по носiku, попадут в заранее установленный сосуд. По мнению Р. М. Джанполадян, такими сосудами-приемниками, скорее всего, являлись симобкузача (19, с. 13). Там же отмечается, что именно этот вид алембиков соответствует сосудам, которые армянские алхимики употребляли для дистилляции (19, с. 13). Что же касается стаканообразных алембиков, то они

¹ Алембики подобного типа из Бухары хранятся в Музее истории народов Узбекистана в Ташкенте. Отмечаются они и в иранских комплексах (21, с. 248).

непригодны в качестве прямого конденсатора: у них сравнительно малоемкий резервуар и отсутствует внутренний желобок, где могла бы скапливаться сконденсированная жидкость. Посики этих сосудов вовсе не предназначены для сливания ртути в другие сосуды. Если бы у них носики были направлены так же, как и у алейбиков второго типа вниз относительно горловины, то при насадке лишь незначительная часть сконденсированной жидкости действительно могла бы стечь по трубке (значительная же часть по стенкам стекла бы обратно в колбу с полуфабрикатом). У стакановобразных алейбиков повсеместно носики отходят либо под прямым углом к оси резервуара (2, рис. 3, 15; 17, рис. 1, 25; 20, рис. 1, 10), либо, гораздо чаще, направлены вверх относительно горловины (14, с.62; 3, рис.1,15). Исходя из этого можно утверждать, что для получения ртути или подобных ей тяжелых по удельному весу веществ удобнее было пользоваться не малыми, как отмечалось некоторыми исследователями (21, с. 253; 17, с. 94), а крупными алейбиками, с непосредственным процессом конденсации. Подтверждением этого может послужить находка М. Е. Массоном в Бухарской области крупного стеклянного алейбика (хранящегося ныне в Музее истории народов Узбекистана в Ташкенте) с керамической ретортой для перегонки ртути (21, с. 248). Малые алейбики, встречающиеся среди археологического материала гораздо чаще, видимо, имели более широкое распространение. Г. Л. Семенов, основываясь на миниатюре XIII в., приводимой Ламмом (16, табл. 1,13,14,16), считает его точку зрения о назначении этих сосудов как кровопускающих наиболее приемлемой (22). На основании известного трактата о хирургии и инструментах медика, жившего на рубеже X—XI вв., где говорится о применении кровотоасывающих банок и способе пользования ими, можно несколько расширить имеющуюся информацию (23, с. 211). Прежде всего автор отмечает, что они делались из рогов, дерева, меди или стекла и предназначались не для кровопускания, а для кровотоасывания. Ставились они двумя способами: с надрезами на коже и отсасыванием крови и без надрезов (последние могли ставиться в двух вариантах: с огнем и без огня), являясь в какой-то степени прароботом современных стеклянных банок, применяемых при простудных заболеваниях. В зависимости от болезни пациентов и назначения врачей банки имели различный характер применения, конструкции, размеры. Различие в размерах также объясняется возрастом пациентов и местом куда прикладывались банки (23, с.211—216).

К сказанному также необходимо добавить, что вплоть до настоящего времени в округе Пайкенда один из представителей

народной медицины (табиб) продолжает традицию лечения отдельных болезней путем кровопускания. Инструментом для этой процедуры служит небольшой по размерам (около 10 см в длину) рог, по всей видимости, бычка. Наряду с естественным резервуаром у основания он имел небольшое просверленное отверстие на конце. Процедура кровотоотсасывания заключалась в нанесении больному небольших надрезов, куда приставлялся рог, и отсасывании из ее резервуара воздуха. Затем небольшой мягкой мокрой тряпкой, привязанной к концу рога, отверстие прикрывалось. В результате разряженности в резервуаре рога значительно быстрее шел не только процесс кровотоотсасывания, но и исключалось свертывание крови.

Таким образом, все вышеперечисленные факты могут совершенно определенно указывать на то, что малые стаканообразные аламбики с длинными носиками-трубочками, служившими для отсоса воздуха, являлись не химическим, как утверждало ранее большинство авторов, а медицинским инструментом. Их широкое распространение в IX—XII вв. указывает, во-первых, на большую дешевизну стеклянных аламбиков в сравнении с металлическими, костяными и деревянными; во-вторых, стеклянные аламбики, будучи прозрачными, позволяли лучше контролировать процесс отсоса и, в-третьих, исходя из двух первых, с массовым использованием малых аламбиков в народной среде при лечении как нескольких видов болезней, так и возможностью пользоваться ими без присутствия лекаря (табиба).

Подводя итоги, можно добавить, что все сосуды комплекса имеют вогнутые донца со следами понтий и отличаются высоким качеством изготовления. Многие формы изготовлены в подражание металлическим или сосудам из горного хрусталя, носят декоративно-парадный характер, орнаменты на них отличаются изысканностью, своеобразием, свидетельствуя о незаурядном мастерстве и утонченном художественном вкусе стеклодувов.

Археологические исследования последних лет на площадке перед цитаделью выявили остатки печей X—XI вв., заполненных потоками стекла и мелкими обломками стеклянных изделий (24). Исходя из этого мы предполагаем местное происхождение материала, а городище Пайкенд — одним из центров по производству изделий из стекла в низовьях Зарафшана.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963.
2. М. Аминджанова. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда. ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962;

3. К. Абдуллаев. Стекланные изделия X—XII вв. из Бухары. ИМКУ, вып. 16, Ташкент, 1981.
4. Е. А. Давидович. Стекло из Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. 1, Ашхабад, 1949.
5. Л. К. Мережин. К характеристике средневекового стекла из Мерва. Сборник студенческих работ САГУ, вып. XV, Ташкент, 1956.
6. Б. Я. Ставиский. Раскопки городища Кулдор-тена в 1956—1957 гг. Советская археология, 1960, № 4.
7. В. П. Даркевич. Художественный металл Востока. М., 1976.
8. Г. А. Брыкина. Стекло с Карабулакского городища. История, археология и этнография Средней Азии, М., 1968.
9. Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов. М., 1983.
10. Б. В. Веймарн. Искусство арабских стран и Ирана VII—XVII вв. М., 1974.
11. Абу-Райхан ал-Бируни. Минералогия. Л., 1963.
12. В. Л. Воронина. Бронзы Ахсыкета из коллекции А. И. Смирнова. Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
13. А. Р. Мухамеджанов, Г. Л. Семенов. Химическая лаборатория VIII в. в Пайкенде. Общественные науки в Узбекистане, 1984, № 3.
14. В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1926.
15. Р. М. Джанполадян. Лабораторная посуда армянского алхимика. Советская археология, М., 1965. № 2.
16. С. J. Lam. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus den Nahen Osten, Berlin, 1930.
17. О. Напахристу, И. Ахбаров. Стекло из раскопа в Арке домонгольского городища Ахсыкент. ИМКУ, вып. 16, Ташкент, 1981.
18. Е. Атагарьев. Новые археологические материалы из пригородов Новой Нисы. В сб. «Новые исследования по археологии Туркменистана», Ашхабад, 1980.
19. Р. М. Джанполадян. Сферокопические сосуды из Двина и Ани. Ереван, 1982.
20. Л. Г. Брусенко, З. С. Галиева. Материалы раскопок квартала X — начала XI в. на городище Капка. ИМКУ, вып. 17, Ташкент, 1982.
21. М. Амиджанова. О некоторых стеклянных сосудах Мавераннахра, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961.
22. Г. Л. Семенов. Доклад на годичной отчетной сессии в Самарканде, 1987 г.
23. Абу-л-Касим аз-Захрави. Трактат о хирургии и инструментах, М., 1983.
24. А. И. Наймарк. Отчет Пайкендской экспедиции ГМИНВ о работах на площадке перед цитаделью за 1984 г. Архив ИА АН УзССР, Самарканд.

ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА БУХАРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Интенсивные торгово-экономические связи, рост городов и относительная политическая стабилизация во второй половине XVIII — середине XIX в. привели к подъему экономики и культуры в Бухарском ханстве. Следствием этих процессов явилось также значительное улучшение качества и роста ремесленной продукции, в частности керамического производства (1, с. 187, 2, с. 71).

В изучаемый период по сравнению с керамикой предшествующего времени (второй половины XVII — середины XVIII в.) (2, с. 96—114) происходит количественное увеличение и качественное улучшение цветовых гамм и характера орнаментации, получает дальнейшее развитие оформление керамики в парадных и обиходных образцах. Становятся популярными наборы разных форм столовой посуды, выполненные в сервизном варианте — в одной цветовой гамме и близкими по мотивам орнаментами. Керамика даже самых массовых обиходных образцов обязательно покрывается росписью. Основную группу столовой посуды составляют чаши и блюда, в значительно меньшем количестве встречаются пиалы, блюда различных форм, кувшины. Наряду со столовой посудой в комплексах керамики второй половины XVIII — середины XIX в. представлены глазурованные светильники, подсвечники, туваки и тагора.

Остановимся несколько подробнее на наиболее характерных особенностях форм и мотивов орнаментации глазурованной керамики Бухары.

Чаши (коса) имеют кольцевой (на парадных) или дисковидный (на обиходных образцах, составляющих большую часть) поддон, переходящий в полусферические стенки со слегка отогнутой закраиной у венчика. Форма чаш практически не меняется в сравнении с керамикой предшествующего времени. Цвет теста обычно светло-желтых или реже розовых тонов. Ангоб в большинстве случаев белый. Прозрачные глазури покрывают внутреннюю до поддона поверхность изделий. Размеры большинства чаш стандартные, диаметр венчиков—17—19 см, донец—7—8 см, высота—8—9 см. Орнаментация, состоящая из растительных и реже геометрических мотивов, на большинстве изделий, представ-

ляющих обиходные образцы, в основном располагается на внутренней поверхности, а на парадных образцах, составляющих меньшую группу, орнаментируются обе поверхности чаши. Иногда высокохудожественные парадные образцы керамики имеют одностороннее оформление по внутренней или внешней поверхности изделий. В таких случаях от обиходных они отличаются не только изысканностью художественного оформления, но и полихромной цветовой гаммой.

Изредка встречаются чаши несколько более крупных размеров (шюкоса). Орнаментация и цветовая гамма их практически не отличается от чаш обычных размеров. Распространение подобных образцов в исследуемый период, видимо, объясняется появлением среди китайского фарфора чаш как обычных, так и более крупных вариантов.

По принципу распределения орнаментации и качеству художественного оформления чаши делятся на несколько групп. Рассмотрим наиболее распространенные из них.

Парадные полихромные чаши — их орнаментация выполнялась синими, голубыми, коричневыми, красновато-коричневыми, малахитово-зелеными и черными красками (рис.1, 1 — 4). Ком-

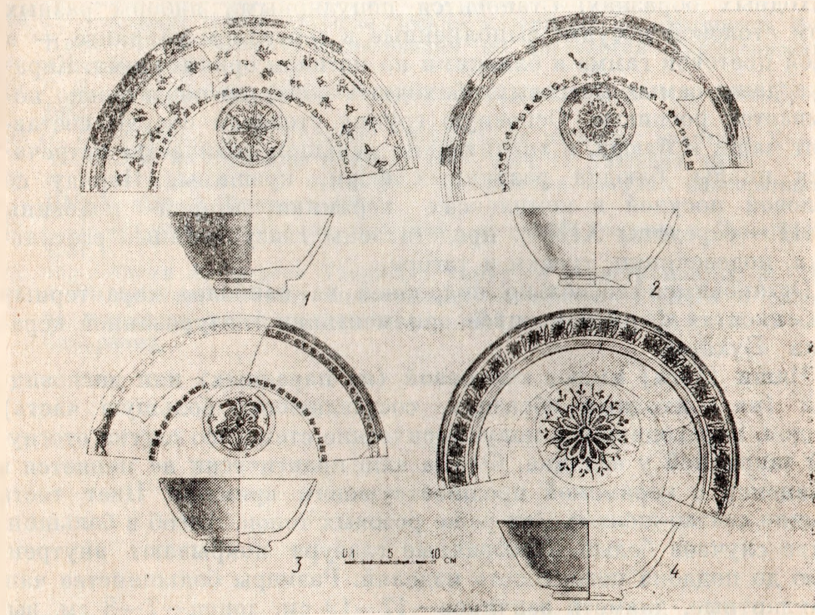

Рис 1. Парадные образцы чаш.

позиция донной поверхности часто состоит из многолучевой или многолепестковой розеток, обрамленных круговой ленточной полосой, поверх которой идет орнаментация в виде трилистников. По венчику проходят ленточные полосы, часто заключающие повторяющийся мелкий г-образный круговой мотив.

Орнаментация другой чаши во многом аналогична (рис.1,3). Написания касаются лишь композиции свободно располагающегося в центральном круге мотива куста с крупной цветочной розеткой. Это мотив отвесной композиции, широко использовавшийся на керамике XV — XVI вв. (4, с.100) и традиционно продолжающий применяться на посуде исследуемого периода. На представленном образце он имеет реальные очертания. По бордюру венчика проходит ленточная полоса со стилизованными мотивами повторяющихся круглых плодов, соединенных тонкой ветвью и двумя отходящими в стороны листиками.

Орнаментация центра внутренней поверхности следующей чаши состояла из многоярусной лепестковой розетки (рис.1,4). По ленточному бордюру венчика проходит орнаментальная полоса из повторяющегося мотива лучевого орнамента басма, разделенного косым листовидным орнаментом. Басма, получившая широкое распространение при оформлении посуды предшествующего периода, на парадных формах чаш второй половины XVI — середины XIX в. встречается нечасто, что, видимо, объясняется легкостью его выполнения методом штампа и использованием его соответственно на обиходных видах изделий. Голубой цвет, покрывающий внешнюю поверхность этой группы, является одним из характерных признаков парадности изделий.

Чаши парадного и парадно-обиходного назначения выполнялись также в виде подражаний образцам XV—XVII вв. Орнаментация на керамике этой группы выполнялась в основном синей (кобальт) и отдельных деталей бирюзовой краской по белому ангобу. Лишь на очень немногих образцах добавление бирюзовой краски может отсутствовать так же, как и на чашах XV—XVII вв. Одной из характерных особенностей большинства чаш этой группы являлось оформление росписью внутренней и внешней поверхности изделий (рис. 2).

Полихромные чаши парадно-обиходного назначения по композиционному распределению орнамента делятся на две подгруппы: в первую входят чаши с росписью по внешней, а во вторую — с традиционным заполнением внутренней поверхности. На рис. 3, 1,2 обе чаши, близкие как по форме, так и по характеру исполнения, по всей видимости, были выполнены одним мастером и, возможно, в сервизном варианте. На это указывают еще несколько форм столовой посуды, покрытых близкой по характеру цве-

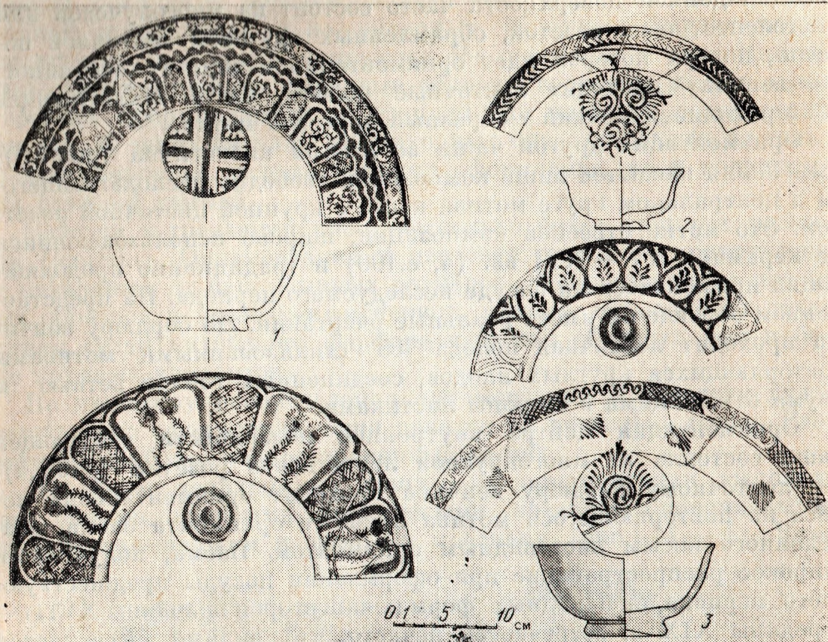

Рис. 2. Парадные и парадно-обиходные образцы чаш (1,3) и пиал (2).

товой гаммой и мотивами орнаментации. Наличие кольцевого поддона и распределение основной части орнаментации по внешней поверхности стенок указывает на выполнение чаш в подражание парадным образцам. Орнаментация внутренней поверхности состоит из пучка растительных побегов, выполненных черной краской и темно-голубой цветочной розеткой в центре, с отходящими в виде лучей отросточками. Являясь одним из характерных центрических мотивов при оформлении изделий этого периода, своими истоками он восходит к мотивам отвесных композиций XV — XVI вв.

Орнаментация внешней поверхности чаш состоит из размещенных на всю высоту стенок круговых и лепестковых мотивов, резервы между которыми заполнены штриховыми линиями. Близкий по исполнению орнамент широко представлен на керамике XV—XVI вв. из Ташкента (5, рис. 2) и на чашах из Бухары предшествующего периода (3, с. 98, рис. 1, 3).

Чаши с орнаментацией по внешней поверхности являлись украшением комнаты и обычно изготовлялись с расчетом установ-

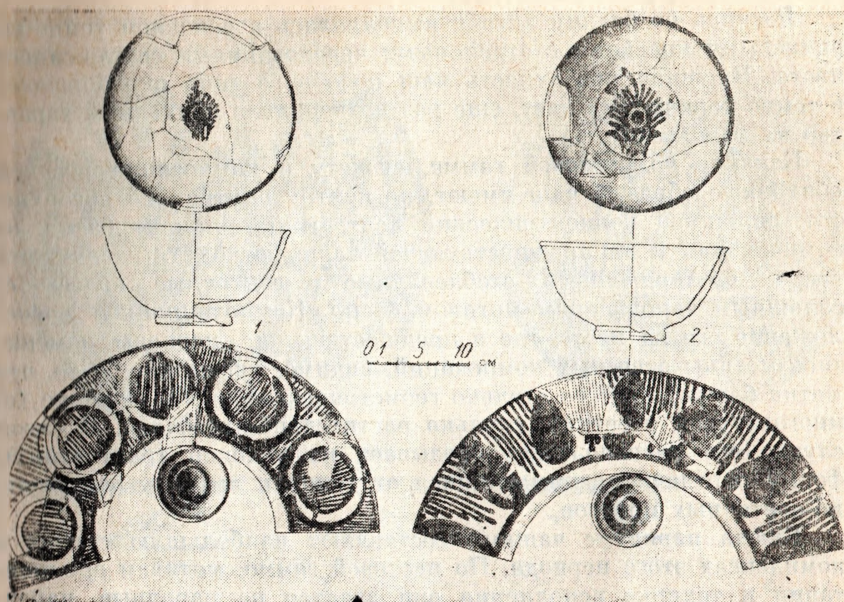

Рис. 3. Чашы парадно-обиходного назначения.

ки в нишах мехмонхоны, свидетельствуя о достатке и вкусах хозяев. Прозрачная с голубоватым оттенком глазурь покрывает обе поверхности чаш вплоть до поддона.

Ко второму типу третьей группы относятся чаши с обычной для большинства столовой посуды художественной композицией на внутренней поверхности изделий. В отличие от чаш предшествующей подгруппы, выполненных в подражание парадным и только росписью, здесь довольно ограниченные цветовые гаммы художественной росписи сочетаются с процарапанной орнаментацией и штампом (басма). Керамика этого типа встречается в значительно больших количествах в сравнении с описанными выше парадными образцами и носит обиходный характер. Центральная донная композиция одной из них состоит из крупной многолучевой розетки басма, вписанной в двойную кольцевую линию, от которой, расширяясь вверх, отходят стеблевидные линии¹, перехваченные у венчика концентрическими круговыми полосами.

¹ Близкие по характеру мотивы стеблевидных линий, возможно, генетически происходящих от рельефно выполнявшихся изображений лотоса на ранних селадонах, встречаются на стенках чаш и блюдов как предшествующих, так и последующих периодов (6, рис.14; 7, рис. 1,2).

Роспись по белому ангобу выполнялась в основном темно-коричневыми красками с отдельными чередованиями светло-синего цвета. Внешняя поверхность чаш подобного типа окрашивалась в темно-коричневый цвет, еще раз подчеркивая обиходный характер их назначения.

Близкие по цветовой гамме, сюжету и композиции росписи обиходные образцы чаш имеют, по центру внутренней поверхности, сплошной концентрический ленточный орнамент басма, от которой, как и на предшествующей чаше, отходят, расширяясь вверх, повторяющиеся стеблевидные и ленточные полосы со сплошным заполнением мотивом басма. Композиционное расположение его на месте, где в предшествующие периоды помещались мотивы отвесных композиций, видимо, указывает на то, что мотив басма имеет не столько геометрическое происхождение (от многолучевой розетки), сколько растительно-цветочное. В таком случае его расположение указывает на условно трактованную форму передачи поднимающихся от донца к венчику растительно-цветочных мотивов.

Блюда наряду с чашами составляют наибольшую группу в комплексах этого периода. По цветовой гамме, мотивам орнаментации и технике исполнения они делятся на парадные, парадно-обиходные и обиходные. Донна дисковидные, переходящие в полусферические стенки, завершающиеся отогнутым наружу бортиком или закраиной. Диаметры венчиков — 26—35 см; диаметры донца — 10—13 см; высота — 6—9,5 см.

К первой группе относятся парадные полихромные блюда, выполненные в лучших художественных традициях этого времени. Растительные, реже геометрические мотивы орнаментации выполнялись росписью синими, голубыми, черными, красновато-коричневыми и желтоватыми красками по толстому белому ангобу и покрывалась прозрачной голубоватой глазурью вплоть до поддона внешней поверхности. Тесто черепка обычно желтоватых или розовато-желтых тонов, глазурь хорошего качества. На двух полусферических блюдах (рис. 4.12) орнаментация носит ковровый характер с растительными мотивами по бортику и цветочно-растительной композицией в центре. Фон нежно-голубой. Цветочки, выполненные синими, темно-коричневыми и желтыми красками оконтурены во избежание расплывов черной линией. Подобные коврово-цветочные мотивы, имевшие широкое распространение в декоративно-прикладном искусстве народов Центральной Азии, видимо, начали воспроизводиться и на русских текстильных изделиях, предназначенных для экспорта в среднеазиатские ханства (8, с. 35). Отдельные параллели встречаются и на японском фарфоре XVIII в. (9, ill. 53). Но наиболее близкой

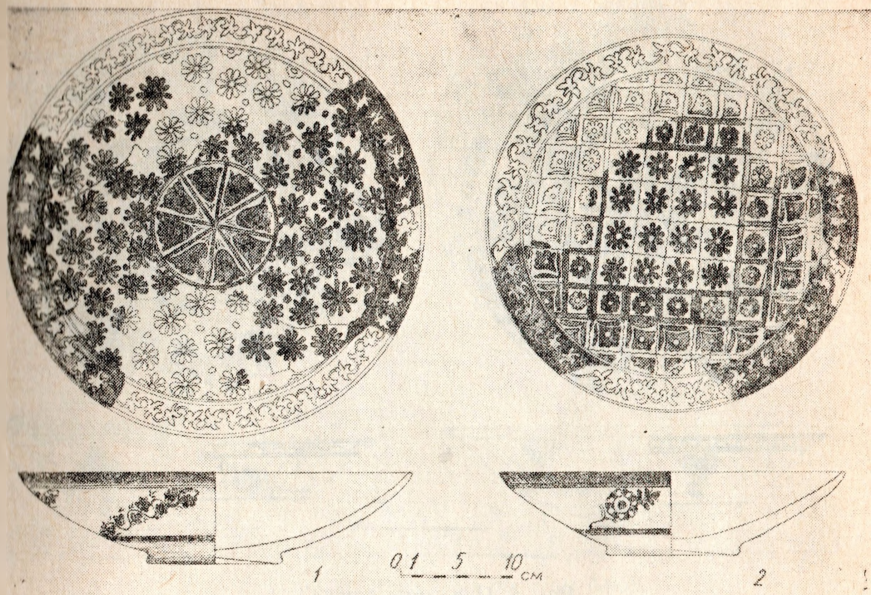

Рис. 4. Парадные образцы блюд

аналогией по цветовой гамме и орнаментации является блюдо пачала XIX в., происходящее из округи Бухары (Варданзе) (10, табл. XIII).

На двух других блюдах (рис. 5,1,2) исходя из формы орнаментация делится на три части. Центральную донную композицию составляют звездчатые вихревые розетки, оконтуренные идущими по кругу, вплотную друг к другу, разноцветными шаровидными мотивами. На первом блюде по бортику располагается повторяющийся мотив побега с цветочками, а на втором он чередуется с более крупными цветочными мотивами. Крутой изгиб между дном и бортиком заполняет свободная ленточная полоса. Как и на первых двух блюдах, орнаментация внешней поверхности состоит из двух ленточных полос, включающих символическо-условные растительно-цветочные композиции.

Блюда парадно-обиходного назначения выделяются широким использованием спиралевидных мотивов, кругов, ромбов, басмы, свободных ленточных полос и вихревых розеток в центре. Оформление внешней поверхности изящными растительно-цветочными мотивами практически исчезает. В то же время орнаментация продолжает носить полихромный характер и выполняется в основном росписью.

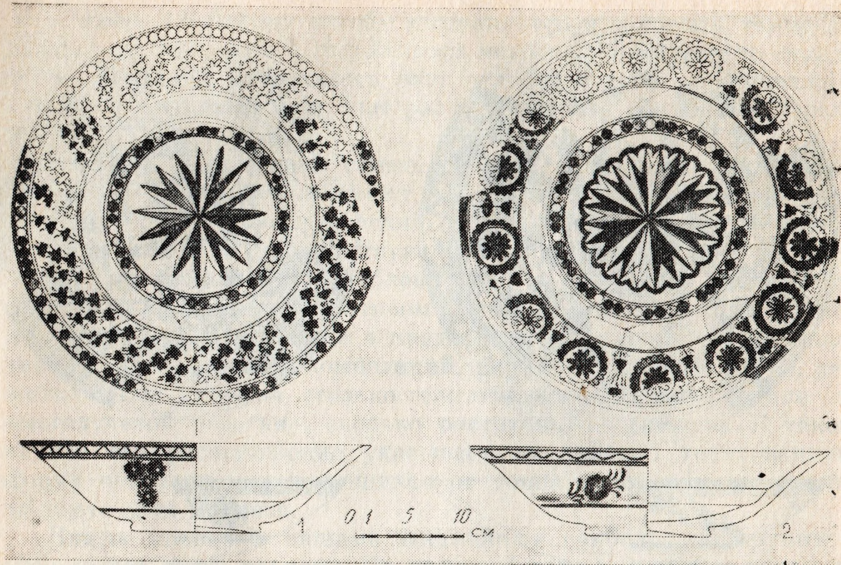

Рис. 5. Парадные блюда.

Первые два блюда представляют собой примеры постепенного перехода от изящных парадных видов изделий к формам парадно-обиходного характера (рис. 6, 1, 2). Это прежде всего проявляется в укрупнении рисунка, небрежном исполнении отдельных деталей и в связи с этим общем упрощении характера орнаментации. На внешней поверхности используется штампованный цветочнорастительный мотив басма, в то время как на безусловно парадных образцах орнаментальная композиция всегда отличалась оригинальностью, изяществом и подбором мягких цветовых гамм.

Следующие два блюда парадно-обиходного назначения выполнены в подражании монохромным изделиям XV — XVII вв., расписанным по белому ангобу синей краской. В отличие от чаш, значительно переработанные стилизованные царковые мотивы с добавлениями бирюзовой краски придают подобным подражаниям лишь чисто внешний характер (рис. 7, 1, 2).

К третьей группе относятся наиболее массовые обиходные блюда однотипных цветовых гамм, выполнявшиеся темно-коричневой и бирюзовыми красками по белому ангобу под слегка голубоватой прозрачной глазурью. Орнаментация также состоит из ограниченного числа часто повторяющихся в различных вариациях мотивов басма, трилистников, ленточных полос, спиралей,

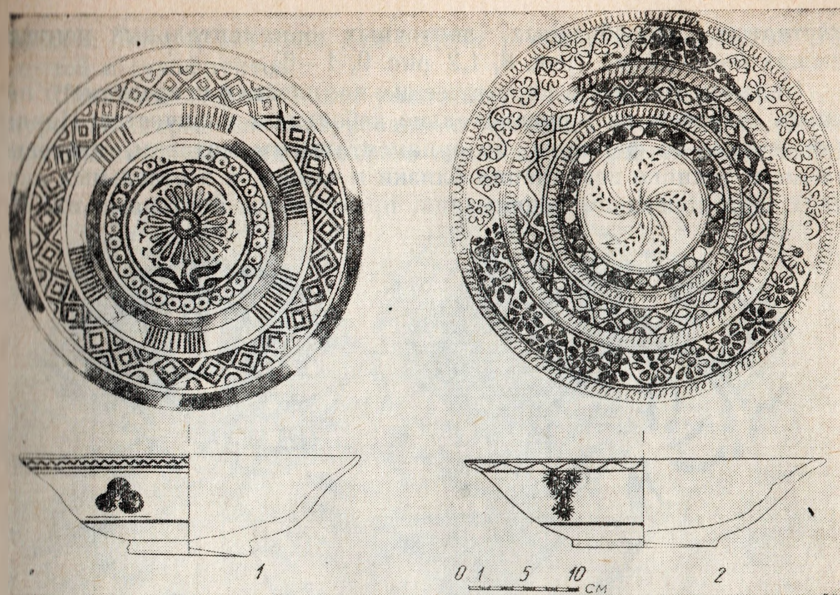

Рис. 6. Парадно-обиходные образцы блюд.

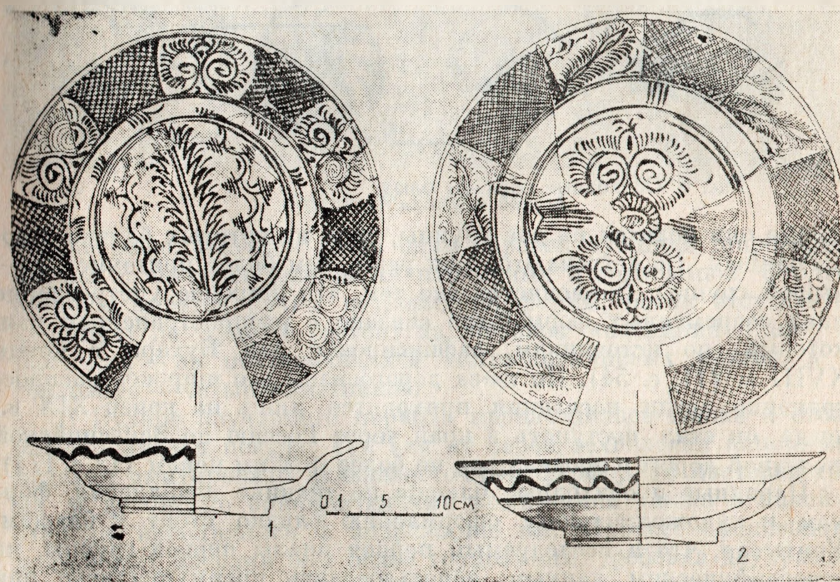

Рис. 7. Парадно-обиходные блюда.

клетчатых, аркообразных, ленточных орнаментальных центрических композиций (рис. 8, 1, 2 рис. 9, 1—6).

Пиалы и блюда в керамических комплексах исследуемого периода встречаются в сравнительно небольшом количестве. Пиалы (чашечки) по форме и по орнаментальным мотивам, цветовой гамме и технике исполнения близки к чашам, а в отдельных случаях, при сервизном исполнении, практически повторяют их. По

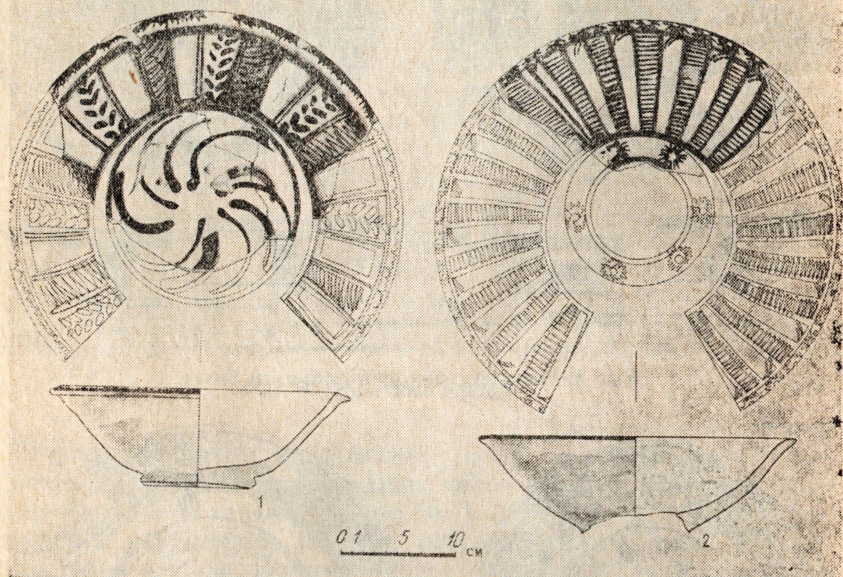

Рис. 8. Обиходные образцы блюд.

форме они делятся на две группы, одна из которых близка к современным. Но встречаются они реже, чем более приземистые — второй группы. Объясняется это тем, что широкое употребление пиял современных форм было связано с распространением чая, который, по источникам, зафиксирован для Бухары с конца XVIII в. (11, с. 54). Но из-за дороговизны его широкое распространение среди населения приходится лишь на конец XIX в., когда он стал поступать в край через Россию по Закаспийской железной дороге и продаваться по более низким ценам (12, с. 174).

Парадные и обиходные блюда по технике исполнения, формам и художественному оформлению близко стоят к блюдам. Учитывая, что в исследуемый период пиалы первой группы, по этнографическим данным, использовались преимущественно при питье вина (1, с. 290), можно предположить, что вторая группа

пинал и блюдоц служила для подачи к столу всевозможных сладостей и сухофруктов.

Кувшины (офтоба) для умывания, в основной массе без глазури. Полихромные глазурованные кувшины меньших размеров, предназначенные для столового пользования, встречаются значи-

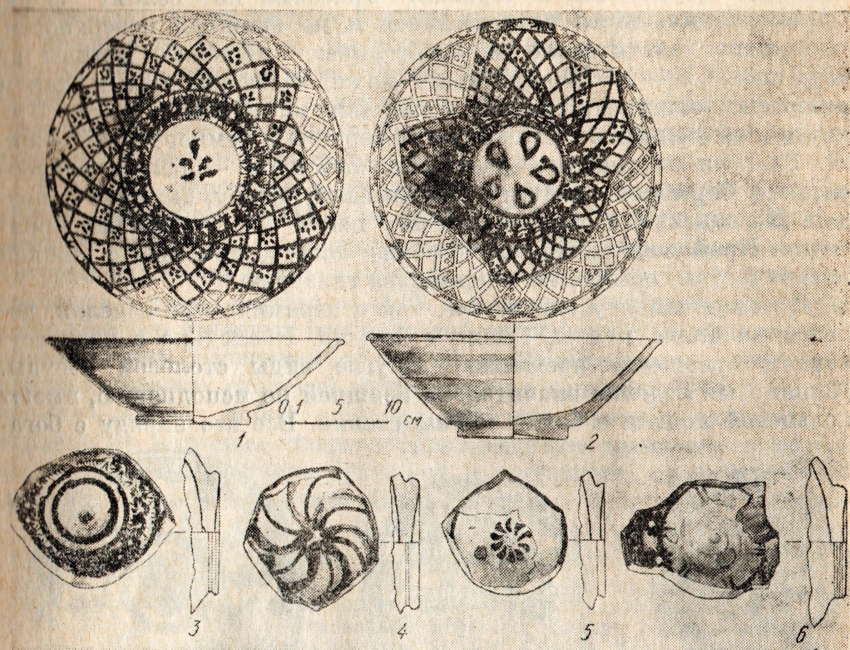

Рис. 9. Обиходные блюда.

тельно реже. Имеется лишь один образец кувшина шаровидной формы с четко выделенными плечиками и горловиной. С одной стороны имеется ручка петлевидной формы, носик отсутствует. Орнамент по тулову состоит из мотивов «павлиний глаз», по плечикам — из повторяющихся темно-коричневых кругов, а по горловине — четырехлистников.

В Бухаре изучаемого периода производилась также и столовая кашиновая посуда. Так как по своей технологии кашиновые изделия имитировали дальневосточный фарфор, то цветовая гамма и некоторые орнаментальные композиции также в какой-то степени исполнялись в подражание им. Процесс производства кашиновых изделий был более трудоемким, требовал двухразового обжига, а некоторые материалы производства привозились издалека (13). Поэтому по цене он стоил выше, выпускался в на-

много меньших количествах, чем керамические изделия и в основном употреблялся в более зажиточных слоях (14). По цветовой гамме кашинные изделия делились на монохромные (большая группа), орнаментировавшиеся кобальтом или черной краской, и полихромные (меньшая группа), расписывавшиеся голубыми, синими, коричневыми и черными красками по белому фону. Орнаментация, часто наносившаяся и по внешней поверхности, напоминает значительно переработанные парковые мотивы на керамике XV — XVII вв. Кашин может быть как белых, так и розоватых оттенков, иногда сочетаясь на одном образце. Это, видимо, объяснялось составом теста черепка и температурой обжига. Глазури прозрачные, различных оттенков — белых, голубоватых и бирюзовых цветов — покрывают посуду, включая и поддон. На отдельных образцах имелся цек и незначительная ирризация. Край ножки, непосредственно соприкасавшийся с нижней поверхностью, обычно не покрывался глазурью.

По ассортименту они также, как и керамические изделия, делятся на чаши, пиалы, блюда и блюдца. Последние в количественном отношении превышают другие виды столовой посуды. Кашинные изделия значительно изящней по исполнению, имеют кольцевой поддон и более тонкие стенки. Все это наряду с бога-

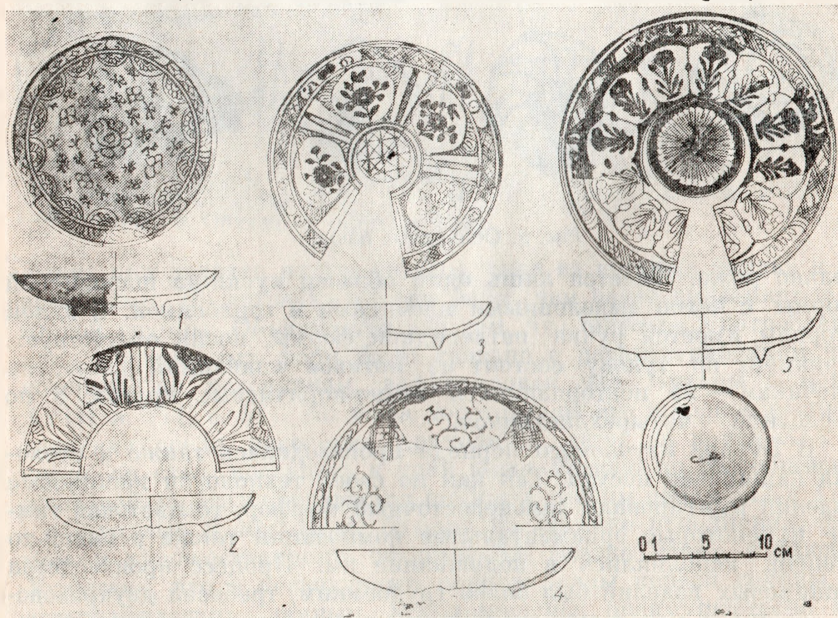

Рис. 10. Образцы кашинных блюдец.

той художественной росписью еще раз подчеркивает парадный характер их назначения (рис. 10, 1—5).

Также необходимо подчеркнуть, что, несмотря на наличие в материалах комплекса единичных фрагментов привозного кашина, ее основная масса, несомненно, местного производства, возобновленного после выхода Бухары во второй половине XVIII в., на кризисного периода. На существование в Бухаре производства кашина, которое своим белым фоном и росписью кобальтом имитировало фарфор, указывают и сообщения русских путешественников, отмечавших, что здесь есть заводы оружейные, стеклянные, глиняные и фарфоровые (15, с. 6).

В целом парадная и парадно-обиходная керамика Бухары второй половины XVIII — середины XIX в. в художественном отношении значительно превосходит изделия предшествующего (второй половины XVII — первой половины XVIII в.) и последующего (второй половины XIX в.) периода. Многогранностью и сложностью стиливых особенностей, изысканностью исполнения, динамическим развитием традиций орнаментального искусства предшествующих столетий глазурованная керамика Бухары этого времени являет собой одну из наиболее ярких и самобытных страниц ее истории, отвергая общепринятую трактовку о глубоко застойном характере духовных и творческих сил позднефеодального общества Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Е. М. Пещерева*. Гончарное производство Средней Азии. Труды ИЭ, т. XLII, М.-Л., 1959.
2. *М. Е. Массон*. Из истории горной промышленности Таджикистана. Л., 1934.
3. *Д. Мирзаахмедов*. Глазурованная керамика Бухары второй половины XVII — первой половины XVIII в. ИМКУ, вып. 16, Ташкент, 1981.
4. *Г. А. Пугаченкова*. Самаркандская керамика XV века. Труды САГУ, Новая серия, вып. XI, гуманитарные науки, кн. 3., Ташкент, 1950.
5. *Д. Вархотова*. Художественная керамика XV — начала XVI века из Ташкента. Общественные науки в Узбекистане, 1969, № 8—9.
6. *Р. Г. Мукминова*. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент, 1976.
7. *А. К. Разыграева*. Орнаментированные блюда из Северного Таджикистана. История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981.
8. *Ю. А. Соколов*. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент. 1965.
9. *Н. Sychova*. The Museum of Oriental Art. Moscow. Leningrad, 1981.
10. *Н. Бурдуков*. Гончарные изделия Средней Азии, СПб, 1904.
11. *Филипп Ефремов*. Десятилетнее странствие. М., 1950.
12. *А. Ф. Губаревич-Радобильский*. Значение Туркестана в торговле России с сопредельными странами Азии. Материалы для изучения хлопководства, вып. II, СПб, 1912.
13. *А. О. Гребенкин*. О гончарном производстве в Зеравшанском округе. «Туркестанские ведомости», 1874, № 8.
14. *А. Кушакевич*. Гончарный промысел в Ходжентском уезде. «Туркестанские ведомости», 1871, № 4.
15. Краткое описание Бухары и Хивы. «Сибирский вестник», ч. I, СПб. 1823.

**КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ
БУХАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

В фондах Бухарского музея хранится свыше двух тысяч единиц документов.¹ Подробное научное описание их до сих пор не осуществлено. В разное время отдельные части их были просмотрены различными лицами, в результате чего было составлено несколько групп карточного каталога. Краткие описания документов были включены в Книгу поступлений (КП) или, что то же самое, в Главную инвентарную книгу. Описанные документы в музейных регистрационных книгах и карточных каталогах (топографический и коллекционный) в настоящее время включены в две коллекции: 11 и 12, куда отнесены все письменные памятники: книги (рукописные, литографские, наборно-печатные), кит'а (листки бумаги с каллиграфически написанными стихотворными текстами) и т. п.

Главными недостатками осуществленной к настоящему времени каталогизации документов является, во-первых, неполное описание всей наличной коллекции и, во-вторых, отсутствие единой системы в описании отдельных единиц.

Так, некоторые описания охватывают целые папки с большим количеством документов и других видов письменных памятников. Например, инв. № 10569/12 (число после знака дроби означает номер коллекции) — «33 рукописных материала — письма и стихотворения, относящиеся к нач. XX в.», или инв. № 11261/11 «Рукописные документы из казыханы, 55 единиц. Конец XIX — нач. XX в.», или же инв. № 11007/11 — «Черновики писем эмира Музаффера. XIX в.»; в последнем описании не указано даже количество единиц.

Описания составлены в произвольной форме (вернее, без всякой формы). В них в большинстве случаев не указаны наличие печатей, их размер и текст.

В существующих описаниях отсутствует унификация видовых названий. Например, инв. № 9792/12 — «О продаже земельного участка», инв. № 9798/12 — «Торговая сделка земельного участка»; инв. № 9803/12 — «Торговая сделка о покупке земельного участка». (Погрешности в соблюдении грамматических правил являются не главным изъяном описаний, поэтому нет надобности заострять на них внимание).

Хранение документов в музее не систематизировано: документы не сгруппированы ни по хронологии, ни по виду (запродажные, вакфные и т.д.), ни по тематике (аграрные отношения, указы о назначении на должность и т.д.).

Учитывая такое положение хранения (бессистемность), регистрации и описания (произвольность и отсутствие унификации) документальных письменных памятников в музее, в мою бытность главным хранителем фондов музея (1976—1979 гг.) мы, работники фондов, определенное внимание уделяли хранению документов. Первым делом отделили документы от прочих видов письменных памятников. Затем из их среды были выделены наиболее ранние, относящиеся к XVI—XVIII вв. После этого была принята единая форма описания и, наконец, открыта книга научного инвентаря для рукописных документов.

Паспортизация музейных ценностей в музее ведется давно, по содержанию их оставляет желать лучшего: не всегда указаны внешние характеристики (форма, материал, размер и другие признаки), особые признаки; основное содержание описания или чрезмерно растянуто или, что встречается чаще, слишком краткое; не во всех паспортах имелись сведения о дате (времени) и месте происхождения, месте и дате находки (или приобретения) и т. д. Паспортов определенной формы на рукописные документы до 1976 г. в музее почти не было; было заполнено около 20-бланков, но они не выдерживают даже самой невзыскательной критики.

В музейном деле фиксация видовых и индивидуальных признаков в Книге поступлений классифицируется как первичная (предварительная) регистрация; фиксация в книге научного инвентаря—юридической регистрацией и, наконец, фиксация в индивидуальном музейном паспорте—научной регистрацией.

Первичную регистрацию (запись в КП) изменить (исправить или дополнить) не разрешается, поэтому все необходимые поправки мы вносили в книгу научного инвентаря и более детально и развернуто в паспортах.

Научному описанию и паспортизации в первую очередь подверглись наиболее ранние, а также неучтенные документы, затем—вновь поступавшие.

В музее основную массу документов составляют акты и грамоты (указы) XIX—начала XX в. Ранних документов выявлено всего лишь 22 единицы, в том числе XVI в.—2 единицы, XVII в.—6 единиц, остальные относятся к XVIII в.

В коллекции рукописных документов музея представлены все основные виды:

—ханские (эмирские) грамоты (фармон, нишон, хукм, ипоят-

нома) всех родов: о назначении на должность, о пожаловании привилегий, об обелении земли и т.д.

— запродажные (васика) разных родов и форм;

— вакфные документы (вакф-нома, вакфийа) как в пользу религиозно-благоворительных учреждений (вакф ал-бирр или вакф ал-хайр) так и в пользу потомков (вакфи авлоди);

— долговые расписки и обязательства;

— исковые заявления;

— отступные (акты отказа от иска);

— брака-разводные документы;

— правовые решения (фатво) по различным вопросам;

— официальные письма;

— различного рода делопроизводственные документы (донесения чиновников центрального и местного государственного аппарата, документы финансовой отчетности, реестры) и прочие виды.

Ниже мы даем сведения о внешней форме, индивидуальных признаках и содержании нескольких одновременных документов коллекции Бухарского музея.

I. Вакфный документ (вакфнома)

БМ. инв. № 10994/11 (старый № 1329, научный инв. ДР-1 №019), в пользу медресе, расположенного в квартале Газийан г.Бухары к северу от одноименного водоема (хауз).

Дата составления — середина X в. х. (середина 30-х годов XVI в.). Имя учредителя вакфа в сохранившейся части документа не значится. Размер — 878×25 см. Бумажная полоса склеена из 22 листов размером 36 × 25 см каждый, трех полосок размером 11 (12)×25 см каждая и одной узкой полосы размером 3×25 см. Бумага среднеазиатская, лощенная, кремового цвета. Чернила черные. Почерк — насталык, многие буквы не имеют точек.

Дефекты: начало свернутой в свиток бумажной полосы не сохранилось; бумага во многих местах порвана, текст читается удовлетворительно.

Список музея является черновой редакцией документа. Об этом свидетельствует большое количество исправлений и дополнений, вписанных в текст под строками и между словами как дополнение или под зачеркнутыми словами как исправление; между строками 411 и 412 остался просвет чистой бумаги без текста.

Имя и титулатура учредителя вакфа, название медресе, в пользу которого был учрежден вакф, а также дата составления

документа были указаны, вероятно, в утраченной начальной части свитка.

Установить приблизительное время составления документа позволяют даты покупки земельных участков: перед каждым перечнем обращенных в вакф земельных участков, приобретенных у отдельного собственника, указана точная дата; самая ранняя из них 8-го шаввала 940 г. х (23 апреля 1534 г.)², а самая поздняя 17-го шабана 941 г. х (21 февраля 1535 г.)³. Следовательно, если предположить, что время составления вакфного документа от совершения сделок по покупке земельных участков отделяют 1-2 месяца, он был составлен в конце 941 или в начале 942 г.х. (1535 г.).

Медресе, в пользу которого выдан документ, было расположено к северу от городского водоема (хауз) Газийан (на перекрестке современных улиц Октябрьская и Чапаева).

По данным сохранившейся части документа, учредитель вакфа приобрел у 45 лиц более 1500 танабов, т. е. около 400 га земли и заплатил за них более 4.500 танга; эти цифры округлены нами, так как необходимо иметь в виду то обстоятельство, что в одних случаях не указана площадь земли (например, строки 64-65, 344), а в других случаях — ее стоимость (строки 32-40, 344).

Площадь земельных участков, указанная в двух разноименных, но равных единицах (джариб и танаб) даже в пределах собственности одного и того лица, весьма различна и колеблется от долей танаба (строки 15, 54, 192 и др.) до нескольких десятков танабов (строки 127, 135, 290 и др.).

Помимо посевных земель, в вакф было обращено незначительное движимое имущество: четыре подстилки и два медных котла (строки 412, 414).

Укажем на некоторые положения условий вакфа. Попечителем (мутавалли) вакфа учредитель, как обычно делалось, назначал себя; после его смерти заведовать вакфом должны были его потомки мужского пола (строки 416-423).

Доходы с вакфных недвижимостей должны были расходоваться на ремонт медресе и расположенного подле него водоема; десятая часть (ушр) остатка предназначалась самому мутавалли; остальную часть доходов следовало разделить пополам: половина распределялась между потомками учредителя вакфа (строки 435-438), а вторая половина предназначалась персоналу медресе в следующих размерах:

— мударрису, ведущему занятия в медресе четыре раза в неделю, — ежегодно 540 танга шахрравон (строки 439-440; о денежной единице («танга-йи шахрравон» см. ниже);

— 21 проживающему в медресе студенту ежегодно всего 1848 танга шахрравон, причем размер «стипендии» колебался в зависимости от ступени (цикла), в котором «студент» обучался: на низшей ступени «стипендия» была ниже, чем на высшей (строки 442—445);

— библиотекаря (китобдор), который должен был хранить книги медресе, выдавать их студентам и вести запись выдач и учета (строки 446—448);

— служителю, на ритуальную трапезу, освещение и т.д.

2. Вакфный документ (вакфийа)

БМ. инв. № 11006/11. Фрагмент основного документа 1002/1594 г. и дополнения XVII в. Размер — 496×37 см, 139 строк.

Дефекты: не сохранилось начало свитка с именем учредителя вакфа, датой составления документа, перечнем обращенных в вакф недвижимостей и началом перечня книг, которые были переданы в библиотеку медресе.

Текст основного документа начинается с середины перечня пожертвованных в библиотеку медресе книг. Этот текст занимает основную часть бумажной полосы (строки 1-82).

На правом поле этой части фрагмента основного документа имеются поздние дополнительные записи разных лет XVII в. (на уровне строк 4—83).

Вторую половину текста свитка составляют условия учредителя вакфа (строки 120-126), сиджилл (строки 127-137), поименный перечень свидетелей и под текстом подпись-монограмма казия и подписи свидетелей.

А. Перечень книг, обращенных в вакф

Сохранившаяся часть перечня книг, переданных вакфному медресе и составивших его библиотеку, не датирована. Несомненно, этот перечень относится ко времени удостоверительной казийской записи, сделанной под текстом учредителя вакфа — 1002/1594 г.

Перечень книг в своей сохранившейся части содержит список из 197 томов 99 названий. Список систематизирован — перед наименованием отдельных групп книг проставлены названия тематических рубрик, например, «Книги хадисов (кутуб-и хадис)» (строка 20), «Законоведение (фикх)» (строка 32) и др.

Б. Условия учредителя вакфа (строки 83—119)

Эта часть основного документа следует за перечнем обращенных в вакф книг и состоит из 37 строк.

Согласно условиям учредителя вакфа (вокиф), доходы с вакфного имущества должны были распределяться нижеследующим образом (строки 83—114):

- в первую очередь следовало выделить средства на ремонт (иморат) вакфного медресе;

- остаток поступлений следовало распределить между персоналом медресе, а также уделить на другие нужды;

- попечителю (мутавалли) медресе и вакфных зерновых полей (мустагаллот) в качестве вознаграждения за попечительство (хакк-ат-тавлият) в размере половины десятины (ушр) (т.е. $1/20$) остатка после расходов на ремонт медресе (строки 85—89);

- заведующему вакфными книгами (мутавалли ва китобдор) — 150 танга в год (строки 96-97).

- имаму мечети при медресе — 150 танга в год (строки 103 — 104);

- 2 уборщикам (фаррош) — по 50 танга деньгами и по 20 маннов по большому бухарскому весу зерна (пшеница и джугара) каждому в год (строки 105-108).

Расходы на нужды медресе:

- на реставрацию (ихйо) книг библиотеки и на покупку новых книг 80 танга ежегодно (строки 97-98);

- на приобретение пиновок (бурйо), кошмы (намад), свечей и т. д. для мечети и помещения для занятий (дарсхона) — (сумма не указана) (строки 108-110);

- наделение зерном учащихся медресе — по усмотрению мударриса (строки 110-112).

Считаем нужным отметить широкие полномочия, предоставленные учредителем вакфа единственному мударрису медресе. Согласно условиям учредителя, ему следовало назначить очень высокое жалование — $1/4$ (руб) с доходов вакфа (строка 102); в его компетенцию входило, кроме указанного выше определения доли каждого учащегося от зерновых поступлений с вакфных земель, решение еще ряда вопросов внутренней жизни медресе. Например, он мог лишить учащихся права пользования худжрой в медресе (строки 112—114), при назначении лиц на должности попечителя (мутавалли) медресе и заведующего вакфными книгами (китобдор) казию следовало свое решение согласовать с мударрисом (строки 93—96).

Условия учредителя относительно назначений на основные должности в вакфном учреждении (т.е. медресе) выражены обычными формулировками, с одной оговоркой в пункте (в):

- а) попечителем медресе и посевных площадей следовало назначить, в соответствии с условием учредителя, Мамай-суфи, сы-

на Исфандияра-суфи, а после его смерти — его потомков мужского пола;

б) хранителем вакфных книг учредитель назначил шейха Тимур-Мухаммеда, после него эту должность следовало передать его потомкам мужского пола;

в) если прервется род упомянутых лиц (по мужской линии), право назначения на их должности предоставлялось казию Бухары, но, как мы указали выше, ему следовало свое решение согласовать с мударрисом.

Заслуживают внимания указания в условиях учредителя относительно хранения вакфных книг и пользования ими:

а) книги из библиотеки медресе следовало выдавать только достойным, понимающим, надежным людям (строки 99—110);

б) если хранитель выдает книгу под залог другой книги, эта залоговая книга должна быть вдвое дороже вакфной (строки 100—101);

в) хранитель библиотеки при медресе обязан был на вновь приобретенных книгах проставить оттиски вакфной печати с именем учредителя (строки 98—99).

В конце основной части документа имеется удостоверительная запись «казия и правителя (хоким) города Бухары и подчиненных ему местностей» Низамиддина Махмуда, датированная месяцем джумади ая-ахир 1002 г.х. (февраль-март 1594 г.) (строки 120—125).

Эта дата повторяется еще дважды: в монограммах казия Ходжи Калана ал-Хусейни ал-Бухари ал-кази Мухаммеда-Ризы ибн Мухаммед-Амин ал-муфти (на правом поле на уровне строки 123 и под текстом). Более точную дату видим в казийском постановлении (сиджилл).

Сиджилл составлен в присутствии верховного казия (акзо ал — кузот) города Бухары и подчиненных ему местностей 18 джумади ал-ахир 1002 г.х. (12 марта 1594 г.) (строка 128). В этом постановлении подтверждается законность пожертвования в вакф земельных участков (махдудот) и книг (строки 129—130); как сказано выше, основная часть документа (садр) с перечнем обращенных в вакф земельных участков и книг не сохранилась.

В сиджилле также подтверждена законность назначения Мамая-суфи, сына Исфандияра-суфи на должность попечителя медресе и вакфных земель, а Тимур Мухаммеда — на должность заведующего и хранителя книг (китобдор) библиотеки медресе (строки 131—133).

В конце сиджилла дан поименный перечень свидетелей (строки 137—139).

Под сиджиллом монограмма казия Мухаммед-Ризы, сына Мухаммед-Амина с датой 1002 (1594 г.) и подписи свидетелей (строка 140 и ниже).

Печать: на местах склейки листов с текстом фрагмента имеются 13 оттисков круглой печати (диаметр 29 мм) с именем: «кази Махмуд ибн кази Нуриддин» с датой 998 г.х, что соответствует 1589—1590 г.

В. Дополнения XVII в.

На полях фрагмента, на уровне строк 4—83 имеются дополнительные записи XVII в.

В условиях учредителя вакфа имеется отдельный пункт, в котором предусмотрено выделение денег на приобретение книг для библиотеки медресе, причем деньги для этой цели должны были выдаваться заведующему (мутавалли) библиотекой (строки 97—98).

Дополнительные записи сделаны в разные годы. Эти четыре дополнения представляют собой документацию о приобретении и включении в фонд библиотеки медресе новых книг. В записях имеются следующие сведения: имя автора, название и тематика книг, внешние признаки (относительный размер, вид переплета и т. д.) и цена. Не для всех книг эти данные указаны.

1. Запись 1066 (1655—1656 гг.) о приобретении распорядителем книг (мутавалли-йи кутуб) муллою Аваз-Мухаммедом на доходы вакфа библиотеки (аз хосилоти вакфи китобхона) новых книг (дан перечень их с различной полнотой описания). Имеется пометка: «На покупку и починку книг к этой дате израсходовано 595 тагга» (строки 6—20). Общая стоимость книг, цена которых указана, составила (по нашим подсчетам) 107 тагга. Общее количество приобретенных к данной дате книг—26 томов 18 названий (подсчет наш).

2. Запись 1070/1659—1660 гг. о приобретении новым попечителем библиотеки муллою Мухаммед-Мумином новых книг в количестве 21 тома 18 названий (подсчет наш) и об израсходовании на покупку и реставрацию книг суммы в 606 тагга (строки 23-34).

3. Запись 1086 (1675—1676 гг.) о приобретении упомянутым «хранителем книг (китобдор)» муллою Мухаммед-Мумином новых книг в количестве 9 томов 4 названий (строки 35-43); стоимость не указана.

4. Запись 1094/1681—1682 гг. о приобретении упомянутым попечителем (мутавалли) библиотеки, муллою Мухаммед-Мумином новых книг в количестве 15 томов 5 названий (строки 44-51); стоимость книг не указана.

Здесь же имеется помета следующего содержания: «Упомянутый (мулла Мухаммед-Мумин) из доходов вакфа в течение 23 лет своего попечительства получил 1840 танга, из них 1500 танга истратил на реставрацию (старых) и покупку новых книг. Остаток 340 танга».

Кроме указанных, имеется еще ряд записей на правом поле, сделанных в те же годы, что и четыре вышеприведенных добавления XVII в. Этими недатированными и неоговоренными записями зафиксированы также покупки книг: 2 книги (на уровне строки 4), 2 названия (строки 35-37), 1 книга (строка 74) и др.

Печати: записи о приобретении книг в XVII в. заверены тремя печатями:

а) овальная, размер— 28×19 мм: «Кози Абул-Бако ибн Ходжа Мухаммад-Ориф ал-Хусайни. 1062 (1651-52 гг.)» — под записью 1066 г.х. (на уровне строк 5-7), под записью 1070 г. х. (на уровне строки 23), под перечнем книг, приобретенных в 1070 г.х., под недатированной записью о приобретении книг упомянутым выше муллой Мухаммед-Мумином (на уровне строки 62);

б) круглая, диаметр-22мм; «Сайид Мухаммад-Ходжа ал-Хусайни» — под записью 1086 г.х. (на уровне строки 43).

в) овальная, размер - 27×22 мм: «Кози Мир-Носир ибн кози Мири-Мирон ибн ал-Насир ал-Хусайни. 1090» (1679—80 гг.) — под пометкой о полученных и израсходованных на нужды библиотеки деньгах (на уровне строк 52-53).

Данное нами краткое описание свидетельствует, что в рассмотренном фрагменте отсутствует большая по объему и важная по значению начальная часть основного документа 1002/1594 г., а именно:

1. Протокол, в котором содержались:

а) инвокация (или богословие, т.е. религиозное посвящение);

б) интитуляция, т.е. адресат — имя и титулатура учредителя вакфа, от имени которого был составлен настоящий документ;

в) инскрипция, т.е. адресат—учреждение, в пользу которого был учрежден вакф; в этом разделе протокола были, несомненно, указаны название, местонахождение (город, квартал и т.д.) и границы вакфного учреждения, т.е. медресе;

2. Начало основного текста документа, в котором содержались:

а) преамбула с религиозно-этическим обоснованием учреждения вакфа;

б) формула публичного объявления, в котором обычно декларируется учреждение вакфа; наконец, отсутствует перечень приобретенных и обращенных в вакф земельных участков (махду-

дот) и зерновых полей (мустагаллот), о которых неоднократно упоминается в сохранившемся фрагменте документа (строки 85, 107-108, 129-130).

Таким образом, ввиду дефектности документа для нас остаются неизвестными существенные данные: имя и общественное положение учредителя вакфа; название и местонахождение медресе, в пользу которого был учрежден вакф; виды, площадь и местонахождение обращенных в вакф земельных участков.

В сохранившемся фрагменте документа нет указания относительно канцелярии. Но ее легко установить по трем косвенным данным: в условиях учредителя сказано, что право назначения попечителя медресе и хранителя книг предоставляется казию Бухары (строки 93-96); документ заверил «казий и правитель славного города Благородной Бухары и подчиненных ему местностей» (строки 120-125); нотариальное постановление было составлено в присутствии верховного казия (акзо ал-кузот) города Бухары и подчиненных ему местностей. Следовательно, документ был составлен в городе Бухаре.

3. Вакфный документ 1105/1693-94 г.

БМ: инв. № 10976/11 (старый номер 1297)

Подлинник. Печати: 1—круглая 31 мм. «Ал-Абд... Исмоил ибн кози мир Иброхим ал-Хусайни. 110...»—последняя цифра даты не читается, но она меньше «5» (дата составления документа — 1105 г.х.)—два оттиска под текстом, посреди листа; 2 — круглая, 24 мм. оттиск не читается, — под текстом, ниже оттисков первой печати.

В нижнем правом углу имеется поименный перечень 29 свидетелей.

Дата указана в тексте (строка 11) — месяц двумади ал-аввал 1105 г.х. (29 декабря 1693 г. — 27 января 1694 г.)

Бумага наклеена на двойной слой пожелтевшей ткани; размер—66×24 см, 39 строк.

Учредитель вакфа - эмир Асадаллах ходжа (строка 11).

В вакф обращены обеленные частнособственнические земли (милки холис), расположенные в местности Пулкани (?-Пулкан) бухарского тумена Харкан-руд (современный Гиждуванский район). Объект вакфа — ханеках эмира сейида Али-Акбара хазратишан (имя на правом поле), находящийся вне старой крепости (хисор) города Бухары, в квартале (куй) Масджиди Мухаммед Косим (строки 12—14).

Условия учредителя вакфа (строки 18—39):

а) десятую часть (ушр) доходов вакфа выдавать попечителю (мутавалли) вакфа (строки 27—28));

б) десятую часть (ушр) остатка выдавать имаму-хатибу (строка 30);

в) десятую часть остатка расходовать на приобретение подстилок и свечей для ханекаха (строка 31);

г) половину десятой части остатка выдавать муэzzину, в обязанности которого входило, кроме пятикратного призыва к намазу, также и расстилание подстилок и разжигание светильников в ханекахе (строки 31-33);

д) одну треть остатка выдавать мударрису ханекаха (строки 33-34);

е) еще одну треть расходовать на людей, которые изучают религиозные науки в данном ханекахе (строки 34-36);

ж) упомянутым пяти лицам (пункты а-д) запрещается брать что-либо из доходов вакфа, кроме своей доли, определенной в условиях учредителя (строки 36-38);

з) запрещается попечителю (мутавалли) и другим лицам обменивать имущество данного вакфа (строки 38-39).

4. Ханский указ об обелении земли 1106/1695 г.

БМ: инв. № 10988/11 (старый № 1303).

Подлинник. Печати: 1 — на правом поле, на уровне строк 3-4 имеется оттиск миндалевидной печати (25×20 мм) с именем бухарского хана Субханкули Аштархани (1680-1702 гг.); 2—имеется еще 45 оттисков печатей различных форм и размеров: под текстом—26 оттисков: на местах склейки листов на полях — 18 и на обороте — 1 оттиск.

Дата указана в тексте (строка 19) — 21 раджаба 1106 г.х., что соответствует 7 марта 1695 г.

Бумажная полоса, свернутая в свиток, склеена из трех листов различной «длины»; на склейках имеются оттиски печати. Размер бумаги 200×29,5 см; размер текста — 179×23 см, 48 строк. Язык-таджикский, но с большим количеством арабизмов.

Почерк — насталык, крупный, четкий и красивый.

Чернила черные; имена собственные (пророка, хана, его отца), ряд слов и целые выражения, а также цитаты из корана написаны золотом.

У верхней кромки бумаги, по центру золотом выписана иш-вокация — арабская формула славославия Аллаху: «Он, Владелец царства» (хува, молик ал-мулки).

Слева, почти на одной линии с предыдущей формулой, поздняя запись черными чернилами, другим, более мелким почерком — «заглавие» документа: «Документ (васика) на землю Субханкулихана, — да светится могила его».

Сирава от славославия, несколько ниже, золотом выписаны имя пророка Мухаммеда и соответствующая формула поминовения.

На правом поле, ниже уровня строки 1 текста документа написано золотом имя отца хана: «Абулфатх сайид Надир-Мухаммад Баходур-хан» (имя бухарского хана, Аштарханида, правил в 1642-1645 гг.).

Настоящим документом удостоверяются нижеследующие юридические действия:

1. Продажа от имени и по поручению Субханкули, бухарского хана, его доверенными и уполномоченными — Хаджамберди бием дадхак и Йахой миррахуром — трех участков государственной земли (арозийи мамлака), расположенных в Самаркандском тумене Шавдар, за 20 тыс. танга. Аллахберди бие; в результате этой сделки указанные 3 участка государственной земли были изъяты из земельного фонда государства и превратились в мельковую (частную) хераджную собственность покупателя (строки 29—42).

2. Вышеназванные уполномоченные хана взамен налогов с I участка (проданного покупателю от имени хана) изъяли из частной (хераджной мельковой) собственности покупателя и включили в фонд государственных земель проданные ему участки II и III, которые, взятые вместе, вдвое больше участка I (строки 42—44).

3. Уполномоченные хана объявили один участок земли, оставшийся в частной (мельковой) собственности покупателя, Алахберди бие обеленным, освобожденным (хурри холис) от диванских (казенных, государственных) податей (налогов) ихроджот (основной поземельный налог), аворизот (чрезвычайные налоги) му'анот (кормленные повинности).

Подобные документы исследователи среднеазиатской дипломатики классифицируют как «акт обеления имения»⁴ или «акт купли и обеления»⁵.

5. Указы Абулфайз-хана об увеличении суммы подношения потомку бухарского шейха Мир-Куляла. XVIII в.

В коллекции рукописных документов в музее сохранилось два указа бухарского хана Абулфайза Аштархани об увеличении суммы благочестивого подношения (наэр) потомку бухарского шейха Сейид Мир (эмир)-Кулола, состоявшегося при могиле шейха в качестве хранителя. Мир-Кулол считается одним из духовных руководителей (муршид или пир) известного бухарского шейха, Ходжи Мухаммеда Бахоуддина Накшбанд (1318—

1389 гг.), признанного основателем и эпонимом суфийского братства (тарийкат) Накшбанди (или Накшбандия).

5а — БМ: инв. № 12439/11 (старый № 616).

Подлинник. Печати: 1 — Миндалевидная, размер — 25×22 мм.

«Абулфайз Мухаммад ибн Субхонкули Мухаммад-Таки баходур-хон, (дата)» (год печати на оттиске не читается) — на правом поле ниже имени Мир-Кулола; 2 — миндалевидная, размер 28×22 мм: «Сайид Абулфайз Мухаммад баходур-хон. 1124»; год, датирующий печать, соответствует 1711—1712 г. По бордюру печати также имеется текст, который не читается; вырезка бумаги с оттиском данной печати наклеена в верхней части, посреди листка. Документ составлен не ранее указанного в печати (№ 2) 1124/1711—1712 г.

Бумага местная, грубая, размер — $19,5 \times 13$ см. Язык — таджикский, просторечный. Почерк — насталык. Чернила черные.

В правом верхнем углу надпись: «Хазрати сайид Амир-Кулол, алайху ар-рахма, хазрати фирдавс-макони, нур маркадху». Ниже надписи приложена печать хана (№ 1).

Указ издан от имени бухарского хана Абулфайза (1711—1747 гг.).

Дефекты: бумага на сгибе и по углам порвана, конец оторван и не сохранился.

Хан настоящим указом обязывает городскую общину мастеров по изготовлению сит (джамоайи элакбофон) увеличить размер (сумма) благочестивого подношения (назр) мазару (могиле) Мир-Кулола на полтанга и выплачивать потомку шейха, Алим-Ходже, состоящему при могиле (мазар), по 2 танга ежедневно, вместо прежних 1,5 танга начиная с месяца сафар года зайца.

5б — БМ: инв. № 12438/11 (старый № 619).

Подлинник. Печать: миндалевидная, размер — 33×23 мм, «Абулфайз Мухаммад ибн Субхонкули Мухаммад-Таки баходур-хон» — на правом поле, ниже имени Мир-Кулола.

В верхней части листа, посредине, выписана илвокация (богословие) — «Он (хува)».

В правом верхнем углу надпись: «Хазрати Сайид Амир-Кулол, нур маркадху». Бумага местная, сероватая, наклеена на более плотную бумагу.

Размер — $18,5 \times 12$ см, 10 строк. Язык — таджикский. Почерк — насталык. Чернила черные.

Дефекты: бумага в углах и по вертикальному сгибу порвана, конец оторван и не сохранился.

В сохранившейся части документа дата не указана; датируется временем правления Абулфайз-хана, 1711—47 гг.

Хая настоящим указом обязывает общину мастеров по изготовлению сит (джамоайи элакбофон) выплачивать в качестве благочестивого подношения (пожертвования — назр) могиле (мазар) Мир-Кулола, его потомку, Алим-Ходже, состоявшему при могиле шейха, ежедневно по 2,5 танга, на полтанга больше прежней суммы в 2 танга.

Судя по суммам назра, настоящий документ составлен позже предыдущего (5 а).

Как явствует из содержания описанных двух указов Абул-файз-хана, назр — обетованное пожертвование — уже к началу XVIII в. превратился в обязательный и систематический сбор, своеобразный дополнительный налог.

6. Решение законоведов. XVIII в.

БМ: инв. №12440/11 (старый № 709). Подлинник. Печати: под текстом, почти на одной линии оттиски 7 печатей, круглые, диаметр 30—33 мм; одна печать у левого поля, чуть выше других, круглая, диаметр 48 мм; «Мир Садр ад-дин».

Самая поздняя из указанных на печатях дат—1131 г.х., что соответствует 1718—1719 г. Следовательно, документ составлен после указанного года.

Бумага местная, желтоватого цвета, размер 49×37 см.

Текст заключен в рамку из красных линий, размер рамки—39×20 см. Чернила черные. Почерк — насталык.

Дефекты: бумага на сгибах и по краям порвана, имеются большие разводы от сырости.

Настоящее решение законоведов устанавливает степени телесного наказания (количество ударов дуррой) за различные провинности.

7. Вакфный документ

от месяца шабан 1216 г.х. (декабрь 1801—январь 1802 г.)

БМ: инв. № 10984/11 (старый № 1310).

Подлинник. Печати: 1—«Кузи Ибодиллох ходже судур бин Иноятиллох ходже», круглая, диаметр—38 мм; 2—не читается; имеются подписи свидетелей.

Бумага местная, наклеена на кустарную ткань серого цвета; размер — 60×26 см.

Дефекты: бумага сильно сморщена в «гармошку»; сверху посреди листа на бумаге имеется разрыв длиной 12 см; на уровне строк 2—5 имеется большое темное пятно; местами текст

пострадал от мелких разрывов бумаги: оттиски печатей размазаны, в частности, не разборчивы две последние цифры даты (года) на обеих печатях.

Учредители вакфа: мулла Абдупуккур, сын муллы Барат-бая и Надыре-ай, дочь Мухаммеда Раджаб-бая.

В вакф обращены расположенные в заповедной местности (маузи-и курук) Мир-Пари⁶, к югу от городского канала (Руд-и шахр) Бухары — со стороны первого учредителя:

а) мильковая хераджная земля, площадью 3,5 танба (около 1 га) и

б) собственный частный (хакк ва милк) жилой двор (хавили) с многочисленными помещениями (буйут);

со стороны второго учредителя (учредительницы):

— мильковая хераджная земля площадью половины танаба (1/8 га);

в пользу наследственных попечителей (мутавалли) данного вакфа; условие учредителей:

попечители обязаны после смерти учредителей ежедневно поминать их душу чтением Корана.

8. Фетва—решение законоведов

от 1294/1877 БМ: инв. № 12567.

Подлинник: документ заверен печатями двух муфтиев.

Датируется документ годом, который значится на оттиске печати.

Законоведы постановили:

сиротку Алохида-ой передать на попечение ее тетки по отцу (аммэ), ввиду вступления ее матери во второй брак.

9. Указ о назначении на должность

от 1305 1888 г. БМ: инв. № 12435/11.

Подлинник. Печать: «Сайид амир Абдуллахад бин амир Музаффар», круглая, диаметр 30 мм.

Бумага местная, размер—43×32 см.

Текст написан только на одной, левой половине листа, размер текста—40×17 см. Почерк—изящный насталык с отдельными элементами шикасте. На оборотной стороне листа, в правом нижнем углу оттиск печати эмира Абдулахада.

Дата (год) указана в тексте.

Дефекты: бумага на сгибе и по краям листа местами порвана.

Настоящим указом мулла Имамиддин назначен на долж-

ность казия тумена Кам-и Абу Муслим (приблизительно современный Вабкентский район Бухарской области).

Особый интерес представляют установленные в документе размеры гонорара за различные судебнo-нотариальные действия, к примеру, за распределение имущества усопшего между наследниками и составление соответствующих документов—5/1000 (пять тысячных) стоимости наследства; за заключение брака—1/10 (одна десятая) танга и т.д.

10. Долговое обязательство (расписка)

от 16 раби ал-аввал 1331 г.х. (23 февраля 1913 г.)

БМ: инв. № 9737/12

Подлинник. Печать: верховный казий Мухаммед-Бако.

21×16 см. 5 строк.

Документ составлен в ведомстве верховного казия г. Бухары.

Настоящий документ зафиксировал:

а) признание должника-уроженца Несефа (Карши) о получении им в долг у сиротки (ятим) Муаззам-ой наличных денег на сумму 1000 (тысяча) танга;

б) обязательство должника — уплатить долг в течение 10 дней.

11. Долговая расписка (обязательство)

от 12 шабана 1335 г.х. (3 июня 1917 г.) БМ: инв. № 9805/12.

Подлинник. Печать: «Қози мир Латиф судур» круглая, 45 мм.

Документ составлен в ведомстве казия Шахрисабзского вилайета.

Дата указана в тексте. 26×16 см.

В документе зафиксированы признания Таш-Фулат-бая о получении им в долг у жителя Бухары Ходжи Кадыр-бая денег на сумму 620 танга и обязательство должника уплатить долг в течение 4 месяцев.

Выше мы указывали, что коллекция документов музея до сих пор еще в полном объеме не описана. Поэтому мы не имеем полного представления о ее составе. Этим объясняется определенная произвольность выбора документов для описания⁷. Но и представленные нами описания памятников из данной коллекции свидетельствуют, что хранящиеся в фондах музея акты представляют собой ценные памятники истории и культуры обширной территории, часть которой в настоящее время входит, помимо Узбекистана, в состав братских республик Средней Азии — Таджикистана и Туркмении. В хронологическом отношении

охват документов коллекции музея также весьма большой. Он равен почти четырем столетиям.

Ценность коллекции делает неотложной задачей публикацию ее полного каталога, а также хотя бы сокращенного издания наиболее интересных памятников.

Примечания

- ¹ Очень краткий обзор этой коллекции см.: О. Д. Чехович. Собрания восточных актов в Узбекистане. Бюллетень АП УзССР, 1947 г., № 4.
- ² Строки 99, 120, 176 и др.
- ³ Строки 274.
- ⁴ О. Д. Чехович. Документы к истории аграрных отношений. Ташкент, 1954, с. 14. (Аннотация к публикации документа).
- ⁵ Там же, с. 41, 47, 56, 90, 100, 116, 184 (аннотации к публикации документов).
- ⁶ Возможны и другие чтения второй части данного топонима (географического названия), так как первый буквенный знак (зубец) не имеет точек.
- ⁷ Сведения об опубликованных документах XVIII — второй половины XIX в. из коллекции БМ см.: О. Д. Чехович. Документы аграрных отношений, № 4, 20 и 42—51 (аннотация, текст оригинала, перевод).

**СВИТОК ДОКУМЕНТОВ ДАНИЙАЛ БИЙ АТАЛЫКА
(XVII в.)**

В фондах Бухарского государственного архитектурно-художественного музея-заповедника хранится свод документов, составленный в Бухаре в 70-е годы XVIII в. Свод состоит из семи купчих и вакфного документа (вакфийе). Язык — таджикский, графика арабская. Почерк крупный, четкий насталик. Бумага восточная, лошенная, кремового цвета, свиток склеен из отдельных листов. Основной текст написан черными чернилами, коранические тексты и отдельные арабские фразы — золотом, стихотворные вставки — киноварью. Текст документов заключен в единую рамку, которую венчают два унвана треугольной формы (перед купчими и вакфным документом). Свиток имеет темно-желтый кожаный переплет с разнообразными по форме тисненными картушами. Внутри некоторых из них стилизованный растительный орнамент, в большинстве — стихотворный текст. В двух ромбовидных картушах указано имя переплетчика: Мухаммад Алим бин мулла Таки и дата 1171/1757—1758 г., в двух других имя второго переписчика: мулла Абд ал-Гани и дата 1189/1775—1776 г., в десяти овальных картушах имеется дата 1171/1757—1758 г. На лицевой стороне переплета крупным почерком сульс сделана надпись:

وقفیه مدرسه مرحوم محمد دانیال اتالیق در شریف نقشبند

На полях документов и оборотной стороне свода имеются приписки. Под текстами купчих, вакфного документа и приписок имеется 184 оттиска 88 печатей¹. Свиток состоит из двух основных разделов: первый раздел состоит из семи купчих, по которым Мухаммад Данийал бий аталык приобрел 1292 танаба земельных участков (15 отдельных участков) с различными недвижимостями (сады, рабады и пр.), стоимостью 3093 золотых ашрафи, расположенных в основном в туманах Камат Султан-абад и Па-и Руд. Второй раздел свода состоит из вакфного документа о пожертвовании вышеназванных приобретенных недвижимостей в пользу мавзолея Мухаммада Данийала бия аталы-

ка. На своде в местах склейки листов приложены печати Мухаммад Данийал аталык бия. В расположении печатей, заверяющих купчих и вакфию, наблюдаются определенные закономерности: первыми приложены печать кази ал-куззата кази Мир Абу-л-Хасана 1190 и кази Мир Низам ад-Дина ал-хусайни. При оформлении купчих под печатью кази ал-куззата приложены три различных печати Каландара ал-хусайни (одна соответствует чину казия, две частные). Отдельной группой правее расположены оттиски печатей частных лиц; большинство из них едины для всех купчих. В конце вакфии в первом ряду с печатями кази ал-куззата и казия расположены печати мушши, диван-беги, сыновей Данийал аталык бия. Ниже приложены в основном печати частных лиц, среди них имеются печати диванбеги, накиба, мирахура. На полях свода документов справа имеются приписки. Первая на полях купчей 1 заверена 10 печатями частных лиц, земли которых граничат с покушаемыми землями. Перед припиской на полях вакфии приложены печати тех же частных лиц, что и в первом случае. В конце приписки заверена двумя печатями Низам ад-Дина ал-хусайни: в чине казия и кази ал-куззата. Третья приписка расположена на полях вакфа, в конце заверена печатями частных лиц, муфтия и казия. В конце свода на оборотной стороне справа и слева приложены печати Данийал аталык бия, ниже в ряд: слева направо приложены печати кази ал-куззата Кази ходжи Азиза (два раза), Алам Ата-Аллаха, Мир Абу Насра, заверяющие приписку.

Данные оттисков печатей дают возможность проследить движение отдельных лиц по иерархической лестнице Бухарского ханства: Мир Низам ад-Дин был казием (дата неизвестна), в 1191/1777—1778—он кази ал-куззат; Мухаммад Каландар в 1188/1774—1775 частное лицо, в 1190/1776—1777 казий². Наблюдения над оттисками дали данные по генеалогии: в своде имеется девять оттисков печатей сыновей Данийал аталык бия: Мухаммад Шах — Мурада, Мухаммад Султан-Мурада, Мухаммад Тукмиша, Махмуд бека, Султан Фазила, Рустам бека, Раджаб Али бека, Мухаммад Йусуф бека и Абд-Расула³. Надпись на одной из печатей указывает, что владелец ее является единственным достоверным потомком Накшбанда⁴.

Хронологически оттиски печатей на лицевой стороне документа охватывают период с 1156/1743—44 по 1190/1776—77, т.е. они подтверждают даты составления документов. Даты составления приписки на оборотной стороне свода не имеется, по имеющимся оттискам печатей можно сказать, что она составлена не ранее 1198/1783—84, т.е. в более позднее время, чем свод документов на лицевой стороне. Свод документов Данийал бий ата-

леса XVIII в. являлся предметом исторического исследования⁵. В данной статье автор ставил целью выявление особенностей свода в рамках дипломатики, введения в научный оборот оттисков печатей, имеющихсся в своде.

В статье имеются два каталога, каталог оттисков печатей (1) и каталог (2) описи документов. Каталог 1 построен согласно расположению оттисков печатей на документах, порядок чтения надписей — снизу вверх. Ссылки перекрестные на два каталога, сохраняют нумерацию каталогов. Нумерация рисунков сохраняется в нумерции каталога 1. Эпитеты Аллаха, септенции, стихи на русский язык не переведены.

Каталог 1

Оттиски печатей (в миллиметрах)

№ 1. Фототаблица 1/1 (рис.1/1). Оттиск листовидный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис.1/е), в поле тонкий растительный узор и надпись:

ابوالغازى محمد بهادر خان سيد 1173

Абу-л-Гази Мухаммад бахадур хан саййид 1173. Размеры: 30×20.

№ 2. Фототаблица 1/2 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок со стебельками и листьями между линиями (рис. 1/а), в поле тонкий растительный узор и надпись:

محمد دانيال اتاليق بن محمد خاں اتاليق

Мухаммад Данийал аталык бий бин Мухаммад Худайар аталык 1176. Размеры: 35×27.

№ 3. Фототаблица 1/3 (рис. 1/5). Оттиск прямоугольный, по краю двухлинейный ободок со стебельками и цветочками между линиями, в поле тонкий растительный узор и надпись:

نصر الدين ابن الحسين محمد عطا الله خواجه

Наср ад-дин бин ал-Хусайни Мухаммад Ата-Аллах ходжа 1181. Размеры: 19×18.

№ 4. Фототаблица 1/4 (рис. 1/5). Оттиск прямоугольный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле тонкий растительный узор и надпись:

محمد طاهر بن الحسين محمد ايوب خواجه بوياري ١١٩٠

Мухаммад Тахир бин ал-Хусайни Мухаммад Айюб ходжа Джуйбари 1190.

Размеры: 21×22.

№ 5. Фототаблица 1/5 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле тонкий растительный узор и надпись:

ثو د بن سيد مطلب عمر نقيب شد و نسل خير المشر ١١٨٣

Савад ибн Саййид Матлаб Умар накиб 1183.

Размеры: 28×20.

№ 6. Фототаблица 1/6 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле тонкий растительный узор и надпись:

عبد الرحمن خواجه بن نقيب محمد هاشم خواجه

Абд ар-Рахман ходжа бин накиб Мухаммад Хашим ходжа. Размеры: 27×18.

№ 7. Фототаблица 1/7 (рис. 1/5). Оттиск прямоугольный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле тонкий растительный узор и надпись:

رحمت الله بن محمد عطا الله خواجه

Рахмат-аллах бин Мухаммад Ата-аллах ходжа. Размеры: 20×18.

№ 8. Фототаблица 1/8 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок, в поле тонкий растительный узор и надпись:

محمد صالح بن خواجه اسحاق افضل بن محمد رسول خدا يق

Мухаммад Салих бин ходжа-Исхак Афзал.
Размеры: 22×18.

№ 9. Фототаблица 1/9 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю од-
нолинейный ободок, в поле надпись:

بنده خان خواجه بن خواجه صديق نقشبنده نسل احد الحقيق

Хан ходжа бин ходжа Сиддик накшбанд.
Размеры: 25×17.

№ 10. Фототаблица 1/10 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю
двухлинейный ободок с крестиками и точками между линиями,
в поле тонкий растительный узор и надпись:

سلطان محمود بن محمد شاه خواجه نقشبنده

Султан Махмуд бин бий Мухаммад Шах-ходжа накшбанди.
Размеры: 30×23.

№ 11. Фототаблица 1/11 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю
двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е),
в поле тонкий растительный узор и надпись:

سيد كمال سودر بن تيسون خواجه

Саййид Камал Савдар (?) бин Турсун ходжа.
Размеры 24×18.

№ 12. Фототаблица 1/12 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с точками между линиями (рис. 1/д), в поле надпись:

محمد سعيد بن محمد امين خواجه بي نقشبند ۱۱۸۷

Мухаммад Саид бин Мухаммад Амин ходжа нақшбанди 1187. Размеры: 20×16.

№ 13. Фототаблица 1/13 (рис. 1/2). Оттиск круглый, по краю двухлинейный ободок со стебельками и листьями между линиями (рис. 1/б), в поле тонкий растительный узор и надпись:

اقضى القضاة قاض مير ابو الحسن بن قاض مير
عبد المحموسى الحسينى المتوكل على الله الغنى يا قويم اصد

Акзи ал-куззат кази Мир Абу-л-Хасан бин кази Мир Абд ал-Хайй ал-мусави ал-хусайни 1190. Диаметр-40.

№ 14. Фототаблица 1/14 (рис. 1/2). Оттиск круглый, в центре прямоугольный картуш (рис. 1/12). В картуше надпись:

قاض مير نظام الدين الحسينى بن مولانا امير
نور الدين عبد الله المتوكل على الله الغنى

Кази Мир Низам ад-Дин ал-хусайни бин мавлана Амир Нур ад-Дин-Абдаллах.

По сторонам картуша надписи:

верх:

در گذرای کریم از کرده ما

низ:

صدران روز حشر پیرده ما

справа:

رَبَّنَا لَا تُؤَاخِذْنَا

слева:

ان نسينا او اخطانا ⁷

По краю двухлинейный ободок с насечками между линиями (рис. 1/и).

Диаметр—42.

№ 15. Фототаблица 1/15 (рис. 1/3). Оттиск фигурный, по краю двухлинейный ободок с цветками на стебельках между линиями, в поле тонкий растительный узор и надпись:

۱۱۹۰ قاضی قلندر بن محمد طالب خواجه
الحسينی یا قاضی الحاجات

Кази Каландар бин Мухаммад Талиб ходжа 1190 ал-хусайни.

Диаметр—32.

№ 16. Фототаблица 1/16 (рис. 1/2). Оттиск круглый, в центре—прямоугольный картуш (рис. 1/12).

В картуше надпись:

عطاء الله بن محمد هادي والله تعالى اعلم ۱۱۸۶

Ата-Аллах бин Мухаммад Хади'алам 1186.

По сторонам картуша надписи:

верх:

مِنْ عَطَاءِ رَبِّكَ ⁸

низ:

عَطَاءِ غَيْرِ مُجْذَوْمٍ ⁹

справа:

10

وَمَا كَانَ عَطَاءُ رَبِّكَ مَحْظُورًا

слева:

11

حِزَاءٌ مِنْ رَبِّكَ عَطَاءٌ

По краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/ж).

Диаметр — 34.

№ 17. Фототаблица 1/17 (рис. 1/2). Оттиск круглый, в центре — двухлинейный квадратный картуш (рис. 1/13).

В картуше надпись:

محمد اميد بن ميرزا عبد الباقي البخاري
المتوكل على الله الملك الباري هو الله تعالى اعلم

Мухаммад Умид бин Мирза Абд ал-Баки ал-Бухари алам 1183. Надписи по сторонам картуша:

верх:

يا احد

низ:

يا صمد 1183

справа:

يا شكور

слева:

يا غفور

По краю двухлинейный ободок с насечками между линиями (рис. 1/и).

Диаметр—38.

№ 18. Фототаблица 1/18 (рис. 1/2). Оттиск круглый, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями, (рис. 1/е) в поле тонкий растительный узор и надпись:

میر محمد شریف بن میر محمد هاشم
الحسینی ۱۱۷۶ یا عزیز المعتقد بمجبل
مذهب الحنفی اعلم الله تعالى

Мир Мухаммад Шариф бин Мир Мухаммад Хашим ал-хусайни
ал-ханифи 1176.

Диаметр—38.

№ 19. Фототаблица 1/19 (рис. 1/2). Оттиск круглый, в центре квадратный картуш (рис. 1/13). В картуше надпись:

میرزا محمد قلندر المفتی بن آخوند ملا
دوست محمد ۱۱۸۳ المتوکل علی الله الصمد
والله تعالى اعلم

Мирза Мухаммад Каландар ал-муфти бин Ахунд мулла Дуст
Мухаммад 1183.

По сторонам картуша надписи:

верх:

ادرکنی

низ:

الحنفی

справа:

ياخفى اللطف

слева:

بلطفك

По краю двухлинейный ободок с ломаной линией и точками между линиями (рис.1/к).

Диаметр—35.

№ 20. Фототаблица 1/20 (рис.1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с листьями на стебельках между линиями (рис.1/б), в поле тонкий растительный узор и надпись:

محمد قلندر بن محمد طالب خواجه الحسيني
۱۱۸۸

Мухаммад Каландар бин Мухаммад Талиб ходжа ал-хусайни 1188.

Размеры: 28×18.

№ 21. Фототаблица 2/21 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле тонкий растительный узор и надпись:

رحمت حق را قلندر طالب است

Каландар Талиб аст.

Размер: 22×18.

№ 22. Фототаблица 2/22 (рис. 1/2). Оттиск круглый, в центре — квадратный картуш (рис.1/12). В картуше надпись:

قاضي مير ابو نصر بن مير رحمت الله خواجه
الحسيني ۱۱۸۰ المتوكل على الله الملك الغني

Кази Мир Абу Наср бин Мир Рахмат-Аллах ходжа ал-хусайни 1180.

По сторонам картуша надписи:

верх:

هو الله تعالى اعلم

ниж:

نصر من الله

12

справа:

وينصرى الله

13

слева:

نصر اعزى

14

По краю двухлинейный ободок с цветами и листьями на стебельках между линиями (рис.1/6).

Диаметр — 38.

№ 23. Фототаблица 2/23 (рис. 1/2). Оттиск круглый, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле надпись:

قاض مير طاهري بن محمد امين خواجه
المتوكل على الله الغنى

Кази Мир Тахир бий бин Мухаммад Амин ходжа.

Диаметр—35.

№ 24. Фототаблица 2/24 (рис. 1/2). Оттиск круглый, по краю двухлинейный ободок с цветочками на стебельках между линиями (рис. 1/6), в поле тонкий растительный узор и надпись:

يا احد اقضى القضاة قاضى امير نظام الدين
خواجه بن مولانا امير نور الدين عبد الله خواجه
الحسينى الصديق المتوكل على الله الملك الغنى ١١٩١

Акзи ал-куззат Амир Низам ад-Дин ходжа бин мавлана Амир Нур ад-Дин. Абдаллах ходжа ал-хусайни ас-сиддики 1191. Диаметр — 40.

№ 25. Фототаблица 2/25 (рис. 1/2). Оттиск круглый, по краю двухлинейный ободок с штрихами между линиями (рич. 1/и), в центре круглый картуш (рис. 1/8). В картуше надпись:

محمد شاه مراد بن محمد دانيال اتاليق بي ١١٨٨

Мухаммад Шах-Мурад бин Мухаммад Данийал аталык бий 1188.

По сторонам картуша надписи:

امارت خلافت خدا تعالی است بر سبیل
عدل بود و اگر از عدل خالی بود خلافت
ابلیس علیه العنة است

Диаметр—38.

№ 26. Фототаблица 2/26 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с цветами и листьями на стебельках (рис. 1/б), в поле тонкий растительный узор и надпись:

محمد سلطان مراد بن محمد دانيال اتاليق
بي ١١٨٣

Мухаммад Султан-Мурад бин Данийал аталык бий 1183
Размеры: 25×20.

№ 27. Фототаблица 2/27 (рис. 1/4). Оттиск овальный, в центре — овальный картуш (рис. 1/10).

В картуше надпись:

محمد توقمش بن محمد دانيال اتاليق بي

Мухаммад Тукмиш бин Мухаммад Данийал аталык бий 1190.
Надпись вокруг картуша:

نصر من الله وفتح قريب ¹⁵ توكل على الله و
بشر المؤمنين فيضى الى الله ١١٩٠

Размеры: 31×23.

№ 28. Фототаблица 2/28 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле тонкий растительный узор и надпись:

که سلطان فاضل بن دانيال است که
لطف و رحمت حق بر تو یاد است

Султан Фазил бин Данийал.

Размеры: 25×24.

№ 29. Фототаблица 2/29 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле тонкий растительный узор и надпись:

از نام عبد الریس ول امین باخوشحال
است ١١٩٠ باد انیال اتالیق شد نگین اقبال بی

Абд-Расул Амин бин Данийал аталык бий 1190.

Размеры: 30×23.

№ 30. Фототаблица 2/30 (рис.1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис.1/е), в поле надпись:

محمود بيك بن محمود انيال اتاليق

Махмуд бек бин Мухаммад Данийал аталык.

Размеры: 30×23.

№ 31. Фототаблица 2/31 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис.1/е), в поле надпись:

ایش محمد سید است شاه منشی ۱۱۸۷

Иш-Мухаммад Саййид муниши 1187.

Размеры: 27×18.

№ 32. Фототаблица 2/32 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле надпись:

محمد ابراهيم بن محمد امين

Мухаммад Ибрахим бин Мухаммад Амин.

Размеры: 19×14.

№ 33. (рис. 1/4). Сохранность оттиска неудовлетворительная, надпись нечитаема, форма овальная, размеры: 23×15.

№ 34. Фототаблица 2/34 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис.1/е), в поле надпись:

محمد عوض دیوان بیگی بن محمد عرب
دیوان بیگی بی ۱۱۷۸

Мухаммад Аваз диванбеги бин Мухаммад Араб диванбеги бий 1178.

Размеры: 37×24.

№ 35. Фототаблица 2/35 (рис.1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис.1/е), в поле надпись:

رستم بيك بن محمد دانيال اتاليق بي

Рустам бек бин Мухаммад Данийал аталык бий.

Размеры: 28×20.

№ 36. Фототаблица 2/36 (рис. 1/6). Оттиск восьмигранный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле надпись:

رجب على بيك بن محمد دانيال بي

Раджаб Али бек бин Мухаммад Данийал аталык бий.

Размеры: 22×12.

№ 37. Фототаблица 2/37 (рис. 1/4). Оттиск овальный, в поле надпись:

محمد يوسف بيك بن محمد دانيال اتاليق

Мухаммад Йусуф бек бин Мухаммад Данийал аталык.

Размеры: 21×18.

№ 38. Фототаблица 2/38 (рис. 1/4). Оттиск овальный по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис.1/е), в поле надпись:

رحمانقلى بن نعمت الله بي 1171

Рахмап-Кули бин Нимат-аллах бий 1178.

Размеры: 23×15.

№ 39. Фототаблица 2/39 (рис.1/4). Оттиск овальный по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис.1/е), в поле надпись:

محمد امامقلى بن قربانقلى بي

Мухаммад Имам-Кули бин Курбан-Кули бий.

Размеры: 25×16.

№ 40. Фототаблица 2/40 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис.1/e), в поле надпись:

محمد هاشم بی بن آقایی

Мухаммад Хашим бий бин Ака-Кули.

Размеры 24×21.

№ 41. (рис. 1/4). Сохранность оттиска неудовлетворительная, надпись нечитаема, форма овальная. Размеры: 25×16.

№ 42. Фототаблица 3/42 (рис.1/6). Оттиск восьмигранный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/e), в поле надпись:

دوست محمد بيك بن نفس مير آخور

Дуст Мухаммад бек бин Нафас мирахур.

Размеры: 23×19.

№ 43. Фототаблица 3/43 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/e), в поле надпись:

میر خلیل بن قاضی قریمک سلطان الحسینی ۱۱۷۸

Мир Халил бин кази Курмак Султан ал-хусайни 1178.

Размеры: 34×20.

№ 44. Фототаблица 3/44 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис.1/e), в поле надпись:

محمد حدایار دیوان بیگی بن محمد یار دیوان بیگی

Мухаммад Худайар диванбеги бин Мухаммад Йар диванбеги.
Размеры: 28×23.

№ 45. Фототаблица 3/45 (рис.1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с точками между линиями (рис. 1/д), в поле надпись:

محمد قوش نقيب بن محمد لطيف خواجه ۱۱۸۶

Мухаммад Кумиш накиб бин Мухаммад Латиф ходжа 1186.
Размеры: 20×14.

№ 46. Фототаблица 3/46 (рис.1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с четырехлепестковыми цветами между линиями (рис.1/а), в поле надпись:

محمد غايب نظر بن محمد شاکر ۱۱۸۸ بی

Мухаммад Гайиб-Назар бин Мухаммад Шакир бий 1178.
Размеры: 23×21.

№ 47. Фототаблица 3/47 (рис.1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис.1/е), в поле надпись:

محمد شریف بن مصطفی

Мухаммад Шариф бин Мустафа.
Размеры: 26×15.

№ 48. Фототаблица 3/48 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис.1/е), в поле надпись:

محمد نظر بن مجید شریف ۱۱۹۰

Мухаммад Назар бин Маджид Шариф 1190.
Размеры: 23×17.

№ 49. Фототаблица 3/49 (рис.1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е) в поле надпись:

خواجه قل بن رحمانقلى بی

Ходжа-Кул бин Рахман-Кули бий.
Размеры: 22×16.

№ 50. Фототаблица 3/50 (рис. 1/6). Картуш восьмигранный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле надпись:

محمد امين بن پادشاه خواجه الحسيني

Мухаммад Амин бин Падшах ходжа ал-хусайни.

Размеры: 25×18.

№ 51. Фототаблица 3/51 (рис. 1/4). Оттиск овальный, в поле надпись:

عوض مير آخور بن خوشحال بي

Аваз мирахур бин Хушхал бий.

Размеры: 23×14.

№ 52. Фототаблица 3/52 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле надпись:

محمد بخاري بن منگلی بی ۱۱۸۰

Мухаммад Бухари бин Манкали бий 1180.

Размеры: 23×20.

№ 53. Фототаблица 3/53 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле надпись:

دوست بيك بن نظری بی الله

Дуст бек бин Назар бий.

Размеры: 27×18.

№ 54. Фототаблица 3/54 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле надпись:

محمد ایر نظری بن سلطان محمد بی ۱۱۹۰

Мухаммад Ир-Назар бин Султани Мухаммад 1190 бий.

Размеры: 26×21.

№ 55. Фототаблица 3/55 (рис. 1/4). Оттиск овальный, в поле надпись:

اسماعيل خواجه بن قربان خواجه

Исмаил ходжа бин Курбан ходжа.

Размеры: 20×15.

№ 56. Фототаблица 3/56 (рис. 1/4). Оттиск овальный, в поле надпись:

غايب بن ايس محمد بيك

Гайиб бин Иш Мухаммад бек.

Размеры: 21×15.

№ 57. Фототаблица 3/57 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями, в поле точечный растительный узор и надпись:

حسن خان بن ميرزا خان

Хасан-хан бин Мирза-хан.

Размеры: 21×16.

№ 58. Фототаблица 3/58 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле надпись:

او تگير محمد بن شاه محمد بی

Уткир Мухаммад бин Шах Мухаммад бий.

Размеры: 21×18.

№ 59. Фототаблица 3/59 (рис. 1/4). Оттиск овальный, в поле надпись:

عبد النظر بن عرب بی

Абд ан-Назар бин Араб бий.

Размеры: 20×17.

№ 60. Фотаблица 3/60 (рис. 1/5). Оттиск квадратный, в поле надпись:

عبدہ محمد ولی توکل علی اللہ

Мухаммад Вали.

Размеры: 17×17.

№ 61. Оттиск плохой сохранности, овальной формы, надпись нечитаема.

Размеры: 20×14.

№ 62. Фототаблица 4/62 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле надпись:

قرہ خواجہ بن نظر بیک ۱۱۷۷

Кара ходжа бин Назар бек 1177.

Размеры: 30×26.

№ 63. Фототаблица 4/63 (рис.1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис.1/е), в поле надпись:

عبد الرزاق بن ملا عزیز

Абд ар-Раззак бин мулла Азиз.

Размеры: 22×17.

№ 64. Фототаблица 4/64 (рис.1/4). Оттиск овальный, в поле надпись:

قرایش نظر بن بیک نظر

Караиш Назар бин Бек-Назар.

Размеры: 22×17.

№ 65. Фототаблица 4/65 (рис.1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле надпись:

عبد الرحيم نور جهان مبین قاسمیت

Абд ар-Рахим.

Размеры: 24×17.

№ 66. Фототаблица 4/66 (рис. 1/4). Оттиск овальный, в поле надпись:

شاد مان بن فیضی بیک

Шадман бин Файзи бек.

Размеры: 20×13.

№ 67. Фототаблица 4/67 (рис. 1/6). Оттиск восьмигранный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/6), в поле надпись:

طرحشادی بن عبد الله بی

Тарх-Шади бин Абдаллах бий.

Размеры: 22×18.

№ 68. Фототаблица 4/68 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/6), в поле надпись:

عسکر بن عبدہ مرسل

Аскар бин Мурсал.

Размеры: 22×16

№ 69. Фототаблица 4/69 (рис. 1/4). Оттиск овальный, в центре овальный, фигурный картуш (рис. 1/11). В центре картуша надпись:

جسم حسن حال محمد لعل بن

Джасам Хасан Мухаммад валади Суфи Анвар бин Мир Ала 1156. Вокруг картуша надпись:

ولد صوفی انار بن میر علا یا الله

По краю однолинейный ободок.

Размеры: 22×17.

№ 70. (рис. 1/4). Оттиск плохой сохранности, овальный, надпись нечитаема. Размеры: 20×15.

№ 71. Фототаблица 4/71 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле надпись:

بای محمد بن ملا الله یار

Бай Мухаммад бин Мулла Аллах-Йар.

Размеры: 25×18.

№ 72. Фототаблица 4/72 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле надпись:

محمد بازار بن محمد بدل

Мухаммад Базар бин Мухаммад Бадал.

Размеры: 20×16.

№ 73. Фототаблица 4/73 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле надпись:

نشان یاقت حاجی ز نور محمد

Нишан Йакат Хожя Мухаммад.

Размеры: 27×18.

№ 74. Фототаблица 4/74 (рис. 1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис. 1/е), в поле надпись:

رحمن قلی بن جه قل بی

Рахман-Кули бин Джума-Кул бий.

Размеры: 22×18.

№ 75. Фототаблица 4/75 (рис.1/4). Оттиск овальный, по краю двухлинейный ободок с крестиками между линиями (рис.1/е), в поле надпись:

اسکندر بیک بن قلندر

Некандар бек бин Каландар.

Размеры: 26×18.

№ 76. Фототаблица 4/76 (рис.1/4). Оттиск овальный, в поле надпись:

تالمس بن عبد الله

Талмас бин Абдаллах.

Размеры: 20×16.

№ 77. (рис.1/4). Оттиск плохой сохранности, овальный, надпись не читается. Размеры: 28×21.

№ 78. Фототаблица 4/78 (рис. 1/4). Оттиск плохой сохранности, овальный, в поле надпись:

سلطان حسن بن قاضی طاهر خواجه

Султан Хасан бин кази Тахир ходжа.

Размеры: 26×18.

№ 79. Фототаблица 4/79 (рис. 1/2). Оттиск круглый, в центре двухлинейный картуш (рис. 1/13). В картуше надпись:

اقتضى القضاة قاضی خواجه عزیز بن حضرت
ایشان خواجه شیخ محمدم اعظم^{۱۱۸۳} المتوکل علی الله القوی

Азизи ал-куззат кази ходжа Азиз бин хазрат-и ишан ходжа шайх Махзум Азами 1183.

Надписи вокруг картуша:

верх:

یا احد

низ:

يا صمد

справа:

يا غفور

слева:

يا شكور

По краю двухлинейный ободок с штрихами между линиями (рис.1/и).

Диаметр—42.

№ 80. Фототаблица 4/80 (рис.1/2). Оттиск круглый, в центре квадратный двухлинейный картуш (рис.1/ж, 1/13). В картуше надпись:

اعلم عجز حود عطاء الله بن استاد هادي علوي

۱۱۹۸

Алам Ата-аллах бин уста Хади 1198.

По сторонам картуша надписи:

верх:

يا حي

низ:

يا رحمن

справа:

يا الله

слева:

يا قيوم

По краю двухлинейный ободок с цветами и завитками между линиями (рис. 1/в).

Диаметр—34.

№ 81. Фототаблица 4/81 (рис. 1/2). Оттиск круглый, в центре квадратный картуш сир. (рис. 12). В картуше надпись:

العبد ميرابونصر بن مير رحمت الله الحسين
خواجه ۱۱۹۵ المتوكل على الله الملك غن عزيز

Мир Абу Наср бин Мир Рахмат-аллах ал-хусайни ходжа 1195.
По сторонам картуша надписи:

верх:

والله تعالى اعلم

низ:

ربنا لا تواخذنا

16

справа:

نصرًا عزيزاً¹⁷

слева:

وينصرك الله

18

По краю двухлинейный ободок с цветами на стебельках между линиями (рис. 1/6).

Диаметр — 38.

Каталог 2.

Документы

№ 1. Запродажная о продаже Саодат бану ханум бинт ишан Мухаммад Талиб ходжи Джуйбари 60 танабов земли в Камарджуне. Оттиски печатей:

в поле справа (каталог 1, № 1)

в поле справа группа печатей (каталог 1, слева направо № 3—12), в конце документа слева направо (каталог 1, № 13, 14; под № 13 располагается № 15), правее в ряд слева направо (каталог 1, № 16—19).

№ 2. Запродажная о продаже Казии беком 400 танабов земли в местности Камот.

Оттиски печатей:

в конце документа слева направо (каталог 1, № 13, 14, под № 13 располагается № 20),

правее в ряд слева направо (каталог 1, № 17—19).

№ 3. Запродажная о продаже Мухаммад Разык ходжой 400 танабов земли с садами в Камарджуне.

Оттиски печатей:

в конце документа слева направо (каталог 1, № 13, 14, под № 13 располагается № 21),

правее в ряд слева направо (каталог 1, № 17—19).

№ 4. Запродажная о продаже Мухаммад Зикрийя ходжой и Мухаммад Сиддик ходжой 26 танабов земли в Камарджуне.

Оттиски печатей:

в конце документа слева направо (каталог 1, № 13—14, 17—19, под № 13 располагается № 21).

№ 5. Запродажная о продаже Мухаммад Салих ходжой 60 танабов в Камарджуне.

Оттиски печатей:

в конце документа слева направо (каталог 1, № 13—14, 17—19, под № 13 располагается № 21).

№ 6. Запродажная о продаже земель Наби Гавхар бану дочь покойного Клич кушбеги и Наби Алийа дочь Сайф-аллах бека.

Оттиски печатей:

в конце документа слева направо (каталог 1, № 13—14, 17—19, под № 14 располагается № 21).

№ 7. Запродажная о продаже Айджап айим бинт Мухаммад Салим бек 66 танабов земли в Пои-Руд.

Оттиски печатей:

в конце документа 1 ряд слева направо (каталог 1, № 13—14, 17—19, под № 13 располагается № 23), 2 ряд слева направо каталог 1 № 21, 41).

№ 8. Вакфийа.

Оттиски печатей:

в конце документа слева направо 1 ряд (каталог 1, № 13—14, 25, 27, 28—30, под № 13 располагается № 31), 2 ряд (каталог 1, № 32—38), 3 ряд (каталог 1, № 32—46), 4 ряд (каталог 1, № 47—51), 5 ряд (каталог 1, № 52—53).

Группа оттисков ниже слева направо:

1 ряд (каталог 1, № 54), 2 ряд (каталог 1, № 55—62), 3 ряд (каталог 1, № 63—70), 4 ряд (каталог 1, № 71—76), 5 ряд (каталог 1, № 77).

Оттиски печатей справа на полях слева направо каталог 1, № 3, 7, 4—6, 8—12, 81).

На полях под припиской слева направо (каталог 1, № 14, 24).

№ 9. Хукм наба кази ал-куззат на вакф от 1191/1777 года. Оттиски печатей:

в конце документа слева направо (каталог 1, № 13—14, под № 13 располагается № 21).

Оттиски печатей справа на полях под припиской (каталог 1, № 17—19, 22, 16).

№ 10. Приписка с указанием наименований книг.

Оттиски печатей:

на оборотной стороне документа в конце свода справа и слева (каталог 1, № 81), ниже слева направо (№ 79—81).

Примечания

¹ 3 печати приложены дважды, один оттиск плохой сохранивости в каталог 1 не введен.

² См. каталог 1, № 14, 24, 20, 15.

³ См. каталог 1, № 25—30, 35—37.

⁴ См. каталог 1, № 9.

⁵ Б. Казаков, Х. Гираев Свод документов Данийал-бий аталыка XVIII в.), Бартольдовские чтения—1981 г., с. 42—43.

⁶ Коран, 2₂₈₆ (Здесь и ниже дается и пер. Н. Ю. Крачковского, М., 1963).

⁷ Коран 2₂₈₆

⁸ Коран 17₂₁ (без слова «мин»)

⁹ Коран 11₁₁₀

¹⁰ Коран 17₂₁

¹¹ Коран 78₃₆

¹² Коран 61₁₃

¹³ Коран 48₃

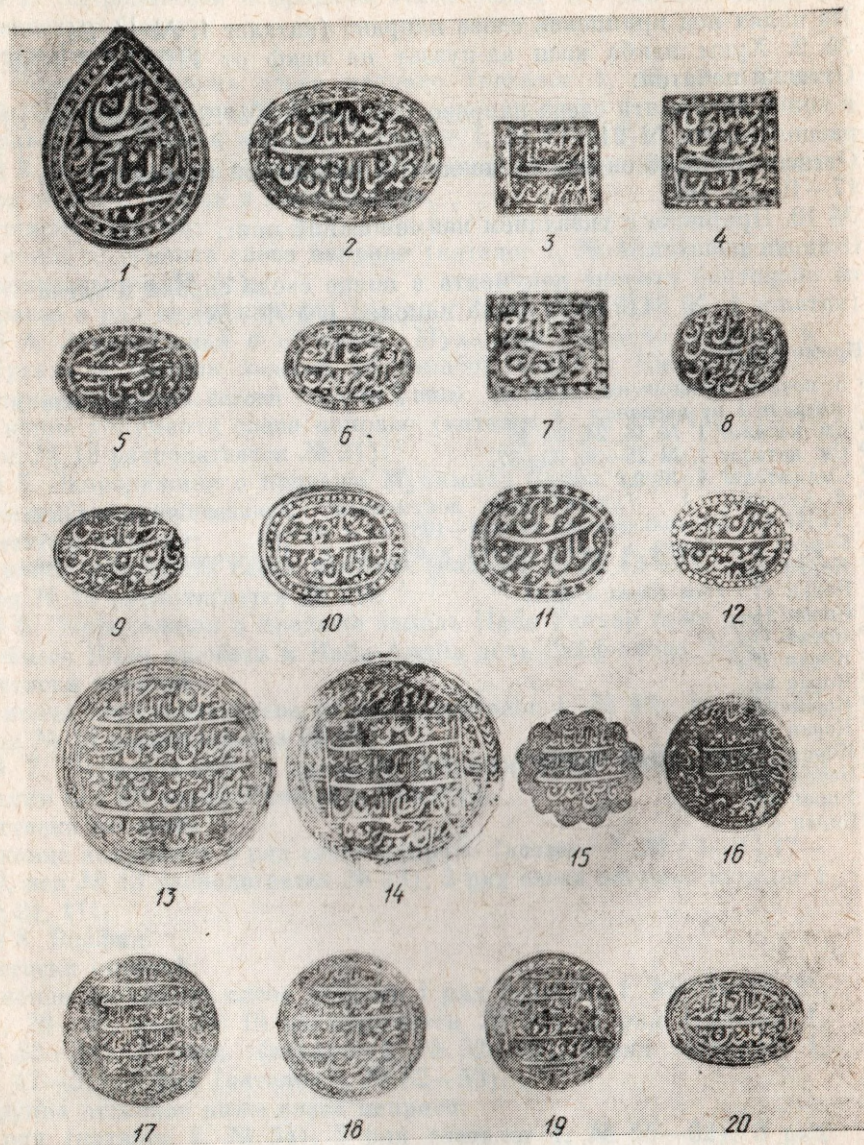
¹⁴ Коран 48₃

¹⁵ Коран 61₁₃ (до слова «кариб»)

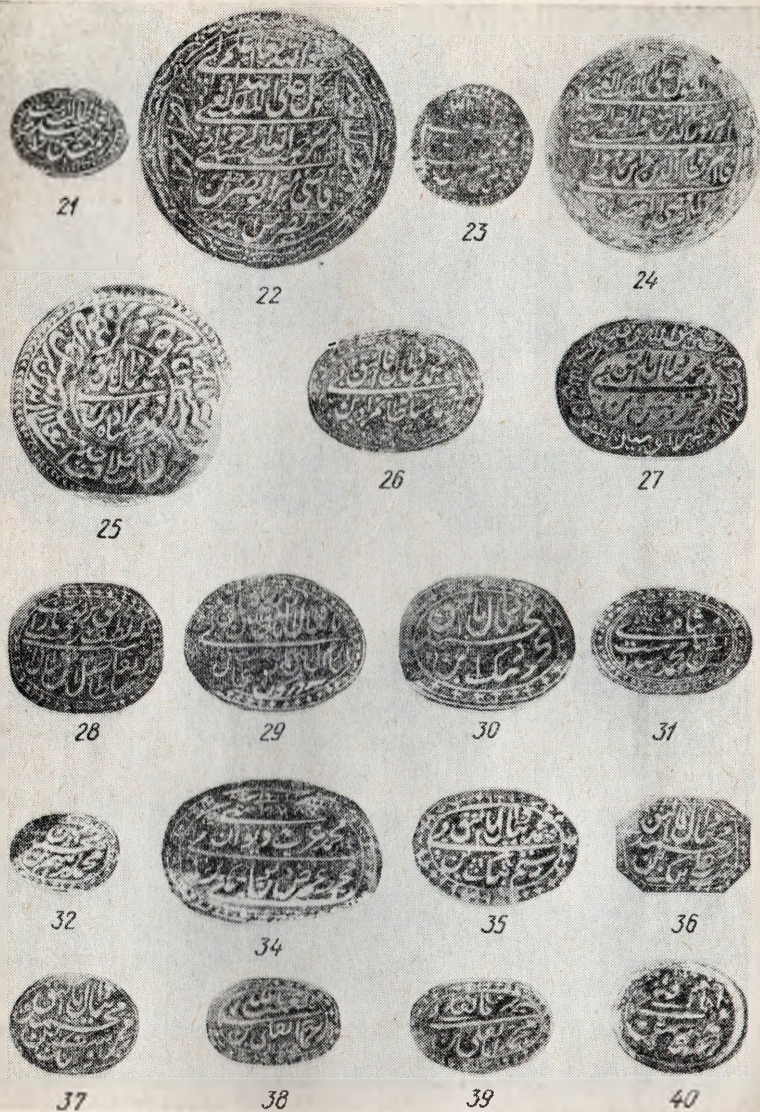
¹⁶ Коран 2₂₈₆

¹⁷ Коран 48₃

¹⁸ Коран 48₃

Фототаблица 1.

Фототаблица 2.

42

43

44

45

46

47

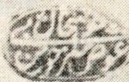
48

49

50

51

52

53

54

55

56

57

58

59

60

Фототаблица 3.

62

63

64

65

66

67

68

69

71

72

73

74

75

76

78

79

80

81

Фототаблица 4.

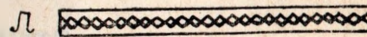
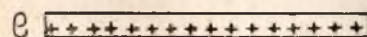
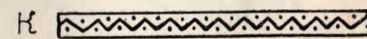
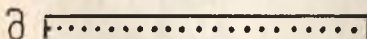
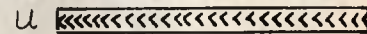
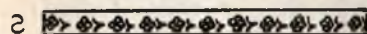
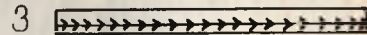
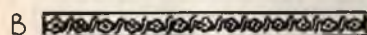
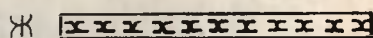
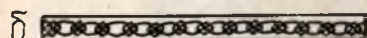
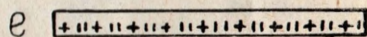
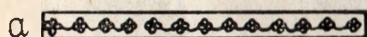
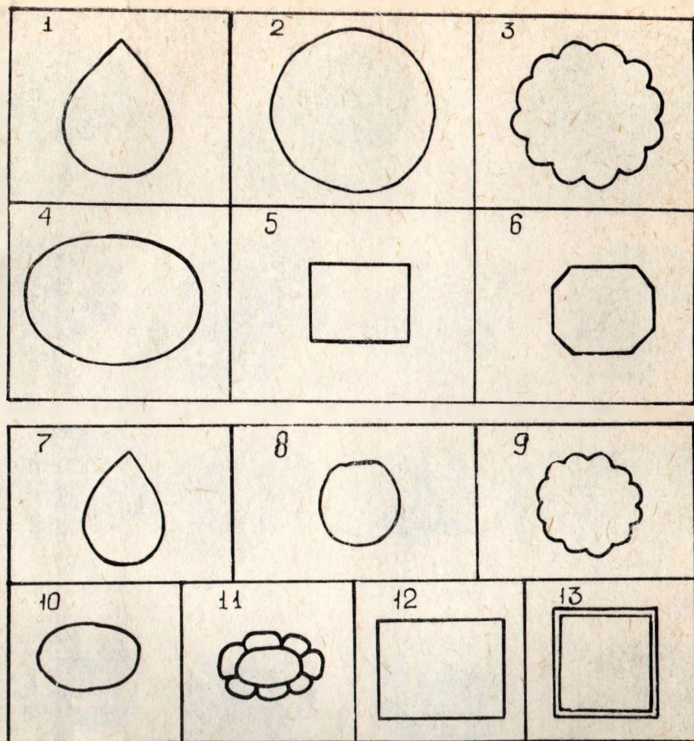

Рис. 1. Формы оттисков печатей: 1 — миндалевидная, 2 — круглая, 3 — фигурная, 4 — овальная, 5 — прямоугольная, 6 — восьмигранная; формы картушей: 7 — миндалевидный, 8 — круглый, 9 — фигурный, 10 — овальный, 11 — овально-фигурный, 12 — прямоугольный, 13 — квадратно-двухлинейный; а — л — виды ободков.

ДОКУМЕНТЫ АРХИВА КУШБЕГИ — ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ТАНХО

Архив кушбеги, являющийся ценным источником по истории Бухарского эмирата, берет свое начало с 60-х годов прошлого столетия. Забота о сохранении архива была проявлена в первые годы установления Советской власти в Бухаре. По инициативе В. В. Куйбышева издается приказ бухарского ревкома об обнаружении и сохранении архивов эмира и кушбеги¹. С 1937 г. он хранится в ЦГА УзССР. Ценность и значение этого архива для науки неоднократно отмечены учеными, а его материалы использованы в работах многих авторов². На основе материалов архива кушбеги можно исследовать малоизученные стороны истории позднефеодальной Бухары, в частности институт танхо (пожалованная земля) в Западной Бухаре.

Институт танхо исследован на ранних этапах его существования П. П. Ивановым³, А. А. Семеновым⁴, М. А. Абдураимовым⁵, Б. А. Ахмедовым⁶ и другими авторами. Работы М. Хамраева⁷, Б. И. Искандарова⁸, К. М. Мирзаева⁹, А. Маджлисова¹⁰, Н. А. Кислякова¹¹, Ш. Юсупова¹² также посвящены танхо Восточной Бухары. Вместе с тем танхо Западной Бухары недостаточно привлекало внимание исследователей и не было предметом специального изучения. Относительно танхо Западной Бухары есть этнографические исследования Н. А. Кислякова¹³, который считал, что в Западной Бухаре танхо не было широко распространено и не получило должного развития. «При изучении вопроса на месте, — пишет он, — создается впечатление, что в Бухарском оазисе танхо было очень немного. По-видимому, бухарские власти считали более целесообразным наделять феодалов танхо в более отдаленных от центра районах, чему ярким примером служит большое число танхо в Каратегине и Дарвазе»¹⁴. Аналогичного мнения придерживаются и другие авторы, которые склонны видеть развитие института танхо в Восточной Бухаре¹⁵.

В противоположность данному мнению документы кушбеги доказывают наличие и развитие танхо в Западной Бухаре в период правления последних эмиров.

Состав этих документов неоднороден: донесения, прошения, докладные, распоряжения и т.д. Наиболее ранние из них относятся к последним годам правления эмира Насруллы, самый поз-

дний документ датируется 1338 г.х. (1919 г.). Они написаны на таджикском языке арабской графикой на русской фабричной бумаге. Часть их имеет печать на лицевой стороне, сирова пад текстом. Распоряжения заверены круглыми печатями эмиров Музаф-фара и Абдулахадара.

Документы архива кунбеги являются главным источником для изучения института танхо, но в качестве вспомогательного источника по данному вопросу могут служить исторические сочинения периода присоединения Средней Азии к России: «Рисала-е мухтасаре аз тарихи салтанати хонадони мангития» («Краткая история мангитских эмиров Бухары») А. Дашиша, «Тарих-и салатин-и мангитийа» («История мангитских государей») Мирза Абд-ал-Азима Сами, «Рузнома» («Дневник») Шарифджана Махдума (ИВАН УзССР, ппв.2277) и др.

Одним из основных признаков танхо был налоговый иммунитет танхадара. Налоговый иммунитет с самого начала возникновения танхо запрещал финансовым чиновникам взимать налог с пожалованной территории. О сохранении налогового иммунитета в начале XIX в. дают сведения «Письма эмира Хайдара»¹⁶.

Налоговый иммунитет сохранялся в последние 60 лет существования эмирата. Согласно свидетельству документов, танхадары, владевшие большими селениями в качестве танхо, имели специальные грамоты правителя, запрещающие налоговым чиновникам взимать налог с пожалованной территории. Так, один из документов гласит: «Издан высочайший указ, что селение Марзатган размером 1000 танабов, 4 мельницы в местности Коклама Армижон из тумана Харканруд, мельница в местности Бойхотун из упомянутого тумана, которые были танхо Яхнин бек бия Удайчи, передали (ему) в качестве танхо вновь. Пусть другой не имеет касательства»¹⁷. Как показывают документы, налоговый иммунитет танхадара часто ущемлялся амлякдаром. Амлякдары порой не соблюдали требования указов государя относительно налогового иммунитета и отбирали танхо у их владельцев. Ряд документов освещает вмешательство амлякдаров в танхо танхадаров. Эти вмешательства наводят на мысль, что амлякдары преследовали цели, как больше доставлять казне сборов. В таком случае они подвергали сбору и пожалованные в танхо земли. Поэтому много жалоб было в адрес амлякдаров, имевших вмешательство в танхо некоторых танхадаров. Владельцы танхо стремились сохранить за собой налоговый иммунитет. Частично на местах практиковался захват (забт) амлякдаром танхо танхадаров. В таких случаях они докладывали эмиру о поступках амлякдаров с просьбой возвратить отнятое танхо. Наблюдается также тенденция к ограничению вмешательства амлякдаров в танхо танхадаров.

Для рассмотрения данного вопроса важным источником служат прошения танхадаров о прекращении вмешательства амлякдаров. В нашем распоряжении имеется несколько прошений, в которых говорится о запрещении вмешательства других лиц в танхо танхадаров. Так, Узбек ходжа хосса-бардор в своем прошении просит отправить высочайшее письмо, запрещающее вмешательство амлякдара в его танхо¹⁸. В другом прошении говорится, что Мухаммад Раджаб дахбаши (десятник) из отряда Суфибека туксаба в местности Кумушкент тумана Комот имел танхо в размере 82 танаба. Амлякдары той местности вмешивались в его танхо¹⁹.

Из документов можно установить, что центральная власть оберегала права танхадаров. Жалобы танхадаров разбирались специальным распоряжением эмира. Так, эмиром предписывается Мирзо Зайниддин мушрифу разбор дела Бердибая чухре агаси из отряда Суфибека туксаба, имевшего танхо в местности Шуристан тумана Шафиркам по поводу вмешательства людей амлякдара в его танхо²⁰. Другие документы также свидетельствуют о заботе центральной власти не допустить вмешательства амлякдаров в танхо танхадаров.

Как известно, одному из привилегированных слоев общества — духовенству — представлялось право владения танхо, так как оно играло заметную роль в социальной жизни общества. Определенная прослойка духовной аристократии, находясь на службе у эмирской власти и занимая высшие духовные должности, пользовалась предоставленным ей правом получения доходов с танхо²¹. По данным документов, последние представители ордена Нокибандийа-ходжаган имели танхо. Это говорит о том, что они в рассматриваемый период, как и в предыдущие периоды, принадлежали к привилегированному слою общества, и центральная власть уделяла им не меньше внимания. Их танхо было наследственным. В случае смерти представителя ордена, имеющего танхо, пожалованная ему земля переходила в распоряжение другого представителя ордена. Так, после смерти Кари оли ходжа его танхо намечалось передать другому представителю ордена Накшбандийа-ходжиган²². В документах встречаются также интересные сведения о внутренних правилах медресе относительно танхо. Наряду с вакфами медресе обладали танхо на правах передачи его в аренду. Одним из таких медресе было медресе Шодимбия, служилый персонал которого имел танхо, переданное в аренду некоему арендатору Махмуду²³.

Танхадары имели документ на право владения танхо. Этот документ хранился у владельца танхо до истечения срока на

право владения им. В случае предъявления претензии местной администрации относительно танхо владелец его сообщал об этом соответствующим органам о разборе недоразумений. Амлякдары в свою очередь регулярно проверяли порядок пользования танхо его владельцами. В ходе проверок они требовали предъявления указа эмира (маншури оли) о предоставлении танхо. Если указа не было или он оказывался потеряннным, дело доходило до конфискации пожалованного участка²⁴.

По свидетельству документов, одной из особенностей танхо в Западной Бухаре было предоставление его одному чиновнику в разных местностях. Один чиновник мог иметь танхо в нескольких местностях. Например, Юсуфбий имел танхо в тумане Султанабад, половину селения Сарвари и Додарак, также мельницу в местности Базарджайи Тумапа Комот. Некоторые из владельцев передавали управление своим танхо амлякдару той местности, где находилось их танхо. По-видимому, это делалось по той причине, что некоторые чиновники не в состоянии были заниматься обработкой своего танхо. Так, в письме Абдурахимбека туксаба, написанном на имя эмира, говорится, что он имел танхо в местности Зандани. Ввиду того, что сам он все время находится на государственной службе, просит возлагать сбор своего танхо на амлякдара той местности»²⁵.

Документы содержат небезынтересные сведения о наследственности танхо. Со второй половины XIX в. танхо, по существу, приближается к наследственным владениям, т. е. сыновья или братья умерших должностных лиц направляли эмиру заявления с просьбой о зачислении этого владения на их имя²⁶. О наследственном характере танхо писал М. Абдураимов²⁷.

В рассматриваемый период права на наследование танхо складывались разными путями: их приобретали не только братья и сыновья умерших танхадаров, но и стремившиеся воспользоваться этим правом дальние родственники. Так, один из документов гласит, что Ибрагим ходжа в возрасте 63 лет имеет двоих сыновей. Его двоюродный брат Катта ходжа, который имел танхо, умер. Он просит передачи себе танхо умершего двоюродного брата²⁸.

Один из путей образования наследственности танхо — вступление на военную службу (наукарийа) сыновей танхадаров после смерти своего отца — обеспечивало им право на владение танхо²⁹.

В документах архива кушбеги встречается термин улуфе (алафе), который согласно мнению М. А. Абдураимова употреблялся в значении поставки продовольствия и фуража, содержа-

ния войска натурой, в более позднее время как «провиант и жалованье» воинам и служилым людям³⁰.

Порядок выдачи улуфе автором исследован на примере документов времени эмира Хайдара. «При выдаче алафе нукерам учитывалось следующее обстоятельство. Если нукер и военачальник имели землю, то алафе начислялось самому воину; не имевший своей земли назывался алафхуром (пользующийся провиантом). Землю таким нукерам отводили у занимавшихся земледелием их родственников»³¹.

О существовании улуфе в рассматриваемый период свидетельствуют наши документы. Документы дают возможность проследить порядок обеспечения военнопослужащих улуфе. Из документов видно, что иногда танхо было заменено улуфе, т. е. взамен танхо выдавалось улуфе. Улуфе чаще всего давалось нукерам, имевшим незначительные размеры танхо. Так, Бабамурад бахадур — старый нукер имел танхо в местности Тириклик тумана Вабкент. Амлякдар, отняв его танхо, вместо него отдал годичную сумму улуфе одного нукера. Из содержания этого документа становится ясно, что улуфе давалось и деньгами. Данные документов сводятся к тому, что не все военнопослужащие имели танхо; определенная их часть была обеспечена улуфе, что не всегда полностью удовлетворяло их потребность.

Анализ документов архива показывает, что качество пожалованных в танхо земель имело большое значение. Некачественными землями считались такие земли, с которых трудно было получать доходы. Каждый танхадар старался обладать плодородными землями и получать больше доходов, что не всегда удавалось. В качестве примера можно привести сведения одного документа, согласно которому Мухаммад Шариф джибачи юзбачи имел 24 тапаба земли танхо в местности Ходжа Гулома. Он отказывается от своего танхо ввиду того, что эти земли оказались неплодородными и просит другое танхо³². Плодородные земли, пожалованные в танхо, обозначались терминном нообол, буквально — разрушенный, разоренный, неблагоустроенный. Разумеется, что труднообрабатываемые земли танхо не приносили танхадару существенных доходов. В подобных случаях танхадар отказывался от них, надеясь на получение лучших пожалований. Так, например, Хусайп Али мирохур юзбачи располагал некачественной землей, пожалованной ему в танхо. Вскоре он отказался от этих земель по той причине, что они не дали ожидаемого, и просит обеспечить его другими земельными пожалованиями³³.

Из документов архива становится известно, что в танхо жаловались земли нескольким лицам для совместной обработки «шерик». Совместное пользование землями танхо оформлялось

специальным указом правителя. Способ пользования пожалованиями «шерик» определялся между обрабатывающими эти земли, и размеры их распределялись по взаимному согласию их владельцев. Когда умирал один из владельцев, его доля из общего танхо начислялась другому владельцу. Так, в одном из документов говорится, что «убежище сейидского достоинства» Нажмиддин ходжа миросад вместе с Курбанали туксаба в качестве «шерик» имели 250 танабов танхо в местности Гуздавон. Но вскоре Курбанали Туксаба умер, а его доля — 125 танабов земли из общего танхо остается свободной. Эти земли передали Нажмиддину ходжа специальным указом эмира³⁴.

Тяжелым бременем для народа, живущего на землях танхо, было повторное обложение сбором (дубожа). В большинстве случаев повторное обложение происходило после смерти танхадара. Некоторые представители местной администрации, в основном сборщики налогов, не признавали сбор, произведенный покойным танхадаром, и пытались повторно взыскать налог с населения, живущего на землях танхо.

Некоторый интерес представляют сведения документов, касающихся повторного обложения населения сбором. Так, крестьяне, обрабатывающие земли танхо в качестве коранда, жалуются на амлякдара нижней части селения Харкана тумана Султанабад, где они проживают. Они были коранда танхо Абдулвахаб ходжа накиба. Этот накиб при жизни взыскал все налоги (кабуд-хари, сафидбари). Но после его смерти амлякдар этой местности потребовал вторичной уплаты налогов³⁵. Подобную версию встречаем в другом документе, где говорится, что в местности Амирабад крестьяне обрабатывали танхо Бахадур парваначи, которому отдавали установленный сбор в натуре и деньгами и получили соответствующий документ. Амлякдар, не учитывая этого, хотел повторно взыскать с них палог³⁶.

Документы архива кушбеги служат достоверным источником в определении сущности системы пожалования в Западной Бухаре.

Как они свидетельствуют, центральная власть беспокоилась, чтобы размеры танхо не увеличивались за счет незаконных расширений своих пожалований некоторыми лицами. Поэтому она поручала представителям местной администрации проводить проверку относительно точности установленного государством размера танхо; составить список танхадаров и каждого селения, где имелись пожалованные в танхо земли. Порядок проверки требовал, чтобы не только размеры пожалований, но и сумма их дохода также была представлена двору. Проверка не миновала даже танхо высокопоставленных должностных лиц; подвергались про-

верке танхо влиятельных чиновников, крупных военачальников и других категорий владельцев танхо. Проверка также требовала не скрывать и сообщать о маленьких земельных пожалованиях, которые амлякдар облагал сбором. Вместе с земельными пожалованиями проверка предусматривала уточнение количества мельниц, пожалованных в танхо, и их доходов. Проверка охватывала уманы Комот, Самджан, Хайрабад и Каракуль³⁷.

Подводя итог сказанному, отметим, что документы архива кушбеги содержат ценные материалы о специфике танхо Западной Бухары, о сумме доходов с пожалованной территории, об общих размерах пожалований, сведения о лицах, имеющих танхо, о положении народных масс, живущих на этих землях, их эксплуатации и т. п. Документы являются важным источником для дальнейшего исследования института танхо в Западной Бухаре, изучению которого до сих пор не уделено достаточного внимания.

Примечания

- ¹ ЦГА УзССР, ф.И-426 оп.1.
- ² См.: О. Д. Чехович. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв. Ташкент, 1954; Н. А. Кисляков. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX века. М.—Л. 1962 А.Р.Мухамеджанов. История орошения Бухарского оазиса. Ташкент, 1978; Т. Г. Тухтаметов. Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе, 1977; К. З. Хакимова. Крестьянское движение в Бухарском эмирате в последней трети XIX в. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966; Она же, «Фонд канцелярии кушбеги эмира бухарского» — источник изучения истории крестьянского движения в Бухарском эмирате. ПШВ. М., 1984, с. 204—224 Г. Ю. Астапова. Землевладение и аграрные отношения в Западной Бухаре во второй половине XIX—начале XX в. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1981 Она же. Архивные документы о категориях и формах феодального землевладения Западной Бухары. Общ. науки. в Узбекистане, 1981. № 3, с. 57—60.
- ³ П. П. Иванов. Хозяйство джукбарских шейхов. М.—Л., 1954.
- ⁴ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929.
- ⁵ М. А. Абдураимов. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в. Т. 2. Ташкент, 1970.
- ⁶ Б. А. Ахмедов. История Балха. Ташкент, 1982.
- ⁷ М. Хамраев. Очерки истории Хисарского бекства конца XIX и начала XX в. Сталинабад, 1959.
- ⁸ Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Намир во второй половине XIX в. Ц.И. Душанбе, 1962.
- ⁹ К. М. Мирзаев. Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве. Ташкент, 1954.
- ¹⁰ А. Маджлисов. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX — начале XX в. Душанбе — Алма-Ата, 1967.
- ¹¹ Н. А. Кисляков. Очерки истории Каратегина. Сталинабад, 1954.
- ¹² Ш. Юсупов. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX в. Душанбе, 1954.

- ¹³ Н. А. Кисляков. Патриархально-феодальные отношения .
¹⁴ Там же, с. 95.
¹⁵ См.: К. М. Мирзаев. Амляковая форма феодальной земельной собственности ... с. 98-100. Маджлисов: Аграрные отношения в Восточной Бухаре, с. 100—110, 176—178 М. Ханраев. Очерки истории Хисарского бекства... с. 51.
¹⁶ См.: М. А. Абдураимов: Вопросы феодального землевладения ...
¹⁷ ЦГА, УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 948, л. 62.
¹⁸ Там же, д. 944, л. 3.
¹⁹ Там же, д. 947, л. 33.
²⁰ Там же, д. 947, л. 44.
²¹ О. Д. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958, с. 103.
²² ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 947, л. 24.
²³ Там же, д. 947, л. 25.
²⁴ Там же, д. 944, л. 5.
²⁵ Там же, д. 944, л. 12.
²⁶ Г. Ю. Астанова. Архивные документы о категориях... с. 59.
²⁷ См.: М. А. Абдураимов. Очерки аграрных отношений ... с.113-114.
²⁸ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 947, л. 8.
²⁹ Там же, д. 944, л. 19.
³⁰ М. А. Абдураимов. Очерки аграрных отношений ... ОНУ, 1981, № 3. с. 131
³¹ Там же, с. 135.
³² ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 948, л. 32.
³³ Там же, д. 948, л. 19.
³⁴ Там же, д. 948, л. 26.
³⁵ Там же, д. 947, л. 3.
³⁶ Там же, д. 947, л. 4.
³⁷ Там же, д. 947, лл. 18,54.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ БНСР

(из материалов фондов Бухарского государственного
архитектурно-художественного
музея-заповедника)

В 1979 г. в адрес Бухарского музея поступил пакет из Москвы, в котором находилось состоящее из 30 документов дело, принадлежавшее бывшему члену младобухарской партии, участнику Бухарской революции, первому юрисконсульту БНСР Константину Ивановичу Лаврову. Документы пролежали 40 лет в подвальном помещении одного из домов Москвы, где проживал К. И. Лавров с семьей. Многие из них пришли в полную негодность, на некоторых из них пельзя было прочесть слова, а иногда целые предложения и страницы, но в результате кропотливого труда реставраторов и сотрудников музея удалось восстановить как документы, так и многие надписи на них. Все эти годы велась переписка с родными близкими людьми, знавшими К. И. Лаврова, а также собирались архивные материалы в Ташкенте и Москве. В результате чего нам удалось выявить и несколько дополнить новыми данными страницы его жизни и работы в Бухаре, а поездка в Москву к дочери К. И. Лаврова Клавдии Константиновне Птициной-Лавровой завершила работу по сбору материалов.

К. И. Лавров (1972—1942 гг.) родился в г. Онеге Архангельской губернии в семье учителя уездного училища. Семья состояла из 9 человек. Отцу удалось устроить К. И. Лаврова в гимназию, куда принимали детей учителей (автобиография, написанная К. И. Лавровым в 30-е годы).

Гимназию он окончил в 1893 г. и поступил в Демидовский юридический лицей в городе Ярославле. «Так как я чувствовал неудовлетворенность постановкой учебы и многими вопросами в лицее, я перешел на III курс юридического факультета Петербургского университета, который закончил в 1897 г. (нагрудный знак юриста К. И. Лаврова хранится в музее).

После окончания университета поступил на службу секретарем съезда мировых судей в городе Вендене (Ляпландской губернии) и продолжал работать без перерыва до 1918 г. Выше должности рядового следователя я не занимал, никаких наград за службу не имел. В 1918 г. работал в Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией в г. Балакове Самарской губернии. В

сентябре 1918 г. г. Балаково был окружен белыми и оставлен Красной Армией. Я продолжал оставаться с Чрезвычайной комиссией. Совместно с членами комиссии участвовал в защите г. Балаково и подносил во время боев снаряды и пушки. По вечерам нес дежурство на берегу Волги. Опасались, что белые, узнав, что в Балаково нет частей Красной Армии, переправятся через Волгу и, заняв город, зверски расправятся с работниками ЧК, как расправлялись при взятии ими Ставрополя. Белые так и не решились переправиться через Волгу и вскоре были изгнаны Красной Армией под командованием М. В. Фурцева. (см. операцию боевых действий Самара — Хвалинск — с. Широкое).

В ноябре 1918 г. был переброшен на работу в ЧК в г. Ставрополь на должность следователя Чрезвычайной комиссии. В декабре 1918 г. являлся делегатом на съезд ЧК в г. Самаре. Поехал на съезд с двумя красноармейцами, так как еще на дорогах бродили банды белых. Некоторым делегатам не удалось прибыть на съезд (убит был по дороге председатель Балаковского ЧК тов. Григорьев).

В конце января 1919 г. уездные ЧК были закрыты, и я выехал в Самару. В связи с сильными холодами и болезнью я попросился в Ташкент.

По приезду в Ташкент зашел в ЦИК ТАСССР и попросил направить на работу. Мне было дано направление в Исполком рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов Новой Бухары на должность юрисконсульта.

Дальнейшие сведения о работе и службе К. И. Лаврова рассказывают документы, охватывающие период с 1919 по 1923 г. в Бухаре, они хранятся в его личном деле в фондах Госмузея.

КАТАЛОГ ДОКУМЕНТОВ К. И. ЛАВРОВА

№ 1

Доклад председателя Ново-Бухарского бюро Кари Юлдаша Пулатова Файзулле Ходжаеву, г. Ташкент, 10 июля 1920 г. Особо секретный доклад (приложение к докладу от 25 июня 1920 г.).

«В дополнении, прилагаемом к общему докладу, я считаю нужным самым секретным образом сообщить Вам как о составе комитета, работающего в Новой Бухаре, так и о наших сотрудниках, работающих в Старой Бухаре и в кишлаках, а также о тех распоряжениях по революционной деятельности, которые проводятся мною как через комитеты (наше бюро), так и через агентов и революционных агентов внутри ханства.

Приехал я в Новую Бухару 25 июня 1920 г. В качестве председателя комитета я застал тов. Музаффарова при одном члене Комитета тов. Бабаеве. Из сотрудников работали агитаторы Ах-

мат Хамраев и Тула Джураев. В качестве секретаря комитета тов. Лавров, он же секретарь нашего руководителя тов. Войткевича (имеющий о сем от нашего комитета мандат). Когда я достаточно осмотрелся, и приступил к регулированию денежной части комитета. О моей работе по сему был сделан доклад комитету и постановление комитета в копии протокола заседания было представлено в Центральное бюро.

В составе членов и сотрудников Комитета мною были произведены следующие изменения: агитатор Тула Джураев командирован в Ташкент, а в качестве агитаторов пригласили известных мне по Ташкенту Салиха Кайнарова и Мирзо Ирмухамедова. Остальные лица Комитета и сотрудники оставлены мною. Деятельность Комитета я главным образом направил для собрания точных сведений о работе наших подпольщиков в Старой Бухаре. На основании данных об условиях жизни солдат Бухарского ханства я пришел к заключению, что наилучшая почва для возбуждения скорейшего взрыва против Бухарского правительства является среда солдат. Так, из разных полков к нам в Бухару являются часто перебежчики, и я решил использовать некоторых из них для осведомления солдат о том, что перебежчики принимаются большевиками. Вместе с тем из чисто тактических соображений возвращаемым солдатам-перебежчикам, которые меня уверили, что за краткостью их отлучки из полка они не навлекут на себя подозрения, что они были в Новой Бухаре, я поручил передать более сознательным солдатам, чтобы они оставались в своих частях, чтобы бежали из них только те, которые будут подозреваться, и они подвергнутся наказанию за явное непослушание или подстрекательство к таковому. Через Комитет 8 июля 1920 года по рекомендации нашего агитатора Хамраева жителю Старого Кагана Бако Арбакешу, служащему в Кубанском кавалерийском полку в качестве нашего агитатора, с моего согласия и Комитета поручено провести ячейку военно-революционной организации в Кубанском полку и даны на этот счет инструкции. Он несколько раз по поручению бюро в пределах расположения этого полка Ситора-Мохихоса и Старая Бухара разбрасывал наши прокламации. По рекомендации нашего агитатора Кайназарова я вызвал из Старой Бухары его знакомого Патхуллу. Затем с согласия Комитета от 3 июня 1920 года поручил тов. Патхулле организовать в Старой Бухаре Комитет из трех лиц, который и был им организован в квартале Дялкушо. Членами он избрал племянника Каравабаши Тимурхана и Гулям-аксакала. В свою организацию он ввел 30 человек. Один из перебежчиков Хайт Саит Муратов, прибывавший со сведениями об арабском полку, мною с согласия Комитета принят в секретные сотрудники, и я

сего числа поручил ему произвести ячейку военной организации в Арабском полку, расположенном в Ширабудине. Вместе с этим ему поручено распространять нашу литературу. При этом я ему объяснил, чтобы он раскидывал ее не в пределах расположения Арабского полка, а и других полков, дабы не навлечь на себя подозрения. Литературу я послал в Керки с аэропланом, в Термез — пароходом. Согласно постановлению Комитета от 27 июня 1920 года было решено вызвать в Новую Бухару на съезд всех представителей организованных им комитетов в кышлаках ханства. Докладывая о сем, прошу Центральное бюро по получении этого доклада срочной шифрованной телеграммой подтвердить правильность моих распоряжений, а также дать директивы по поводу собираемого мною съезда председателей организаций в кышлаках. Если мое предложение окажется приемлемым, прошу заказать для Комитета указанные выше бланки и печати, которые прислать с членом нашего Комитета Бабаевым. Наряду с этим прошу заказать проекты распоряжений и воззваний назначаемого тайного правительства. Прошу срочным шрифтом поставить меня в известность о взгляде Центрального бюро по возбуждаемому мною вопросу. г. Новая Бухара. 11 июля 1920 г.».

Председатель
Секретарь

Пулатов
Лавров

(доклад печатался сокращенно).

№ 2

Новобухарское бюро партии младобухарцев-революционеров.
9 июня 1920 г. № 172 г. Новая Бухара⁴.

Мандат

Согласно постановлению Президиума Бюро партии младобухарцев-революционеров от 5 июня с. г. № 4 предьявитель сего тов. Лавров избран секретарем к руководителю и ответственному работнику бюро младобухарцев-революционеров по революционной работе в Бухарском ханстве товарищу Войткевичу, причем ему, Лаврову, предоставляется право присутствовать на всех заседаниях бюро, ознакомляться со всеми протоколами и другими документами партии и на него возлагается обязанность выполнять все поручения тов. Войткевича по делам бюро, на основании выданного последнему мандата от 8 июня 1920 г. за № 162.

Круглая печать
бюро рев. младобух.
партии. Новая Бухара.

Председатель

№ 3

Письмо Файзуллы Ходжаева К. И. Лаврову о проведении революции в Бухаре. Август 1920 г.

Тов. Лавров! Бюро по некоторым обстоятельствам на несколько дней было Центральным бюро распущено. По соглашению с Турккомиссией снова будет продолжаться еще с большей энергией, чем раньше. Поэтому по приезде назначенного представителя в Новую Бухару Вы должны поставить все дела на должную ногу.

Член. Исп. орг. *Файзулла Ходжаев*, авг. 1920 г.⁵

№ 4

Шифрованная телеграмма о начале революционных действий в Бухарском ханстве. 27 августа 1920 г.

Срочно. Новая Бухара. Бюро младобухарцев-революционеров Пулатову.

О начале революционных действий в Бухарском ханстве. (Телеграмма состоит из 132 цифр, 3 слов).

По распоряжению Исполбюро — *Лавров*.

Телеграмма послана в младобухарские комитеты в русских поселениях Ташкентской железной дорогой Бухарского ханства⁶.

К. И. Лавров участвует в революционных событиях 1920 г. С 2 сентября 1920 г. по мая 1923 г. в Бухарской Народной Советской Республике занимает следующие должности: управляющего делами 1-го революционного комитета, главного юрисконсульта СНК БНСР, управляющего делами Совета Народных Назиров, заместителя председателя экономического Правового отдела Совета Труда, управляющего делами Назирата просвещения, члена комиссии по упрощению советского аппарата БНСР, литературного сотрудника телеграфного агентства в Бухарской Республике.

К. И. Лавров принимает непосредственное участие в составлении текста «Союзного договора между БНСР и РСФСР» от 4 марта 1921 г., а также в составлении «Экономического соглашения между БНСР и РСФСР» от 9 августа 1922 г.

Нижеперечисленные документы рассказывают о большой революционной и трудовой деятельности т. Лаврова К. И.

№ 5

Удостоверение Временного Революционного Комитета № 91

2 сентября 1920 г.

Предъявитель сего тов. Лавров К. И. является управделами Временного Революционного Комитета Бухарской Народной Советской Республики, что подписями и печатью удостоверяется.

Тов. Лаврову К. И. разрешается свободный проезд и проход во всякое время дня и ночи по Старой Бухаре без предъявления каких-либо пропусков.

Председатель Ревкома: _____ подпись.
(печать бюро младобухарцев. Новая Бухара).

№ 6

Мандат о назначении на должность в Назирате просвещения
БНСР. 19 октября 1920 г.

Мандат № 82

Настоящим тов. Лавров назначается управляющим делами Назирата просвещения с 19 октября 1920 г.

Назир просвещения БНСР—*Пулатов*⁸.

№ 7

Письмо редакции «Известия» — орган Центрального Революционного Комитета Бухарской Республики. 16 август 1921 г.

Тов. Лаврову К.И.

Уважаемый товарищ!

Желаю издать специальный номер, посвященный годовичному юбилею освобождения бухарского народа от ига векового деспота, редакция просит Вас как участника революционной борьбы бухарского народа дать соответствующий материал.

Ответственный редактор — подпись.⁹

Статья «Подготовка и проведение революции и первые шаги революционного правительства» помещена в газете «Известия» № 63, 1921 г., Новая Бухара.

№ 9

17 августа 1922 г. в Бухаре проходит заседание III Всебухарского курултая. В докладе председателя Совета Народных Назиров БНСР Файзуллы Ходжаева был отмечен ряд товарищей самоотверженно защищавших бухарскую революцию. В числе их назван и тов. Лавров К. И. — главный юрисконсульт Совета Народных Назиров БНСР, награжденный грамотой и золотыми часами.

Грамота БНСР.

Центрального Исполнительного Комитета БНСР

Главному юрисконсульту Совета Народных Назиров

К. И. Лаврову.

Бухарский трудовой народ в лице третьего Всебухарского съезда Советов на заседании от 17 августа 1922 г. по докладу председателя Совета Народных Назиров тов. Файзуллы Ходжаева о работе гражданина РСФСР К. И. Лаврова на пользу Бухарской Республики нашел что:

1. Гражданин Лавров работал в 1919 и 1920-х гг. в младобухарских комитетах: в качестве секретаря комитета и в коммунистическом в качестве инструктора. В августе 1920 г. перед решительными действиями комитетов по низвержению эмира проявил энергичную деятельность как во внутренней работе таковых комитетов, так и по организации формирования и вооружения при Новобухарском младобухарском комитете революционной дружины.

2. Члену Исполбюро Революционного Правительства тов. Файзулле Ходжаеву при объезде комитетов К. И. Лавров исполнял работы по собиранию сведений о готовности названных комитетов к решительным действиям против эмирата.

3. Участвовал в работе члена Исполбюро тов. Файзуллы Ходжаева в качестве его личного секретаря по всем его действиям при очищении Бухары от эмира и его войск.

4. Показал мужество, когда следовал с членом Исполбюро тов. Файзуллой Ходжаевым по территории Бухары от ст. Катта-Курган до Новой Бухары без особой вооруженной охраны, и когда Файзулла Ходжаев с видными революционными деятелями проник в Бухару, причем при себе имел все планы в письменной форме по низвержению эмировского правительства и прибыл на станцию Каган в разгар пулеметной ружейной и оружейной стрельбы, начавшегося боя между революционной частью народа и войсками. И в тот же день по прибытии в Новую Бухару стал работать в должности управляющего вновь сформированного Революционного Правительства.

5. По взятии Бухары вступил с Революционным правительством в этот город и во время бушевавшего пожара принимал участие в тушении такового, лично собирая по кварталам народ для тушения пожара.

6. В качестве Управляющего Делами при первоначальной организации Совета Народных Назиров и Назиратов иностранных дел и просвещения принимал непосредственное участие в этой организации.

7. Организовал юридический отдел при Совете Народных Назиров и, будучи, за неимением других юристов в этой организации, один собрал старое и новое законодательство Бухары, единолично разрабатывая постановления Совета Народных Назиров по разным вопросам политической и экономической жизни Бухары,

изготавливал по всем им соответствующие декреты. По поручению Совета Народных Назиров давал заключения по возникающим в Совете вопросам, разрешая таковые исключительно с точки зрения трудящихся и подготовил к изданию сборник Революционного законодательства Бухары.

8. Ввиду того, что Председатель Совета Народных Назиров тов. Файзулла Ходжаев с самого начала революции руководит внешней политикой Бухары, исполнял по его поручению все ответственные работы по вопросам внешних сношений.

9. При всей своей работе, будучи всецело предан интересам только дела, не предъявлял никаких требований Правительству о вознаграждении его вне установленных ставок, а потому Третий Всебухарский Курултай в возмещение этой работы гражданина Лаврова на благо трудящихся Бухары и за помощь вообще Бухарскому Правительству в его организационной работе по советскому строительству постановил: отметить эти его заслуги настоящей грамотой и наградить его золотыми часами.

Председатель Всебуххика, Председатель Совета Народных Назиров — подпись.

Секретарь Всебуххика — подпись. 17 августа 1922 г.¹¹

В июне 1985 г. дочь К. И. Лаврова передала в Бухарский госмузей золотые часы с надписью: «От благодарного Всебуххика К. И. Лаврову. г. Старая Бухара».¹²

№ 10

Рекомендация-характеристика на тов. К. И. Лаврова
(документ на узбекском языке, арабский шрифт).

Председателю Совета Труда Республики.

Служебная записка. Рекомендация.

Тов. Лавров до революции в Бухаре работал в подпольном комитете младобухарцев в качестве секретаря. Благодаря своим познаниям он указывал младобухарцам действительные пути в деле проведения их революционных идей. С начала революции в Бухаре он продолжал революционную работу, оказывал своей опытностью и знанием большие услуги советскому строительству.

Тов. Лавров во время своей деятельности записал не только интересы крестьян, но и вообще всех трудящихся. Ныне он в виду слабости здоровья, по своему желанию и прошению уволен со службы.

Председатель Совета Труда К. Пулатов.¹³

В протоколе заседания ЦИК БНСР № 60 от 13 мая 1923 г. отмечено: правительство БНСР наградило тов. Лаврова К. И. орденом БНСР «Красная Звезда» II степени. Об этом свидетельствует Указ Всебухарского Центрального Исполнительного Комитета Съезда Народных Представителей от 20 мая 1923 г.

Всебухарский Центральный Исполнительный Комитет Съезда Народных Председателей в ознаменование исполнения гражданином РСФСР Лавровым Константином Ивановичем своего долга перед Республикой (в бою против врагов), за его активное участие в революционной борьбе младобухарцев при низвержении эмира и за его работу на благо трудящихся Бухары, выразившуюся в организационной деятельности по советскому строительству Бухары, вручает ему знак ордена «Красная Звезда» II степени — символ освобождения угнетенных народов Востока. Знак ордена «Красная Звезда» гражданин Лавров Константин Иванович имеет право носить на груди.

Председатель Всебухарского Центрального Исполнительного Комитета *Порсо Ходжаев*.¹⁴

Собранный материал и другие вещественные реликвии будут использованы в новой экспозиции отдела советского периода Бухарского музея, на постоянных выставках и тем самым откроют и дополнят новую летопись к истории Бухары.

Список использованных материалов

1. Фонды Бух.музея, инв. № 23507/22.
2. Там же, инв. № 14025/11.
3. «—», инв. № 14024/11.
4. — 6. «—», инв. № 14030/11, 14026/11, 14025/11.
7. Фонды Бух. музея, инв. № 14028/11 ЦГА Узб. ССР, ф. Р—47, оп. 1, д. 7, л. 84.
8. «—», инв. № 14027/11.
9. «—», инв. вст. фонд.
10. «—», инв. № 23512/11, газета «Известия» № 63, 1921 г.
11. «—», инв. № 14036/11 ЦГА УзССР, ф. Р-47, оп. 1, д. 343, л. 18.
12. Бух. гос. музей, инв. № 23401/8.
13. б/н.
14. Фонды Бух. музея, инв. № 14036/11, ЦГА УзССР, ф. Р-59, оп. 1, д. 44, л. 147.

МУЗЕЙ ИСТОРИИ КОЛХОЗА

За последние годы по инициативе общественности рождаются новые формы культурно-массовой работы, охватывающие своим влиянием все более широкие массы трудящихся.

Особенно широкий размах приобрела организация музеев на общественных началах. Они создаются на фабриках, заводах, на стройках, в школах и вузах, в колхозах и совхозах.

Музеи на общественных началах собирают, хранят и экспонируют предметы материальной и духовной культуры, истории и техники, представляющие историческую, научную и художественную ценность. Главное назначение таких музеев — широкая пропаганда героического труда людей, советского образа жизни.

Развитию музейного строительства в значительной мере способствовало постановление ЦК КПСС «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев» от 10 августа 1982 г. Этот важный документ наметил программу деятельности музейных учреждений на современном этапе.

28 июня 1985 г. Коллегия Министерства культуры УзССР по согласованию с Узсовпрофом утвердила новое Положение об общественном музее Узбекской ССР.

В Бухарской области созданы музеи на общественных началах, занимающие важное место в культурно-воспитательной работе. Одним из первых музеев на селе в Узбекистане является музей боевой и трудовой славы колхоза «Янги турмуш» Бухарского района, созданный общественностью села в 1964 г.

О музее, который отобразил бы весь путь, пройденный жителями колхоза «Янги турмуш», служил бы живой историей и примером для подрастающего поколения общественность колхоза мечтала давно. Подготовка к созданию музея велась с 1963 г. В связи с этим руководство колхоза обратилось за помощью в Бухарский областной краеведческий музей. С этого момента начинается кропотливая работа по сбору материалов; отдел истории

колхозного строительства Института истории АН УзССР пишет историю колхоза для создаваемого музея. Одной из существенных причин успеха в создании музея была помощь сотрудников Бухарского музея С. Хабибулиной и Х. Досаева, а также активное участие общественности села. Первоначально экспозиция музея должна была состоять из двух разделов: организации сельскохозяйственной артели и передовиков колхоза; жизни колхоза сегодня. Однако обилие собранных уникальных экспонатов позволило расширить тематику разделов и включить в экспозицию новые разделы: дореволюционное прошлое села, историю сельскохозяйственной артели, колхоз фронту 1941—1945 гг., колхоз в 1946—1961 гг., культуру и быт.

Все экспонаты, впоследствии выставленные в экспозиции музея, были собраны активистами колхоза, непосредственно участвовавшими в его строительстве.

В экспозиции музея были выставлены документы фотографии участников коллективизации—мандаты, справки, удостоверения, фото Х. Бахрамова, Р. Салпева, М. Валиева, Х. Рузиева и др.

Из таблиц и диаграмм видно, как постепенно становилось на ноги артельное хозяйство, как совершался переход от омача к плугу, от быков и лошадей к тракторам.

Наряду с этим были выставлены документы, письма, личные вещи участников Великой Отечественной войны М. Мухаммадиева, Я. Хасанова, Г. Мамедова.

Раздел «Колхоз в 1946—1961 годы» был представлен почетными грамотами, свидетельствами, удостоверениями, дипломами Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (документы Р. Хайдаровой и др.), рассказывающими о больших достижениях тружеников всех отраслей сельского хозяйства; выставлена сельскохозяйственная продукция. Среди реликвий музея ордена и медали Х. Назарова — хлопкороба-механизатора, награжденного в 1957 г. орденом Ленина.

Рассматривая документы и фотографии стендов, можно проследить, как поистине гигантскими шагами вторгалась в беспросветный средневековый мрак социалистическая культура: строились школы, улучшалось медицинское обслуживание, развивалась физкультура и спорт.

В отдельных разделах экспозиции представлены предметы этнографии: жернова, соха, гунц, паравиды, посуда, одежда, ювелирные украшения.

Музей за короткое время завоевал популярность среди общественности села. В его залах проводились пионерские сборы, тематические вечера, посвящение в профессию, встречи с передови-

ками производства и ветеранами труда, призывниками в ряды Советской Армии; организовывались тематические выставки по знаменательным датам.

Число посетителей музея из года в год увеличивается. Если в 1982 г. музей посетило 1192 человека, то в 1987 — более 5000. Музей стал для жителей колхоза одним из центров культурно-просветительной работы.

Музей трудовой и боевой славы колхоза «Янги турмуш» Бухарского района был награжден дипломом Министерства культуры УзССР за высокие показатели в музейной работе.

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА БУХАРСКИХ СЛАДОСТЕЙ

Бухара издревле славилась производством кондитерских изделий. В записках русских путешественников Н.Ханыкова, Л.Е. Дмитриева-Кавказского упоминается о многочисленных видах сладостей, продававшихся на бухарском базаре: «Чего-чего нет на этом базаре для сарта ... и сахарные крендельки, и прянички, разносямые на громадном медном блюде...»¹ Изготовлением сладостей в Бухаре занималось особое кандолатно-халвогарное производство. Мастера-пазанда, занимавшиеся приготовлением халвы, назывались халвогарамп. Они работали в собственных мастерских-дуконах, которые располагались на специальном базаре «Бозори Тимча».

По сообщениям потомственного халвогара А. Восиева², бухарские мастера объединялись в цеха. В уставе «рисоля» халвогаров указано, что основателем этого ремесла является шестой шиитский имам Джафар ас-Сиддик³. Имя его было популярно среди ремесленников Бухары, в многочисленных уставах он упоминается как основатель ремесла. Производством халвы занимались в основном мужчины, это было связано с трудоемкостью процесса приготовления халвы, который был полностью ручным.

В дореволюционной Бухаре производилось более 20 видов халвы: халвой лава, халвой сабунп, халвоитар, акколи, хилоли, миндаль, ниппало, фирипп, оби-набод, пашмак, сумалак, кандолот и др. Из-за жарких климатических условий изготовление халвы было сезонным. Производством халвы для эмирского двора ведали специальные дуконы халвогаров. Одним из искусных халвогаров дореволюционной Бухары был Махмуджон бин Хол Мирза. Халвогары, как и все ремесленники дореволюционной Бухары, находились в притесненном положении. Они выплачивали налог в пользу казны, насильно забирались на службу в армию в сарбозы, срок службы которых не был ограничен. Об этом свидетельствует рукописный документ об отдале в сарбозы Усто Джума халвогара.⁶

В настоящее время в Бухаре сохраняются лучшие традиции приготовления халвы. Наиболее простые виды халвы - халвоитар, фирипп и некоторые другие виды — готовят почти в каждой семье.

Изготовлением наиболее сложных видов халвы занимаются халвогары и кондитерское производство Бухары. Халвогары знают не только дореволюционные способы приготовления халвы, но применяют и новые, например, курс, парварда и др.

Основными компонентами, входящими в состав халвы, являются сахар, мед, молоко, мука, жиры, яйца, кислоты, специи, фрукты, ягоды, орехи, пряности и т. д. Каждый вид халвы имеет свою технологию приготовления, секрет которой передавался из поколения в поколение. Работают халвогары дома в специальном помещении. В процессе приготовления халвы ими используется специальный инвентарь и инструменты, часть которых также передавалась из поколения в поколение. Это специальные котлы деги потила, медные чаши лаганы, ступки угирча, деревянные лопаточки, медные подносы, сита.

Ниже мы приведем технологию изготовления наиболее любимых видов халвы. Технология сообщена потомственным мастером халвогаром усто Садулло и халвогаром усто Баратом (родился в 1929 г.) — жителями Бухары.

Для приготовления халвой лавз необходима пшеничная мука, сахар, фруктовая эссенция, корица, урючные косточки, жир для смазки. Приготовив сахарный сироп, его разливают в медные чаши для остывания. Остывший сироп в котле смешивают с мукой (на 1 кг сахара 160 г муки), постоянно помешивая лопаточкой на медленном огне в течение часа. Одновременно подсыпают растертые в ступке урючные косточки. Затем в массу добавляют фруктовую эссенцию (гулоб) и тщательно перемешивают. Готовую массу с помощью ковша перекладывают в прямоугольные подносы, где она застывает (подносы предварительно смазывают жиром). Застывшую массу посыпают корицей и нарезают на ромбы, прямоугольники.

В состав халвой сабуни входит пшеничная мука, сахар, говяжий жир. Муку тщательно прожаривают в котле, затем добавляют растопленный говяжий жир (на 1 кг муки 1 кг говяжьего жира), массу постоянно помешивают на медленном огне в течение 3—4 часов. Затем в нее добавляют сахарный сироп, тщательно перемешивают и дают остыть. Через час после остывания готовую массу формируют руками, с помощью мизинца получают конусы размером с орех. В настоящее время конусы получают с помощью матерчатого кондитерского мешочка, придавая конусу рифленность. Дно подноса, на который ставят конусы, предварительно посыпают корицей.

В состав пишалло входят следующие компоненты: сахар, чечные бобки, мыльный корень, лимонная кислота, ванилин или фруктовая эссенция. Пишалло напоминает густую сметану, цвет

белый. В готовый сахарный сироп добавляют лимонную кислоту и сироп, затем охлаждают. Мыльный корень измельчают и отваривают в воде до появления пены, затем охлаждают. Отдельно взбиваются яичные белки до увеличения их объема в 2—3 раза, затем добавляют небольшими порциями мыльный корень и продолжают взбивать в течение часа. Во взбитую массу добавляют небольшими порциями сахарный сироп и продолжают взбивать на медленном огне до получения однородной массы. Готовую, остывшую массу разливают в глубокие чаши.

Приготовление халвы сумалак связано с приходом весны. Изготавливается сумалак из проросших зерен пшеницы, муки, сахара. Необходимо взять высококачественную, хорошо созревшую пшеницу, перебрать, промыть ее, поместить в плоскую чашу со сладкой водой. Чашу ставят в теплое место и держат в течение 7—10 дней до прорастания пшеницы. Зеленые ростки, предварительно очищенные, пропускают через мясорубку, массу 2—3 раза тщательно месят руками. Полученный сок отделяют, процеживают и заливают в котел. Сок кипятят в течение 3—4 часов, добавляя пережаренную муку и сахар, постоянно помешивая. После получения однородной массы котел закрывают крышкой и держат на медленном огне в течение 45 минут. Затем огонь гасят и оставляют массу на 8 часов. Готовый сумалак коричневого цвета разливают по чашам.

Вышеописанные халвой лавз и халвой сабуни являются ежедневно употребляемыми сладостями. Приготовление пишалло связано с праздниками, свадебными торжествами, днями рождений. Сумалак готовят только весной. Сам процесс приготовления сумалака—выращивание ростков пшеницы, как бы олицетворяет собой ожившую природу.

В сегодняшней Бухаре в одном или двух гузарах (кварталах) имеется халвогар. Среди халвогаров сохранились традиции посвящения в усто пазанда молодых халвогаров. В этот день в доме молодого мастера собираются все халвогары Бухары. Самый уважаемый и искусный халвогар пазанда надевает на молодого мастера халат подпоясывает его поясом бельбогом. С этого дня он получает право готовить халву самостоятельно. В день посвящения в мастера молодой халвогар готовит несколько наиболее сложных видов халвы, демонстрируя этим свое мастерство.

Некоторые виды халвы входят в ассортимент изделий, выпускаемых кондитерским производством Бухары. Халву готовят в специальном цехе макаронной фабрики Бухары по сохранившимся рецептам; работают здесь в основном потомственные мастера. Цех выпускает халву, технология приготовления которой не требует ручного труда. В процессе работы используется сов-

ременное оборудование: электромешалки, электропечь, железные листы, охлаждающий стол, котлы. Цех выпускает халвой тери (пашмак), халвой оби-набод, набод, кандолот и др. Технология приготовления халвы записана со слов мастеров цеха Ш. Зиявутдинова и Б. Хусанова. Для приготовления халвой тери необходимы сахар, лимонная кислота, растительное (хлопковое) масло, говяжий жир, мыльный корень, яичный белок, пшеничная мука. Процесс приготовления длится два дня. В первый день в котле смешивают муку, растопленный говяжий жир, растительное масло на медленном огне. Готовой массе дают остыть. На следующий день в готовый сахарный сироп добавляют лимонную кислоту и уваривают до консистенции карамельной массы. Затем массу слегка охлаждают и взбивают до получения белого цвета, добавляют взбитые яичные белки, отвар мыльного корня, тщательно перемешивают, затем добавляют массу, полученную в первый день. Всю массу хорошо перемешивают и формируют бруски.

Халвой оби-набод изготавливается из сахарного сиропа, яичных белков, раствора мыльного корня и кунжутного масла. Технология приготовления сложная. Отдельно готовят сахарный сироп, уваривают его до консистенции карамели с содержанием сахара, взбивают, добавляют такое же количество кунжутного масла и оставляют на сутки. Затем приготавливают отдельно карамельную массу с добавлением взбитых яичных белков и отвара мыльного корня. Подготовленную массу соединяют со смесью сахарного сиропа и кунжутного масла и тщательно перемешивают. Затем все взбивают деревянной лопаточкой и выкладывают на большие круглые подносы.

Халвой тери и халвой оби-набод ввиду порчи некоторых компонентов, входящих в состав халвы, производится только в зимнее время. Халвой оби-набод за пределы города Бухары не вывозится.

Нам известны имена халвогаров, сохранивших и передавших свое мастерство из поколения в поколение. Это — усто Шамсиддин, Гуломи-халвопоз, акамуллои Махмуджои и др.

Халва,готавливаемая на территории города Бухары, пользуется большим спросом не только у ее жителей, но и за ее пределами.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
<i>Р. В. Альмеев.</i> Из истории Бухарского государственного архитектурно-художественного музея-заповедника	8
<i>Е. Г. Некрасова.</i> К истории сложения стен арка Бухары (Новые археологические данные)	15
<i>Ш. Т. Адылов.</i> К исторической топографии Варахши	23
<i>А. Мусакаева.</i> К типологии монет Бухары с изображением верблюда	33
<i>Д. К. Мирзаахмедов, Ш. Т. Адылов, А. Р. Мухамеджанов.</i> Стекланные изделия из Пайкенда	38
<i>Д. К. Мирзаахмедов.</i> Глазурованная керамика Бухары второй половины XVIII — первой половины XIX в.	49
<i>Б. Казаков.</i> Коллекция исторических документов Бухарского государственного архитектурно-художественного музея-заповедника	62
<i>Г. Н. Курбанов.</i> Свиток документов Данийал бий аталыка (XVII в.)	79
<i>Х. Тураев.</i> Документы архива кушбеги — важный источник для изучения феодального института танхо	111
<i>М. Пулатова.</i> Новые материалы к истории БНСР (Из материалов фондов Бухарского государственного архитектурно-художественного музея-заповедника)	119
<i>А. Нуриллаева.</i> Музей истории колхоза	128
<i>М. И. Ниязова.</i> К вопросу о технологии производства бухарских сладостей	131

Научно-популярное издание

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БУХАРЫ

Художник *Х. Пулатов*
Худож. редактор *А. Дехканходжаев*
Техн. редактор *А. Горшкова*
Корректор *Ю. Видяева*

ИБ 4935

Сдано в набор 6.07.88 г. Подписано в печать 20.02.90. P07318. Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Усл. печ. л. 7,9. Усл. кр.-отт. 8,36. Уч.-изд. л. 7,67. Тираж 2000. Заказ № 133. Заказное. Цена 35 коп.

Издательство «Ўзбекистон». 700129. Ташкент, Навои, 30. Изд. № 413—87.

Типография № 3 Ташкентского полиграфического производственного объединения «Матбуот» Государственного комитета Узбекской ССР по печати, 700194, Ташкент, Юнусабод, кв. «Г» ул. Муродова, 1.